

Ф. А. Тагиев

**ИСТОРИЯ ГОРОДА БАКУ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА (1806-1859)**

**“ЭЛМ”
БАКУ-1999**

*Автор выражает благодарность ответственному работнику
Управления Азербайджанской государственной железной дороги Ильхаму
Халилову и своему отцу за спонсорскую поддержку в издании книги.*

Рекомендовано к печати Специализированным Советом Д.004.02.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических
наук при Институте истории им.А.Бакиханова АН Азербайджана 18 сентября
1998 г.

Научный редактор доктор исторических наук, член-корреспондент
АН Азербайджана М.А.Исмаилов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Э.Б.Мурадалиева
доктор исторических наук, профессор Р. Дж.Сулейманов

Тагиев Фуад Азизага оглы

**История города Баку в первой половине XIX века (1806-1859).
Баку-“Элм”-1999, 196 с.**

ISBN 5-8066-1079-9

Объектом исследования в монографии является история города Баку
со времени завоевания его в составе одноименного ханства Российской
империей в 1806 году и до 1859 года включительно, когда городу был придан
статус губернского центра. В книге подробно освещается социально-
экономическая, политическая и культурная жизнь города Баку в первой
половине XIX столетия.

T0503020907-861

655(07)-99

© Ф.А.Тагиев

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе после восстановления независимости Азербайджанской Республики в 1991 году перед азербайджанской исторической наукой, уходящей корнями в прошлое, и, получившей дальнейшее развитие в системе советской исторической науки, встают большие задачи по цельному воссозданию истории азербайджанского народа. Особую актуальность при этом приобретает освещение малоизученных и оставшихся вне поля зрения исследователей проблем. Период XIX - начала XX в. в истории Азербайджана тем важнее, что именно в этот период здесь происходили события, фактически обусловившие появление на этой территории, учитывая при этом традиции азербайджанской государственности в прошлом, нового типа государств - Азербайджанской Демократической Республики в 1918-1920 гг., Азербайджанской Советской Социалистической Республики в 1920-1991 гг. и современной Азербайджанской Республики.

В связи с этим представляет большой интерес изучение истории городов Азербайджана, в данном случае, Северного, так как именно в них, в городах, в основном, аккумулировались протекавшие в русле политики, проводимой в регионе Российской империей, в составе которой находился тогда Северный Азербайджан, процессы - социально-экономические, политические, культурные и т.д. Хотя города в Азербайджане имеют многовековую историю, качественный рост их связан непосредственно с развитием капиталистической формации. Развитие городов - неперемный спутник движения вперед, при этом на каждом хронологическом отрезке городское развитие отражало основные противоречия своего времени. Центр тяжести в определении города не лежит в области экономики, тем более сведенной до рассмотрения лишь отраслевого своеобразия, - он расположен в социально-экономической сфере во всей ее полноте, и не меньше того определяется общественно-правовой, идеологической и культурной сферами.

Всестороннее изучение истории городов является неперемным условием раскрытия общего характера и уровня социально-экономического развития региона в тот или иной исторический отрезок. Поэтому объектом исторических изысканий в Азербайджане, особенно в последние десятилетия, все чаще становится город. В области изучения азербайджанских городов, как средневекового, так и капиталистического периодов, отечественными историками проделана большая работа. В их трудах нашла объективное отражение социально-экономическая и политическая история целого ряда городов, способствующая полнее осветить историю Азербайджана.

Объектом исследования в монографии выбрана история города Баку в I половине XIX века. Отметим, что история города Баку XIX-начала XX веков не являлась объектом специального исследования, в том числе и период, который мы рассматриваем, не нашел комплексного отражения в исторической литературе. Необходимость восполнения пробела в азербайджанском городоведении и предопределила выбор данной темы. Вместе с тем причиной выбора послужило и то, что Баку является столицей Азербайджанской Республики, как и до этого была центром АДР и Азербайджанской ССР. Именно на период завоевания Баку Российской империей, нахождения его, как и всего Северного Азербайджана, в составе этого государства, приходится процесс, являвшийся неоднозначным по своим формам и сущности, с неременным учетом всего предыдущего развития города, последующего выдвижения Баку на центральные позиции в Северном Азербайджане, в кавказском регионе и в целом по России. Тем актуальнее видятся взятые хронологические рамки данного исследования, которые охватывают период со времени завоевания города /в составе Бакинского ханства/ Россией и до 1859 года включительно, когда с перенесением центра Шемахинской губернии, охватывавшей значительную часть территории Северного Азербайджана, из Шемахи в Баку, в истории развития последнего начался качественно новый этап.

История города Баку в указанный период исследуется отдельно от бакинских деревень, окружающих его, что диктуется задачами административно-территориального деления (бакинские деревни в тот период не входили в административную городскую черту) - Заметим, что бакинским деревням изучаемого времени азербайджанскими исследователями посвящены отдельные историко-этнографические работы. Вместе с тем, конечно же, в ходе нашего исследования рассматривались формы и степень социально-экономического взаимовлияния Баку с окружавшими его селами.

При написании работы был использован разнообразный круг источников, как неопубликованных, так и опубликованных. Первые были получены в результате изучения фондов Государственного Исторического Архива Азербайджанской Республики: “Закавказская казенная палата”, “Департамент государственных имуществ Главного Управления Наместника Кавказского”, “Казенная экспедиция Верховного грузинского правительства”, “Каспийская казенная палата”, “Каспийское областное управление”, “Канцелярия начальника Каспийской области”, “Каспийская палата государственных имуществ”, “Шемахинская палата государственных имуществ”, “Бакинское губернское правление”, “Канцелярия бакинского губернатора”, “Управление бакинского коменданта”, “Кубино-Бакинский уездный суд”, “Бакинская таможня”, “Бакинское городское казначейство”, “Каспийская областная почтовая контора”, “Кубинская почтово-телеграфная контора”, “Ба-

кинское высшее 4-классное училище”, “Бакинское уездное училище”, “Каспийский областной врач”, “Канцелярия Шемахинского губернского врача”, “Бакинский карантин”, “Бакинская городская управа”, “Дирекция Шемахино-Дербентских училищ”. Также были использованы материалы, находящиеся на хранении в Научном архиве Института истории им.А.Бакиханова АН Азербайджана.

Из серии опубликованных в дореволюционное время источников нужно прежде всего выделить 12-томное издание документов из архивов кавказской администрации - “Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией”. Богатый материал содержится в “Кавказском сборнике”, неперiodическом издании, в котором печатались архивные материалы по истории военных действий на Кавказе, а также в “Архиве Государственного Совета”. Огромную значимость имеют 1-ое и 2-ое издания “Полного собрания законов Российской империи”, в которых сконцентрированы документы законодательного характера.

Не равнозначные по своей сути сведения по политической и социально-экономической истории Баку описываемого времени содержатся и в нарративных источниках.

В качестве дополнительных источников также привлекались периодические издания Российской империи, такие как “Кавказский календарь”, “Морской сборник”, “Библиотека для чтения”, “Русский архив” и другие.

Монография является переработанным вариантом диссертационного исследования.

Автор выражает свою признательность научному редактору монографии, члену-корреспонденту АН Азербайджана М.А.Исмаилову и рецензентам - профессору Э.Б.Мурадалиевой и профессору Р.Дж.Сулейманову.

ГЛАВА I

ЗАВОЕВАНИЕ БАКИНСКОГО ХАНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Восемнадцатое столетие характеризуется возрастающей активностью Российской империи в Транскавказье. Азербайджан, как составная часть этого региона, имел важное геополитическое значение, являясь вместе с тем богатой в хозяйственно-экономическом отношении областью Кавказа. Экспансионистские цели России на Кавказе стали проявляться еще со второй половины XVI в., после того как она подошла к северным предгорьям Кавказа и начала прочно утверждаться на Тереке. С завоеванием Астрахани в XVI в. российское правительство стало считать Каспий своим, несмотря на то, что его берега омывали неподвластные России земли¹. Каспийский бассейн являлся для России естественным продолжением пути в Азию.

Вторая половина XVIII века, как известно, знаменуется становлением на территории современной Азербайджанской Республики независимых азербайджанских ханств, что подчеркивалось как дореволюционными², так и современными³ авторами. В число этих государств входило и Бакинское ханство, центром которого был город Баку, имеющий многовековую историю. Истории Баку с раннего средневековья до исследуемого нами периода посвящен фундаментальный труд известного азербайджанского историка С. Ашурбейли⁴. Имеется специальное исследование и по истории Бакинского ханства⁵. В работе мы остановимся лишь на геополитических аспектах завоевания Баку и одноименного ханства Россией, произошедшего в ходе первой русско-иранской войны.

Как уже было сказано выше, именно на период существования независимых ханств приходится активизация России в этом регионе. Кавказ всегда находился под прицелом различных завоевателей, среди которых в период позднего средневековья выделялись укрепляющаяся Турция и ослабевающая Персия. Как отмечал один из дореволюционных авторов, «в то время когда на Кавказе Турки и Персияне дрались за власть, или, с взаимной недоверчивостью, держа друг друга в страхе, стояли подозрительно на страже; на севере быстро образовалась новая политическая власть, которая более чем в продолжении целого века, бесстрашно становилась против этих двух магометанских царств»⁶, т.е. на горизонте замаячил новый соперник в борьбе за кавказские земли в лице России. Именно Турция больше всего тревожила Россию и, как отмечали советские исследователи, в течение XVIII века политика последней в Закавказье проводилась с оглядкой на позицию Турции⁷. Нужно заметить, что, как правильно отмечала советский исследователь Маркова, кавказскую политику России нужно рассматривать вкрупне с ее восточной политикой в целом⁸. На наш взгляд, тут можно сделать

небольшое добавление и сказать о связи кавказского вопроса с так называемым “восточным вопросом” в международной политике, при том, что другой исследователь, Семенов, изучавший международные отношения на Среднем Востоке в 20-е гг. XIX в., отмечал, что “персидский вопрос” в то время, имея в виду борьбу европейских держав за преобладание в Иране, связанное как с борьбой в Турции, так и с борьбой за позиции на Кавказе и в Средней Азии, являлся “одним из важных узлов международных противоречий, находясь в тесной связи с восточным вопросом и - в рассматриваемые годы - с Венской системой”⁹.

Таким образом, Азербайджан, как составная часть кавказской проблемы, играл одну из основных ролей в разрешении этого вопроса в чью-либо пользу и в этой связи особенно значима роль Баку в этом процессе, если вспомнить, что и ранее его расположение на Каспии привлекало внимание Российского государства, а походы русских войск в Закавказье в XVIII в. неизменно пролегли по прикаспийским берегам западного побережья Каспия и проходили /точнее, являлись целями походов/ и по городу Баку. И хотя к 70-80-м гг. XVIII в. стержнем политики России на Кавказе становится Грузия, которой здесь отводилась роль гегемона¹⁰, по мнению дореволюционного автора, именно “Бакинская губерния /т.е. и город Баку - Ф.Т./ есть точка русского владычества за Кавказом”, а не Грузия, так как “один взгляд на сношения русских с ... прикаспийским краем в продолжении 12 столетий убеждает нас в том”¹¹. Вышеуказанным автором брался за основу территориальный аспект, потому что он опровергал мнение о том, что “военно-грузинская дорога составляет ключ” Закавказья и говорил о соединении с ней посредством Каспия¹², однако, по нашему мнению, имея в виду ставку России на Грузию для вклинивания на Кавказ, конечно же, нельзя не учитывать фактор христианского вероисповедания жителей Грузии.

Присоединением Грузии осенью 1801 г. Российская империя перешла к практическим действиям по завоеванию Кавказа. Осторожничавшей и не торопившейся до этого России потребовалось ввиду складывавшейся международной обстановки прямо переходить к “делу”¹³. Прежняя политика в отношении других государств на Кавказе /создание вассальных государств: протектораты и т.п./ также отходила на задний план. Последним звеном в этой цепи явилось подписание Георгиевского договора в 1802 году /федерация кавказских государств под патронажем России/, который, как известно, был проигнорирован почти всеми азербайджанскими ханами, наглядно продемонстрировав сложившееся к тому времени под влиянием различного рода обстоятельств их отношение к данному соглашению. Что касается неучастия бакинского Хусейн-Кули хана в подписании этого соглашения, то здесь, кроме внешнеполитических причин, нужно учитывать и присутствие представителя кубинского Шейх-Али хана, имевшего притязания на

Бакинское ханство, на церемонии подписания договора в Георгиевске /бакинский Хусейн-Кули хан до этого добивался оформления взаимоотношений с Россией не зависимо и отдельно от Шейх-Али хана, который всячески этому мешал/. К тому же бакинский хан к тому времени находился в союзе с шемахинским ханом, который был противником Шейх-Али хана. Нужно заметить, что на всем протяжении своего правления Хусейн-Кули хан пытался путем применения системы противовесов в лице России и Ирана сохранить самостоятельность управляемого им ханства, а также лавировать между соседними ханами, имевшими виды на Баку.

Первым шагом бакинского хана после Георгиевского договора явилось укрепление позиций в собственном владении, изгнав из ханства делившего с ним со второй половины 90-х гг. XVIII в. власть своего дядю Мирза Мухаммед хана II, который отправился в Кубу, к сопернику Хусейн-Кули хана. Однако участь Баку уже была предрешена. Еще в царском рескрипте командовавшему русскими войсками на Кавказе ген.-лейт. К.Ф. Кноррингу 2-му от 12 сентября 1801 г. /в один день с манифестом о присоединении Грузии и утверждении положения об управлении ею/ последнему предписывалось “содержа сношения с окрестными владельцами и народами, стараться приумножить число приверженных к России” и “стараться особливо чрез хана Бакинского, который владеет и устьем Куры, и лучшим портом на Каспийском море, достигнуть до способов доставлять к войскам нашим в Грузии тягости из Астрахани водою, а не трудным путем чрез горы Кавказские”¹⁴. Как позднее отмечал дореволюционный автор: “Не владея ни одним пунктом не на Черном, ни на Каспийском морях, нам почти не было возможности удерживать и Закавказье, так как сообщение чрез горы было в то время трудно до крайности”¹⁵, т.е. само пребывание России в Грузии становилось бы проблематичным и это ставило под вопрос в нашем случае само существование Бакинского ханства или же делало неизбежным ущемление его независимости. Таким образом, оставалось только разрешение вышеуказанной проблемы российского правительства. Предпосылок для добровольного осуществления со стороны Баку этого не было /исключая, конечно, вышеизложенные политические нюансы/, включая социально-экономического характера. Вот что говорилось по этому поводу в рапорте генконсула России в Энзели /Иран/ Скибиновского, пребывавшего в то время в Баку, ген.-лейт. Кноррингу от 26 февраля 1802 г.: “Бакинцы и Шемахинцы, получая способы к достаточному состоянию чрез торговлю и земледелие, чрез союзы ханов своих с соседними, притом ласкаемы будучи умеренным правлением, научаемы от духовенства, что искать у христиан покровительства грешно, страшамы со стороны старшин распускаемым внушением, что когда Российские войска займут город, то жены их имели бы тогда случай к нарушению целомудрия, и другими подобными сим представлениями вселяют

народу вящую к нынешнему состоянию их признательность и отвращением к известиям, до нашего устроения Грузии относящимся”. В то же время про жителей Кубинского, Дербентского, Эриванского и Хойского ханств консул отмечал их “ревность” к “жребию” Грузии, “разорены будучи междусобными враждами и не имея доброго начальника ни в особе ханов своих, ни в старшинах”. Интересно, что, по мнению Скибинева, “Шекинский и Ганджинский народ почти такого-же расположения, какового Бакинский”¹⁶. Как после писал в своем прошении царю другой чиновник кавказской администрации, прослуживший здесь вплоть до октября 1805 г., и, оставивший службу из-за разногласий с начальством: “Все силы ума напряжены были о преклонении ханов Эриванскаго, Ганджинскаго, Нухинскаго, Шушинскаго, Шемахинскаго и Бакинскаго к сдаче крепостей их провинций; но владельцы сии, не видев ни благоденствия Грузинскаго, ни войска на победу их или на защиту от Баба-хана потребнаго, и что Грузия не может обеспечить Российския войска потребностями, для войны необходимыми, единством красноречия к тому не убедились. А безвременныя угрозы за сие благовременно вооружили всех соседей Грузии на отражение тамошних сил Российских”¹⁷. Хотя мы чуть забежали вперед в изложении хода событий, предшествовавших завоеванию Баку, но это как нельзя к месту дополняет мнение Скибинева и иллюстрирует последующие события, происходившие в регионе, и неблагоприятное участие в них нового кавказского командующего П. Цицианова. Взгляды Цицианова относительно дальнейшей судьбы азербайджанских ханств отразились в следующих его словах, которые приводились дореволюционным автором: “Вражда есть пища и упражнение здешних владетелей, - доносил он /Цицианов - Ф.Т./ императору Александру. - Видя силу российского оружия, в Кавказе водвореннаго, они прибегают к нам, прося друг против друга помощи, и, таким образом, сами ходатайствуют о своей собственной гибели. Не смея одобрить пред человеколюбивым сердцем вашего величества сию систему завоевания, должен сказать, что она необходима в настоящих обстоятельствах”¹⁸. Именно используя факт притязания кубинского Шейх-Али хана на Баку Цицианов пытался склонить бакинского хана на сторону России и добиться намеченных целей¹⁹. Тем временем Цицианов продолжал по вышеизъясненной тактике: в начале 1804 г. была завоевана Гянджа с ликвидацией одноименного ханства, при этом в ходе военных действий погиб сам гянджинский хан; в течение 1805 г. были приведены к присяге посредством заключенных трактатов Карабахское и Ширванское ханства. Вместе с тем в начале лета 1804 г. началась первая русско-иранская война. Все это сужало бакинскому хану поле для маневрирования и ставило перед необходимостью принятия конкретного решения. Однако завоеванию Баку не могли уже помешать ни поддержка вчерашнего противника Шейх-Али хана и Ирана, ни убийство Цицианова под

стенами Баку, с личностью которого для ханов, по одному из определений, сливалась “вся угроза севера”, нет его и “нечего больше бояться русского нашествия”²⁰. Его убийство только отсрочило на малый промежуток времени жизненно необходимое для планов России в Закавказье событие: 3 октября 1806 года Баку был взят без боя /хан ушел из города/ генералом от инфантерии Булгаковым, а его жители - приведены к присяге российскому императору.

Царское правительство понимало, что занятие города Баку и приведение его к присяге на верноподданство не является еще гарантией от возможных последующих потрясений как здесь, так и в целом в регионе. Не случайно, что новый командующий на Кавказе граф Гудович предписывал 11 октября 1806 г. ген.-от-инф.Булгакову, чтобы население крепости не было вооружено и “извне таковых отнюдь в крепость ни в какое время не впускать, а при въезде в город складывать им ружья на форпостах, а потом при отъезде оныя отдавать им”²¹. Дореволюционный историк Н.Дубровин, в свою очередь, ссылаясь на почти идентичное предписание /гр. Гудовича командовавшему в Баку ген.-м. Гурьеву/, но за 22 октября, пишет, что оружие могли иметь только “самые почтеннейшие беки”, а жителям оно могло выдаваться при выезде из города с последующим отобранием его при возвраще-нии²². Следующим шагом было наказание непосредственных исполнителей убийства кн.Цицианова. В своем рапорте от 13 ноября 1806 г. Булгаков докладывал Гудовичу о поимке одного из убийц /по его мнению их было трое - Ф.Т./ “по имени Амир-Хамза-Абид-бек”, который скрывался в “Ширванском владении” и его “выманил в Баку” “первый почетный Бакинский Касим-бек”. Убийца был уличен этим, а также некоторыми другими беками²³. Гудович доложил о поимке в Петербург в своем отношении от 3 декабря министру юстиции кн.П.В.Лопухину, прося довести об этом до сведения царя и попросить “разрешение о роде наказания”, считая при этом, что убийца “в пример и страх другим должен быть наказан публично в г. Баку”²⁴. Это дело дважды рассматривалось в Петербурге, в Государственном Совете: 14 января 1807 г. и 10 февраля 1808 года²⁵. Госсовет своим решением от 10 февраля 1808 г. признал справедливым исполнить над виновным наказание, “полагаемое в мнении гр.Гудовича”, которое предусматривало “в страх другим прогнать его шпицрутенами через 1000 человек 12 раз, и поставя на лице указные знаки сослать в каторжную работу в Нерчинск”, и представить это на “ благоусмотрение” императора²⁶. Можно предположить, что утвердительный вердикт царя положил конец этому делу и бакинским жителям была про-демонстрирована “карающая рука” и одновременно “милосердие” царя, к чему апеллировал Гудович при назначений наказания шпицрутенами /до этого предлагалась смертная казнь через отсечение головы/, что практически ничем не отличалось от смертной казни, так как

шансов выжить после такого наказания и каторги было ничтожно мало. Такой поворот, как видно, устраивал и определенную часть знати города Баку. Выдачей одного из непосредственных исполнителей убийства они пытались доказать как свою непричастность к этому событию, так и самого Хусейн-Кули хана /проведенными следствием было выяснено, что выстрелы были сделаны “без воли хана”²⁷/- что, впрочем, было взаимосвязано, учитывая какое место занимал вышеупомянутый Касим-бек в бывшем ханском окружении²⁸, а также упрочить свое положение при новом режиме. К тому же, как видно из рапорта ген.-м.Гурьева гр.Гудовичу от 24 ноября 1806 г., ширванский Мустафа-хан, вероятно, желая свалить противников, уведомлял Гурьева, что “Касим-бек и Ага-Керим-бек были из первых причиною смерти ген. Цицианова и что теперешнее поведение их ненадежно”. Гурьев же считал, что “хотя сие известие нельзя совершенно принять за вероятное”, “сила их в народе при теперешнем управлений уменьшается и они по наружности весьма хорошо себя ведут”²⁹.

Продолжение первой русско-иранской войны мешало и замедляло утверждение российского владычества в регионе, в том числе и в бывшем Бакинском ханстве, являясь своего рода внешним раздражителем и возмутителем спокойствия. Отсюда понятно стремление царского правительства заключить мир с Ираном, тем более на фоне ожидаемого столкновения с Турцией. “Приобретение Кубы и Баку”, писал министр иностранных дел гр.Гудовичу 14 ноября 1806 г., “заставляет тем паче помишлять о скорейшем окончании мирных переговоров, начавшихся с Бабаханом...”³⁰. Как отмечал Дубровин, “на преданность России вновь приобретенных провинций главнокомандующий рассчитывать не мог, точно так же, как на скорое заключение мирных условий с Персиею...”³¹. Переговоры с тегеранским двором в начале 1807 г. не дали результатов - иранское правительство соглашалось на заключение мирного договора лишь при условии возвращения Ирану всех земель вплоть до Кизляра³². Нужно отметить, что, говоря о возврате территорий, Иран, вероятно, имел в виду создание в последующем вассальных провинций с номинальным восстановлением прав прежних владельцев. Так, например, в одном из документов говорится о беседе армянского патриарха Ефрема с министром Аббаса - Мирзи Мирза-Хасаном, в котором последний, кроме прочего, говорил о правах Персии и отдельных правителей, в том числе и Хусейн-Кули хана, на захваченные Россией земли³³. Бывшему бакинскому хану в борьбе за возвращение прежнего статуса ханства больше не нужно было лавировать между различными силами, перейдя на сторону Ирана и надеясь с его помощью утвердиться на прежнем месте. Хусейн-Кули хана питаясь использовать в своих интересах и турецкий султан Махмуд II, который в ходе русско-турецкой войны 1806-1812 гг. обращался к нему в числе прочих

владельцев особ Кавказа с призывом к совместной борьбе против русских³⁴. После занятия Баку на протяжении последующих нескольких лет, почти в течение всей первой русско-иранской войны, как явствует из переписки царской администрации в Закавказье, для России существовала опасность со стороны Хусейн-Кули хана, действовавшего вкуче с Ираном.

Уже в начале 1807 г., 26 января, ген-м. Гурьев рапортовал Гудовичу о том, что “в Бакинском народе разнеслись недавно слухи, что Российския войска должны будут скоро оставить Баку, по случаю происшествий в Европе. Не могу никак дойти, откуда взялись сии слухи, а стараюсь в сем ложном известии народ разуверить...”³⁵. В ответ на это Гудович писал Гурьеву 5 февраля, что слухи не соответствуют действительности, о чем и сообщить жителям³⁶. Шестнадцатого марта же Гудович еще раз повторил свое прежнее указание об отобрании у жителей Баку оружия и чтобы “по нынешним обстоятельствам...не выпускать из виду ничего...”³⁷. Десятого марта 1808 г. ген-м. Гурьев докладывал Гудовичу, что в Баку пойман “Персидский шпион в то-же время, когда он читал полученное им из Персии письмо”, который “при распросах упорно отрицается, что никаких поручений от Персидского начальства не имел”. По мнению Гурьева, “соображая по письму”, и, что этот человек приехал “из Тальшей верхом”, а также “по другим обстоятельствам”, он был “послан...нарочно от Персиян”, хотя как отмечал генерал “многие из бакинцев, особенно Касим-бек старались оправдать сего шпиона тем, будто-бы оное письмо подложное”. В этом же рапорте Гурьев писал, что “все Бакинцы есть тайные шпионы Персидские; будучи во всегдашнем обращении с оными по торговле, могут скрывать свои виды...”³⁸. Факт засылки в Баку иранских разведчиков в этот период нашел отражение и в историографии³⁹. В 1809-1810 гг. Хусейн-Кули хан предпринимал усилия, направленные на восстановление статускво. В одном из донесений русского военного из Тальша 18 августа 1809 г. указывается, что “Хусейн-Кули-хан, Мамед-хан и Кара-Чорлу-хан шахсевенские...соединились с изменившим Тальшинским Хашим-ханом и Али-ханом и сделали нападение на тамошних жителей...”. Сын тальшинского Мир-Мустафа хана Мир-Хасан хан “принужден был” вступить против них в сражение 14 августа и одержал победу, взяв “Мамед-хана, Али-хана и Джафар-бека, брата Хашим-хана в плен”⁴⁰. В рапорте русского чиновника в Ширване главнокомандующему в Грузии ген.Тормасову от 20 августа также говорилось о дошедших до него сведениях о предстоящем нападении Хусейн-Кули хана на Баку и соглашении “яко-бы с Мир-Мустафа-ханом Тальшинским” об этом и о получении известия от тальшинского хана самого. Правда, в рапорте имеются некоторые разночтения с донесением, касающиеся имен и титулов союзников Хусейн-Кули хана, однако хроника событий идентична с другим вышеприведенным донесением⁴¹. В отношении ген. Тормасова в Петербург от 24 сентября

отмечалось, что талышинский хан отверг предложение персов, в том числе и о соединении с войсками, “кои Персидским правительством были назначены под начальством Хусейн-Кули-хана...для впадения в Бакинскую область...”⁴². В переписке главнокомандующего с нижестоящим начальством в конце 1810 г. мы уже встречаем сведения о приезде бывшего бакинского хана в Ширван⁴³, а также “в Бакинскую провинцию”⁴⁴, что свидетельствует о вероятности подготовки в тот период новой кампании для возвращения Баку и привлечении к ней и Мустафа-хана ширванского, поведение которого вызывало подозрения у русского командования⁴⁵. Этому факту ген.Тормасов дал объяснение в своем отношении военному министру от 18 декабря 1810 г., в котором писал: “...получил он /Лисаневич⁴⁶-Ф.Т./...верное известие, что...Хусейн-Кули...прибыл в местечко Беш-Бармак для возмущения также и Бакинской провинции, но...известясь о...разбитии Ших-Али...поспешно возвращается назад из наших границ, для чего тотчас ген.-л. Лисаневичем отправлена была вслед за ним конная партия, чтобы его поймать, однако-же не могла уже его настигнуть”⁴⁷. С ходом этих событий можно, по нашему мнению, связать и то, что бакинская конница, отправленная в составе русского отряда из Баку в августе 1810 г. против Шейх-Али хана, почти в полном составе /весь отряд состоял из 74 человек/, за некоторым исключением, перешла на сторону бывшего кубинского хана⁴⁸. В другом своем отношении военному министру от 16 февраля 1811 г. ген. Тормасов уже определенно говорит о начавшемся было волнении в Баку в 1810 г., однако прекратившемся после успешных действий русских войск против Шейх-Али хана и кубинцев /отметим, что в письме речь шла не только о кубинцах, но и волнениях в Имеретии и среди осетин⁴⁹. Вплоть до заключения Гюлистанского договора оставалась угроза захвата Баку, так, например, в начале апреля 1813 г. главнокомандующий ген.Ртищев доносил в военное министерство о целях Ирана, в числе прочего в планы которого входило “окружить Бакинскую крепость, как главное хранилище провианта, довольствующего в том краю все войска”⁵⁰, т.е., как видим, Баку был ключом к успеху во всем Закавказье.

Двенадцатого октября 1813 г. между Россией и Ираном был заключен Гюлистанский мирный договор, который юридически оформлял, кроме прочего, также и включение в состав Российской империи Бакинского ханства⁵¹. Однако этот договор не обеспечил нормальных отношений между договаривавшимися сторонами и не разрешил русско-иранских противоречий. Россия не успела еще укрепиться на Кавказе и найти прочную опору среди различных групп местного населения. Иран, в свою очередь, не мог смириться с расширением территории России и приближением ее границ к своим, а также потерей своего влияния в Закавказье. Этот антагонизм, подпитываемый к тому же геополитическими интересами ведущих европейских держав, в

конечном итоге привел к началу второй и, оказавшейся последней, русско-иранской войны.

Документы свидетельствуют, что еще до начала войны между жителями г.Баку и Бакинской провинции и Ираном существовала тесная связь и тайная переписка, благо, что торговые связи между ними благоприятствовали этому. Содержание этой переписки всеяло правящим кругам Ирана надежду на успех предстоящей военной кампании. Вот что говорится, например, в донесении кн.Меньшикова из Ирана в Тифлис управляющему гражданской частью в Грузии ген.-л.Вельяминову: "...надежда же их /Ирана -Ф.Т./ основывается на успехах возмущения...Из Шеки, Баку, Кубы и Галыша есть также просьбы /иранской стороне - Ф.Т./..."⁵². Среди персидских бумаг, захваченных русскими в результате ухода бакинского хана из Бакинской провинции осенью 1826 г., есть документ, под названием: "Повеление Аббас-Мирзы к хану", который, вероятно, был дан хану перед выступлением в поход и обращен, как видно из текста, к населению Баку. В нем говорилось: "Объявить бекам бакинским.../идут именна - Ф.Т./ и прочим бакинским жителям; принимаю в вас участие...; видел вашу службу; покажите теперь вновь ко мне усердие...;...кто верно будет служить, тому дам чин, назначу жалованье до последнего колена того семейства; ...а кто будет действовать с Гуссейн-Кули-ханом, тот от меня примерно будет награжден. Хан же сей по приказанию моему послан под Баку; в войсках моих назначены 2 предводителя, Гаджи-Магомет-хан и Ибрагим-хан; большое войско с пушками и сарбазами отправил я из Персии; Ших-Али-Мирзу вслед за сим послал еще с войсками из Персии в ваши провинции: Баку, Куба и Дербент; все эти города поручены мною Ших-Али-Мирзе..."⁵³. Как видим, Иран рассчитывал на помощь изнутри в возврате под свое влияние земель, что имело под собой объективную подоплеку, так как "прелести" комендантского управления в Северном Азербайджане, как системы колониального правления в целом, являлись богатой почвой для вспышек народного гнева. Обратим внимание на последнюю фразу "Повеления", по которой мы можем судить о планах Ирана в отношении дальнейшей судьбы закавказских провинций и в том числе Баку.

Девятнадцатого июля 1826 г. иранская армия вторглась в пределы Северного Азербайджана. Отряд во главе с Хусейн-Кули ханом направился к Баку. Это было одним из моментов в стратегии этой войны, когда каждый из ханов направлялся в места бывшего своего правления. Архивные документы, вошедшие в "Кавказский сборник" в виде "Материалов к истории персидской войны 1826-1828 гг.", в части относящейся к Баку, воссоздают, при критическом их обозрении, картину событий, происходивших в этот период в городе Баку и одноименной провинции. Здесь была собрана, в основном, переписка бакинского коменданта полковника барона Розена 5-го и других причастных

лиц с вышестоящими инстанциями, что позволяет проследить ход событий как-бы изнутри, а также взглянуть на восставших глазами русских чиновников.

В своем рапорте кавказскому начальнику ген. Ермолову бакинский комендант от 2 августа 1826 г. докладывал, что 25 июля 1826 г. Хусейн-Кули хан и с ним до 150-200 человек персидской конницы со стороны селения Гюздек вступил в Бакинскую провинцию⁵⁴. Х.М.Ибрагимбеили в своей работе, посвященной военно-политической истории данного региона в первой трети XIX в., пишет о том, что хан 26 июля еще только захватил сальянские рыбные промыслы⁵⁵ /они находились на пути следования отряда -Ф.Т./, что противоречит дате из рапорта, которая представляется нам более верной. Заметим, что Х.Ибрагимбеили больше, чем другие авторы, уделяет места в своем труде бакинским событиям 1826 г., рассматривая их в ином разрезе, в результате чего, исходя из неправильной трактовки вопроса и не использования приводимых нами документов, допускает некоторые неточности, как, например, такие: “население Апшеронского полуострова и окрестных сел вокруг крепости Баку и самого города, которые Гусейн-Кулихан намеревался привлечь на сторону Ирана, не приняло его предложения”; “гарнизон крепости насчитывал 500 старых опытных солдат”; “русские солдаты и бакинские ополченцы действовали против неприятеля”, а также ошибочные, на наш взгляд, выводы, которые естественно вытекали из вышеприведенных цитат, вроде того, что “малочисленный русский гарнизон... не смог бы противостоять превосходящим силам неприятеля и удержать Бакинскую крепость без активной помощи населения Бакинского ханства...”⁵⁶. Даже дореволюционные авторы, которых трудно заподозрить в любви к восставшему населению, более или менее объективно подходили к этому вопросу. Так, например, Потто, давая в общем оценку сложившейся в то время ситуации, писал: “...к сентябрю 1826 г. весь обширный восток Закавказья, все, что лежало непосредственно за пределами древней Иверии и до самого моря, стояло в огне возмущения /выделено нами - Ф.Т./. В самой Грузии...настроение жителей было весьма тревожное”⁵⁷. Это же отмечал и видный азербайджанский публицист Г.Минасазов в своей работе, специально посвященной этим событиям⁵⁸. Наконец, само русское высшее военное и гражданское начальство признавало факт восстания местного населения, в том числе и в Баку⁵⁹.

Перейдем к документам, непосредственно относящимся к Баку, и приведем некоторые цитаты из них, из которых усматривается, что: “из многих деревень /Бакинской провинции - Ф.Т./ жители...стали доставлять продовольствие хану”; “бакинский гарнизон состоит из людей...изувеченных и дряхлых, что едва половинное число может быть во фронте”; “вооружены были все нестроевые чины всех команд, служители ведомству военному

неподлежащие и жители из армян⁶⁰, и по размещению всех их по крепости, едва можно было занять только батареи...стены же оставались без людей и караула; с прибытием войск из Ленкорани...крепость в безопасном состоянии, буде неприятель не предпримет осадных действий”; “форштат совершенно оставлен; в крепости осталось весьма мало жителей и не более 150 семейств, которых...по домам обезоружены”⁶¹. Краткое цитирование донесений бакинского коменданта помогает в создании представления о ситуации в Баку в целом. Остановимся на более подробном разборе некоторых фактов, представляющих наибольший интерес с точки зрения их трактовки в документах и в работах различных авторов. Прежде - о населении, оставшемся внутри крепости. Комендант Розен в рапорте ген.Ермолову от 2 августа 1826 г. писал по этому поводу: “...отдал я приказание городским жителям, что имеющие возможность к пропитанию себя, могут оставаться в крепости, а прочие выехали бы в селения...”⁶². В других донесениях он также касался вопроса о жителях, которые интересовали его с точки зрения спокойного их поведения. Этому были свои причины, о чем уже говорилось выше. Отметим, что среди уже упомянутых найденных персидских бумаг было также письмо такого содержания: “От бакинских жителей за печатями:.../идут имена - Ф.Т./ пишут из крепости: мы чрезвычайно рады, что вы приехали с войском; мы готовы служить всем нашим коленом, желаем душевно вам взять крепость и сделать нас благополучными”⁶³. Как видно из текста, письмо было адресовано бакинскому хану. Поэтому довод коменданта Розена о пропитании представляется нам всего лишь предлогом, для того чтобы выслать неблагонадежных лиц из крепости. То, что это было именно так, можно увидеть из всеподданнейшего рапорта ген.Ермолова от 15 ноября 1826 г.⁶⁴ и работы Потто. Вот что пишет последний: “Полковник барон Розен..., опасаясь измены, нашел необходимым выслать из крепости всех жителей /выделено нами - Ф.Т./, за исключением лишь нескольких стариков да еще семейства преданного России Казим-Бека...”⁶⁵. Если исходить из того, что наступавшие ждали восстания внутри самой крепости /что было не беспочвенно/, то тогда выселение горожан должно было отразиться и отразилось на планах Хусейн-Кули хана. Чтобы представить себе масштабы выселения, обратимся к статистике того периода. По камеральному описанию 1816 г. в Баку проживало: в крепости - 4349 азербайджанцев обоих полов, а на форштадте - 921 азербайджанец об. п.⁶⁶; по описанию 1832 г.: в крепости - 2870 азербайджанцев мужского пола, на форштадте - 624, азербайджанца м.п.⁶⁷. Простое сопоставление цифр, даже без рассмотрения различных демографических параметров для примерного вычисления количества азербайджанского населения города на момент восстания, показывает, что выселение коснулось огромного числа горожан, т.е. можно с уверенностью утверждать, что решение проблемы таким образом, не затрагивая еще его

нравственных аспектов, было по меньшей мере неразумным, так как это являлось дополнительной причиной для недовольства, даже среди жителей, возможно, и не помышлявших о каких-либо антиправительственных действиях.

Обратимся теперь к вопросу о численности противостоящих горон. Примерный подсчет количественного и качественного состава их - почти 1500 чел. российских военнослужащих с учетом перебазировавшихся из Ленкорани⁶⁸ и около 1000 чел. конницы хана⁶⁹, которая в силу своей специфики, по нашему мнению, не могла служить для взятия крепости, тем более, что в период с 1807 по 1811 г., т.е. после завоевания Баку Россией, были проведены мероприятия по укреплению обороноспособности крепости⁷⁰ - показывает, что силы российских военных были достаточные. Некоторые авторы определяют количество ханских сил в 3000 чел.⁷¹ Эта цифра дается, вероятно, с учетом вставших жителей города и провинции. Отметим, что и Ермолов в своем всеподданнейшем рапорте от 15 ноября 1826 г. писал о том, что хан собрал “жителей более 3-х т. чел.”⁷². К последней цифре нужно подходить двояко: с точки зрения боеспособности восставших и является ли она показателем количества жителей, принимавших участие в восстании. Как военная сила эти люди, представители мирных профессий, не представляли, думается, особой угрозы гарнизону крепости с точки зрения своей организованности и вооруженности. Нельзя судить по этой цифре и о степени участия жителей в восстании. Тут нужно учитывать и пассивную борьбу⁷³, как-то, что, например, жители снабжали отряд хана продовольствием.

Первоисточниками также опровергается существующее в литературе мнение о разрушении предместья Баку - форштадта - силами бывшего бакинского хана⁷⁴. Как явствует из рапорта бакинского коменданта от 10 сентября 1826 г., форштадт, который “разламывался” в результате происходивших на нем стычек, был разрушен “совершенно” по распоряжению коменданта⁷⁵, вероятно, для недопущения закрепления в нем противника, особенно, если учитывать, что комендант докладывал о возможности штурма крепости⁷⁶.

События, разворачивавшиеся в ходе второй русско-иранской войны, имели непосредственное влияние и на ситуацию вокруг Баку. Поражения иранской армии в сентябре 1826 г. в Шамхорской и Елизаветпольской сражениях, а также действия российской армии непосредственно против бакинского хана, вынудили последнего в начале октября того же года вернуться в Иран⁷⁷, т.е. это время можно считать конечной стадией в описываемых событиях, так как, вполне вероятно, что после ухода хана из Бакинской провинции, восстание по инерции еще несколько дней продолжалось /в одном из документов говорится о факте блокирования ханом Баку до 27 сентября⁷⁸, при этом имеется, вероятно, в виду отход хана непосредственно от города, исход же из провинции произошел, думается, чуть позже - т.е. в

октябре/. Потери русского гарнизона, по данным дореволюционного автора А.Гизетти, составили: раненых - 26 чел., убитых - 4 человека⁷⁹. По нашим подсчетам, сделанным на основе имеющихся рапортов коменданта, число раненых составляло 41 человек⁸⁰.

Наглядным показателем участия жителей Баку и окрестных селений в восстании являются найденные нами архивные материалы. Документы эти разнообразны по своему характеру: тут и описи имущества бежавших жителей как города, так и селений; списки самих бежавших; списки арестованных; списки вернувшихся жителей; торговый лист о продаже с торгового имения, оставшихся от бежавших в Иран бакинских беков; различная переписка по этим вопросам⁸¹. Судя по ним можно увидеть, что социальный состав занесенных в списки и вместе с ним их имущественное состояние было различным, что позволяет сделать вывод об всеобщности участия населения Бакинской провинции в этих событиях. Царское правительство, вероятно, было заинтересовано в возвращении бежавших, естественно не упуская из виду степень их участия в восстании. Нужно учитывать и то, что лица, заведомо знавшие степень своей вины, по всей видимости, находили за благо не возвращаться назад. В связи с этим небезынтересен документ - предписание генерала от инфантерии ген.-адъютанта, кавказского командующего Паскевича бакинскому коменданту Розену от 29 февраля 1828 г., посланное из Тебриза, в котором говорилось: "Находящемуся ныне в Персии, Бакинскому выходцу Гусейн Кули Беку, дозволив возвратиться на прежнее место жительства его, предписываю..., когда прибудет сей....отдать ему всю собственность его, есть ли впрочем с выходом оттуда не сделал он преступления, которое бы лишало его на то права, примите однако же осторожность, дабы Гусейн Кули бек под видом собственности не воспользовался имением в управлении его состоявшим, буде он имел таковое, ибо сии последние имения никому из возвращающихся из Персии Выходцов отдавать не должно"⁸².

В 1828 г., в результате собранных сведений, открылись злоупотребления при определении степени виновности жителей Бакинской провинции: "...в Бакинской и Кубинской провинциях лишено жизни тамошних и других владений жителей, а именно: по распоряжению ген. Ермолова повешено 8...бывшаго в Дагестане военно-окружным начальником ген.-м. Краббе повешено 40 и засечено 6 чел. и...бывшаго командира Апшеронского пехотного полка, полк.Мищенко, повешено 5 и заколото штыками 15, - а всего лишено жизни 74 чел. В доставленных от ген.-м. Краббе списках главнейшие преступления лишенных жизни показаны: измена, возмущение жителей и подьятие против войска наших оружия из показаний тех беков и жителей, на коих сделана ссылка, открылось, что немногие из обвиняемых достойны были смертной казни; но большая часть из них признавались виновными и после лишились жизни по одним словам беков

или нукеров /служителей/ их, без дальнейшего спроса и открытия преступлений...»⁸³. Отметим, что Ермолов с середины ноября по начало декабря 1826 г. находился в Баку /примерно в это же время здесь был и военно-окружной начальник Дагестана Краббе/, найдя «оную в весьма хорошем состоянии» и одобрив действия бакинского коменданта по защите крепости.

Каковы же итоги событий, происходивших в Баку и провинции во время русско-иранской войны 1826-1828 гг? Имеем ли мы право называть их восстанием? С уверенностью можно утвердительно ответить на этот вопрос. Российская феодальная система управления не могла предложить ничего лучшего населению завоеванных провинций и в том числе Баку. Минасазов писал, что в начатой войне жители бывших азербайджанских ханств усмотрели момент, могущий благоприятствовать успеху давно задуманного восстания⁸⁴, т.е. толчком послужила и война, и возвращение ханов с военными отрядами, и естественно, что основной организующей силой восстания стала местная знать. Говоря о ней, в литературе отмечается, что она защищала в этой борьбе собственные интересы; не отрицая этого момента в действиях знати, все-же нельзя умалять объективно прогрессивный характер этого выступления единым фронтом против колониального гнета. В связи с этим также представляет интерес высказывание Минасазова о том, что «...подавляющей части трудового населения, забитого и бесправного, всегда приходится подходить к оценке своей судьбы путем примитивнейшего метода сравнения с судьбой соседей, или с судьбой собственной вчерашней и сегодняшней»⁸⁵. Интересно, что схожий тезис мы встречаем в докладной записке председателя Комиссии для составления положения об управлении Закавказским краем барона П.В.Гана Николаю I в связи с критикой им комендантской системы управления⁸⁶. На события нужно смотреть и сквозь призму борьбы России и Ирана за влияние в регионе в это время. Восстание, которое кроме «задуманности», носило, в основном, по нашему мнению, стихийный характер, оставшись без организационной и военной поддержки после ухода хана⁸⁷ один на один с российской военной машиной, было обречено.

С окончанием последней русско-иранской войны и подписанием Туркменчайского трактата 10 февраля 1828 г.⁸⁸ было окончательно закреплено нахождение г.Баку в составе России.

1. Кривенко В.С. Очерки Кавказа. СПб., 1893, с. 167; Полиевктов М.А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. - Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, вып.4, 1937, с.247.
2. См.: Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении /в дальнейшем - ОРВЗК/. СПб., ч.1, 1836, с.71-72; Дубровин Н. Закавказье от 1803-1806 года. СПб., 1866, с. 10.
3. См.: Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, с. 160; Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958, с.ХI; Гаджиева С.М. Азербайджан во внешней политике правительства Екатерины II. Автореф. канд. дисс. Баку, 1986, с.3; Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия /конец XVIII- начало XIX в./. Баку, 1989, с.6; Искендеров А.Г. Социально-экономическое положение Северного Азербайджана в период российских завоеваний /первая треть XIX в./. Автореф. канд. дисс. Баку, 1992, с. 19.
4. Ашурбейли С.Б. История города Баку /период средневековья/. Баку, 1992.
5. Искендерова М.С. Бакинское ханство и его присоединение к России. Автореф. канд. дисс. Баку, 1983.
6. Фон-Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., ч.2, 1857, с. 187.
7. См.: Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966, с.285; Киняпина Н.С. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России /вторая половина XVIII в.-80-е гг. XIX в./. М., 1984, с.90-92.
8. Маркова О.П. Россия, Закавказье..., с. 12.
9. Семенов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х гг. XIX в. Л., 1963, с.5.
10. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия..., с.317.
11. Зейдлиц Н. Исторический обзор Бакинской губернии. - Кавказский календарь на 1871 г. Тифлис, 1870, отд. второе, с.25.
12. Там же, с.26.
13. См.: Маркова О.П. Россия, Закавказье..., с.306.
14. Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией (далее - АКАК). Тифлис, т. I, 1866, док. N 548. с.436.
15. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., ч. I, 1885, с.267-268.
16. АКАК, т. I, док. N. 887, с.640-641.

17. Там же, Тифлис, т.Ш, 1869, док. N I, с.4.
18. Владыкин М. Путеводитель и собеседник..., ч.І. с.259.
19. АКАК, Тифлис, т. II, 1868, док.N 1496, с.728-729.
20. Кривенко В.С. Очерки..., с. 152. См. также: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., т.V, 1887, с.5-6.
21. АКАК, т. III, док. N 741, с.392.
22. Дубровин Н. История войны..., т.V, с.78.
23. АКАК, т.Ш, док.N 645, с.349.
24. Там же, док. N 169, с.94.
25. Архив Государственного Совета. СПб., т.Ш, ч.2/1801-1810 гг./, 1878, с. 1115-1116.
26. Там же, с. 1116.
27. Там же.
28. Касим-бек Сслимханов был зятем Хусейн-Кули хана. - Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991, с. 171.
29. АКАК, т.Ш, N 647, с.350. Заметим, что Дубровин упоминал имена Касим-бека и Ага-Керим-бека среди лиц, участвовавших во встрече с Цициановым, во время которой последний был убит. - См.: Дубровин Н. Закавказье..., с.479.
30. АКАК, т.Ш, N 795; Дубровин Н. История войны...,т.V, с.118.
31. Дубровин Н. История войны..., т.V, с. 132.
32. Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983, с.36.
33. АКАК, Тифлис, т.IV, 1870, док. N 1148, с.751-752.
34. Там же, док. N 1174, с.771-772.
35. АКАК, т.Ш, док. N 748, с.397.
36. Там же, док. N 656, с.353.
37. Там же, док. N 657, с.354.
38. Там же, док. N 830, с.455.
39. Зейналоглу Дж. Краткая история Азербайджана. Баку, 1992 /на азерб.яз./, с.97.
40. АКАК, т.IV, док. N 874, с.580.
41. Там же, док. N 764, с.519. См. также: Там же, док. N 873, с.579-580.
42. Там же, док. N 881, с. 586.
43. Там же, док. N 794, с. 536-537.
44. Там же, док. N 795, с. 537.
45. Там же, док. N 795, 800.
46. Лисаневич в то время командовал силами для подавления волнения.
47. АКАК, т.IV, док. N 1028, с.669.
48. Там же, док. N 1013, с.653-656.
49. Там же, док. N 274, с. 188.
50. Там же, Тифлис, т.V, 1873, док. N 856, с.705.

51. Трактат был обнаружен 16 июля 1818 г. - См.: Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики /далее-ГИА АР/, ф.202, оп.1, ед.хр.25, лл.279-282.
52. АКАК, Тифлис, т.VI, ч.2, 1875, док.№ 633, с.349. См.также: Семенов Л.С. Россия..., с.93.
53. Кавказский сборник. Тифлис, т.27, 1908, с. 10.
54. Там же, с.37-38.
55. Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. (из военно-политической истории). М.,1969, с. 179. Подобная трактовка встречается и в других работах. - См.: Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX-нач.XX вв). Баку, 1955, с.44; Искендерова М.С. Бакинское ханство..., с.26.
56. Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан.... с. 180.
57. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.,т.III, вып.1, 1888, с. 112.
58. Минасазов Г. Сто лет одной революции (азербайджанское восстание 1826 г.). Известия АЗГНИИ (историко-этнографическое и археологическое отделение). Баку, т.I, вып.3, 1930.
59. См.: АКАК, т. VI, ч.1, Тифлис, 1874, док. №1333; ч.2, док. № 688, 699 и др.
60. По камеральному описанию 1816 г. в Баку (крепость и форштадт) проживал 131 армянин, а по камеральному описанию 1832 г. - 172 армянина (подсчеты наши - Ф.Т.). - См.: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.51, лл.23-23об; ед.хр.370, лл.131об. - 148.
61. Кавказский сборник, т.27, с.38,40,43,46.
62. Там же, с.38.
63. Там же, с. 107.
64. АКАК, т. VI, ч.2, док.№ 699.
65. Потто В. Кавказская война..., т. III, вып.1, с. 109.
66. ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.51, лл.5об,-26об. (подсчеты наши - Ф.Т.).
67. Там же, ед.хр.370, лл.1-184 (подсчеты наши - Ф.Т.)
68. Потто В. Кавказская война..., т. III, вып.1, с.116; Кавказский сборник, т.27, с.39,42-43, 89-91.
69. Кавказский сборник, т.27, с.39,42,48.
70. ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр 23а, лл.30об.-34об.
71. Потто В. Кавказская война..., т. III, вып.1, с. 108; Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан..., с. 179. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974, с. 168.
72. АКАК, т. VI, ч.2, док. № 699, с.386.
73. Минасазов Г. Сто лет..., с.11.
74. См.: Потто В. Кавказская война..., СПб., т. III, вып.2, 1888, с.232; Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку XIX- начала XX вв. Л., 1978, с.13.

75. Кавказский сборник, т.27,с.49.
76. Там же, с.39.
77. Дубровин Н. История войны..., СПб., т.VI, 1888, с.688-690.
78. ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр.23а, л.117.
79. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801-1885 гг. Тифлис, 1901, с.144.
80. Кавказский сборник, т.27, с.42,44.
81. ГИА АР, ф.47, оп.1, ед.хр.3
82. Там же, л.22.
83. АКАК, Тифлис, т.VII, 1878, док. N 472. См. также: Там же, Тифлис, т.VIII, 1881, док. N1, с.8.
84. Минасазов Г. Сто лет...,с.9.
85. Там же. с.5.
86. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. Часть 1. Феодалные отношения и колониальный режим. 1827-1843 гг. М.-Л., 1936, док. N 24, с.307.
87. Последний бакинский хан Хусейн-Кули прожил до конца своих дней в городе Ардебиле (Южный Азербайджан), где и умер в 1845 г.; тело его было отправлено в Кербелу. - См.: АКАК, т.V, с. 1119.
88. Полное собрание законов Российской империи, изд. II (далее-ПСЗ-II). СПб., 1830, т.3, N 1794.

ГЛАВА II

ТЕРРИТОРИЯ, НАСЕЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ

ТЕРРИТОРИЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА

Сразу же после завоевания Баку, в октябре 1806 года, русской военной администрацией был составлен план территории, занимаемой городом, - "План города Баку с показанием Округ лежащей ситуации"¹. Этот план представляет для нас большой интерес, так как дает представление о планировке города в момент его захвата. Рассмотрим по этому плану некоторые сооружения города того времени.

Первым указан "ханский дом", т.е. дом бакинских ханов, который располагался, если идти в крепость с северной стороны через Шемахинские ворота (нынешние Гоша-гапы), с левой стороны этих ворот². После завоевания города в ханском доме оставался ген. Булгаков³. Есть мнение, что дом после реконструкции по чертежу 1806 г., составленного русскими военными инженерами, был превращен в солдатскую казарму, в результате чего от самого дома осталось только основание⁴. Это мнение можно принять, так как в документах, датируемых первой третью XIX в., имеются сведения о наеме домов горожан под жилье для коменданта и его управления⁵. Уже с начала 40-х гг. и после появляются сообщения о размещении их в доме бакинских ханов⁶. Переселение было связано, вероятно, с увеличением числа местных учреждений власти после введения в Закавказье гражданского управления и, можно предположить, что часть здания была занята непосредственно комендантом, а остальная - под его управление, в том числе, возможно, и под казарму.

"Шах Амир Халилова древ, замок" - это, по его расположению на плане, комплекс дворца Ширваншахов. Следует отметить, что в исследуемый период он находился в ведении военного ведомства, которое приспособило его под складские помещения военного снаряжения, в том числе и боеприпасов. Российскими властями с этой целью во дворце был сделан ремонт, так как дворец находился в разрушенном состоянии, а также произведены некоторые перестройки: были снесены ряд стен, разделявших комнаты на 2 и 1 этажах, на фасаде были пробиты большие входные проемы, к которым вели пристроенные к зданию пандусы и т.д., чем был нанесен урон архитектуре дворца, как историческому памятнику⁷.

"Калыс Хонзар. Большая башня" - названное так в плане сооружение является Девичьей башней. Такое название башни связано с одной из легенд о

ней. В первой половине XIX в., судя по обмеру башни в 1808 г.⁸ и описаниям ее различных людей, побывавших в Баку в этот период и позднее⁹, включая и начало XX века (об этом свидетельствует обмер башни 1913 г.)¹⁰ в башне не имелось внутри перекрытий между этажами, хотя, как известно, сохранились первые ряды кольцевой кладки, по мнению азербайджанских ученых Л.Бретаницкого и Ю.Тузинкевича, ранее обрушившихся сводов¹¹, или, как отмечал академик К.Бэр, посетивший Баку в середине 50-х гг.XIX в., эти самые карнизы “по крайней мере” были предназначены для того, чтобы на них опирался “деревянный потолок”¹². Российскими властями был произведен ремонт обрушившейся карнизной части башни, как это видно из обмера 1808 г. Имеются сведения и о реконструкции верхней части башни в XIX веке с целью приспособления ее под маяк¹³. Так называемый Бакинский маяк, находившийся на Девичьей башне, начал светить 13 июня 1858 г.¹⁴, до этого же времени на ней поднимался крепостной флаг¹⁵, флагшток которого предусматривался обмером и планом 1808 г.¹⁶. Правда, азербайджанский исследователь М.Набиев считал, что карниз башни никогда не разрушался (вероятно, он имел в виду основные видоизменения), а лишь подвергался в 1808 г. незначительному ремонту¹⁷. По обмеру 1808 г. проектировались перильца для безопасного перехода по выступам из одних дверей в другие, а также “лесница для всходу на первый выступ”, которые и были устроены. В описании башни 1913 г. показано внутреннее расположение ее, которое, по нашему мнению, можно использовать как показатель состояния башни (после произведенных в ней работ) в течение всего XIX века, в том числе и его первой половины: “Потолок деревянный, покрытый кировой кровлей. Междуэтажных покрытий нет. Сообщение с площадкой наверху башни начинается открытым каменным маршем внутри башни, затем продолжается поочередно то по отдельным маршам, выделанным в толще стены, то по деревянным мосткам с перилами, примыкающим к кольцевой стене башни внутри ее. Деревянные части потолка и переходных мостков ненадежны...”¹⁸. В заключение повествования о башне следует отметить, на наш взгляд, неправомерность суждения, выдвигаемых в связи с настоящим видом междуэтажных перекрытий, в том числе и в вопросе о назначении круглых отверстий, находящихся посередине перекрытий.

“Главная мечеть”, как усматривается из плана, это Джума-мечеть, недалеко от Девичьей башни (известно, что пятничная мечеть считается главной в мусульманских странах).

Отмечаемые по плану “Воденые ворота”, как видно из него, - это ворота, находившиеся в приморской стене, и, соединявшиеся с караван-сараями в приморской части крепости. Интересно, что в последующие годы современники отмечали существование с приморской стороны нескольких малых выходов, а “желающие” могли “проходить прямо и через стену”¹⁹.

Баку, расположенный амфитеатром по скату высокой горы, представлял собой продолговатый многоугольник и был окружен с северной и западной сторон двумя рядами крепостных стен, а с южной и, отчасти восточной, - одной стеной, сливавшейся с прилегавшими к ним зданиями казенных и частных домов и караван-сараев²⁰. По линии крепостных стен со стороны суши был прорыт сухой ров, выложенный камнем, и насыпан земляной вал. Изменения в пространстве перед южной крепостной стеной в исследуемое время находились в зависимости от колебания уровня воды в Каспии. Академик Бэр в своих дневниках приводил слова одного из бакинцев-старожилов о том, что “уровень воды был самый высокий ко времени русского завоевания”. Далее говорилось: “Затем вода стала убывать, сначала медленно, а потом быстрее, и теперь все еще убывает (речь идет о середине 50-х гг. XIX в. -Ф.Т.)”²¹. Ранее, в 1830 году, академик Ленц также со слов местных жителей отмечал, что до 1817 г. морские волны омывали стены Баку, но начиная с этого года уровень воды падал до 1824 г., когда он на “некоторое время” остановился, однако в “последние годы” снова стал понижаться²². Если обратить внимание на данные из так называемого формуляра крепости Баку за описываемый период, увидим, что: в 1808 г. вода в море поднималась “до подошвы” крепостных стен “на всем протяжении морского берега”; в 1810 г. - вода отстояла от крепостной стены “на две и более сажени (2 сажени - примерно 4 м - Ф.Т.)”; в 1815 г. - морская вода стояла “под стеною крепости”, а в 1816 г. - отстояла от крепостной стены “от 2 до 5 сажень (4-10 м - Ф.Т.)”²³. Как видим, эти сведения, в основном, соответствуют вышеприведенному тезису об обмелении Каспия в изучаемый период, и, на наш взгляд, должны считаться более достоверными, так как формуляр составлялся, как усматривается из него, администрацией крепости. Обмеление Каспия отмечается современниками и в последующие годы рассматриваемого времени. Один из авторов “Обозрения российских владений за Кавказом” (середина 30-х гг.) писал, что море отстоит “в некоторых местах” от крепостных стен “на 3 сажени и более”²⁴, а русский ученый И.Березин отмечал, что во время его посещения Баку в начале 40-х гг. прошлого столетия “городская стена удалялась от моря большею частию сажени на четыре”²⁵. Об убывании уровня воды в Каспии и состоянии его относительно побережья Баку говорилось и в других работах²⁶. Нужно заметить, что Бакинская таможня по предписанию министра финансов Канкрин с 1837 по 1856 год производила наблюдения за изменением уровня Каспийского моря²⁷ (впоследствии измерения велись морским ведомством²⁸). Сохранились архивные документы, которые позволяют проследить эти изменения по различным параметрам с указанием времени по месяцам, дням и часам²⁹. Как свидетельствуют источники 50-х гг. XIX в., уровень воды в Бакинской бухте “стоял невысоко, как и в последующие за тем годы, до 1864 г.

включительно”³⁰, т.е. вплоть до конца изучаемого времени у стен Баку сохранялся пониженный уровень воды. Чиновник местной администрации Спасский-Автономов в начале 50-х гг. писал, что “узкая окраина” берега составляет “сажень на 5-ть в поперечнике”³¹. Другой автор отмечал, что в 1854 г. ширина прибрежной полосы “от стены к морю” была местами до того узка, например, против Девичьей башни, что вода бухты “почти омывала выступающий контрфорс башни, оставляя лишь узкую дорогу для прохода и проезда”³² (и это при том, что этот же автор утверждал о невысоком уровне воды в тот период - см. выше). Такую же ситуацию описывал в 1855 г. и академик Бэр³³. Тут нельзя не упомянуть о существовавшем среди исследователей мнения об имевшем место вместо понижения уровня моря “безпрерывного” изменения очертаний его³⁴ и образовании и нарастании берега за счет наносов грунта³⁵. Вне зависимости от этого, к концу описываемого времени прибрежная полоса перед приморской крепостной стеной Баку существовала, заложив основу побережья города, а наглядно о состоянии приморской полосы можно судить по виду Баку со стороны моря (литография А.Мюнстера), вошедшего в атлас к путешествию известного ученого Б.А. Дорна по Кавказу³⁶, который побывал в Баку в 1860 году.

Камеральные описания города Баку, проводившиеся в рассматриваемый период, свидетельствуют о существовании в нем внутригородского деления. Баку, в данном случае имеется в виду крепость, делился на четыре части. Так как в описаниях указывались профессии жителей, то мы можем сделать некоторые выводы о территориально-профессиональном расселении жителей города. Такое расселение имело под собой, в основном, социально-экономическую основу. В последующем мы вернемся к этому вопросу в соответствующих разделах данной работы.

С севера на запад, т.е. от Шемахинских ворот, пересекая почти весь город в направлении к морю, и далее к Горным воротам, шла главная дорога города. Уже в плане города 1796 г. она ясно обозначалась³⁷. Однако, думается, полное оформление и тот вид, который она имела в изучаемое время, дорога получила после завоевания города Россией, а именно после 1826 г. Об этом свидетельствует предписание ген.Ермолова ген.-м. фон-Краббе от 15 ноября 1826 г., в котором он, будучи в Баку после восстания в нем, давал наказы относительно устройства крепости и, кроме прочего, говорил о необходимости в целях свободного перемещения военного снаряжения внутри крепости “чтобы по крайней мере в середине города был удобный проезд...и потому надобно проложить улицы”; здесь же давалось предписание инженер-подполк.фон-Тегеру (он должен был составить план предполагаемых изменений): “...предполагаю проложить одну главную улицу от одних ворот до других и широта сей должна быть не менее 3-х сажений. На сию главную улицу выходящая боковыя улицы, равно и объезд вокруг стен (к объезду мы

еще вернемся - Ф.Т.) могут быть широтою в 2 сажени”³⁸. При проведении в жизнь этих мероприятий предполагалась сломка домов, которые могли бы помешать при прокладке улиц (для недопущения сноса “публичных зданий” и “хороших и прочных жилищ частных людей” допускалась кривизна улиц, т.е. главная проблема крепости в этом отношении оставалась)³⁹. Изначально эта дорога являлась средоточием торговой деятельности города. От Шемахинских ворот до Джума-мечети располагался базар, проходивший мимо Девичьей башни, который от нее выходил к берегу моря. Сами торговые ряды делились на 2 части: Верхний базар и Нижний базар. Верхний охватывал территорию района Девичьей башни, а нижний - вокруг Джума-мечети. Часть Верхнего базара, от башни до Чухур караван-сарая, была крытой⁴⁰, что, вероятно, послужило наименованием находившихся там торговых рядов - “Темными рядами”⁴¹. Отметим, что, несмотря на частичную крытость, сам Верхний базар имел также название Крытого базара.

Как уже было отмечено выше, ген.Ермолов одновременно с устройством дорог предполагал также сделать проезд между городскими строениями и крепостной стеной “в 2 сажени широтою для провоза орудий и вообще тягостей”⁴². Мера, предпринятая в связи с перманентным состоянием войны с Ираном, оказалась напрасной после заключения Туркменчайского трактата, положившего конец военному противостоянию России и Ирана. Свободная полоса земли, расположенная вдоль стен внутри крепости на всем протяжении от Шемахинских до Горных ворот (в других документах зафиксировано, что полоса составляла в ширине от крепостной стены от 4 до 5 сажень, то же отмечал и исследователь Б.Бутник-Сиверский - Ф.Т.)⁴³ была уже не нужна для чего она предполагалась.

Затрагивая вопрос о мерах, предпринимавшихся властями в целях укрепления обороноспособности крепости, отметим, что они производились, начиная с конца 1807 г. Именно в этом году главнокомандующим Гудовичем был утвержден проект “о приведении крепости в лучшее оборонительное состояние”, а работы начались с 27 ноября того же года⁴⁴. В 1809 г. были построены флешы, прикрывавшие Шемахинские и Горные ворота с двумя подъемными деревянными мостами перед ними (каждый мост имел длины в 3 сажени, ширины - 1 1/2 сажени). В изучаемый период мост перед Горными воротами перестраивался в 1855 г., а перед Шемахинскими - в 1859 г. В 1808 г. был построен так называемый “новый бастион”⁴⁵, три других же бастиона, существовавшие до занятия города русскими войсками и бывшие, вероятно, теми самыми бастионами, которые были построены русскими в 1723 г. на месте старых укреплений⁴⁶, перестраивались в 1809-1810 гг. В 1810 г. был построен люнет при Горных воротах. Сами крепостные стены также подвергались перестройке, так, например, фасабрейная, т.е. наружная, стена “исправлялась перестройкою в главных своих частях в 1808, 1809 и 1810 гг.”

(Березин в 1842 г. отмечал, что эта стена местами разрушалась⁴⁷, что, вероятно, происходило из-за недосмотра за ним в связи с ненужностью его по окончании состояния войны с Ираном), а главная крепостная стена исправлялась тоже в "главных частях" в 1808 1811 гг. и 1858 г. (была переделана часть крепостной стены)⁴⁸.

Промежуток между двумя стенами, составлявший 7 метров⁴⁹, был охраняем военным ведомством. В нем была большая аллея с деревьями и кустарниками, служившая местом прогулки горожан. В архивном документе нет указания на какое-либо определенное место аллеи, что создает впечатление о существовании ее на всем протяжении стен⁵⁰. В то же время имеется описание сада в юго-западном углу крепости Спасского-Автономова, который писал, что сад имеет "около 40 сажень в длину и 5 сажень в ширину (в документе же говорилось о расстоянии между стенами в 3 сажени⁵¹ - Ф.Т.)" и перечислял его насаждения. В саду был маленький бассейн, наполнявшийся "напускною водою", и, служивший для орошения сада; почва же была образована искусственным образом из привозной земли и нагноя⁵². Бутник-Сиверский также не дает конкретно месторасположения аллеи-сада, используя при рассказе о нем тот же самый архивный документ, который используется нами⁵³. Березин отмечал существование во рву с западной стороны ручья, который протекал и между стенами; здесь же находились бассейны. При описании общественной жизни города, опять-же не указывая конкретно места, он писал об общественном саде: "...от зною и любопытных взоров не где укрыться: всего одна грешная аллея"⁵⁴ (Бутник-Сиверский, решая вопрос с датировкой возникновения сада, замечал, что Березин не давал описания его, в связи с чем датировал возникновение его серединой 40-х гг.⁵⁵; как усматривается из вышеизложенного это не является действительностью, а дату закладки сада, вероятно, нужно искать ранее - Фатуллаев относит ее к 30-м гг. XIX в.⁵⁶, что является более правдоподобным, учитывая ситуацию, в том числе и относительно положения крепости, сложившуюся после окончания войны). Академик Бэр в середине 50-х гг. в своих дневниках также несколько раз упоминал об этом саде, устроенном "на собственные средства" коменданта крепости⁵⁷, и обозначал его местоположение между крепостными стенами, опять-таки без конкретизации⁵⁸. Перечисляя посаженные здесь насаждения, он замечал, что посажены они в "ящиках, находящихся между двумя городскими стенами, - пространстве, которое служит здесь вместо рва"⁵⁹. Бэр отмечал, что комендантом "в целом" (имеется также в виду и устроенный им сад лазарета, здание которого находилось на форштадте - Ф.Т.) "посажено несколько тысяч деревьев"⁶⁰. Факт существования аллеи-сада можно считать примером разбивки первого городского общественного сада в Баку.

В этот же период, в 1853 г., бакинский уездный начальник возбуждает ходатайство перед шемахинским губернатором “об устройстве в г.Баку городского общественного сада”⁶¹. Разбивку этого сада (Бэрм этот сад еще не упоминается), по мнению Бутник-Сиверского, будущего Михайловского⁶² (ныне сад между станцией метрополитена “Бақы Совети”, западной стеной крепости и Музеем изобразительных искусств им.Р.Мустафаева), думается, следует считать первой в официальной версии закладки городских общественных садов в Баку, исходя из обращения об устройстве сада, и второй после междустенного сада. Каким бы парадоксальным не выглядело ходатайство уездного начальника при условии существования другого сада, данное обстоятельство можно объяснять результатом действий коменданта, при том, что уездный начальник имел гражданские полномочия, а комендант распоряжался устройством и назначением крепости. В то же время вынос сада за пределы крепости со стороны западной его части нужно рассматривать, на наш взгляд, и как развитие города и в этом направлении. Относительно разночтений по поводу расположения междустенного сада и в связи с тем, что только Спасский-Автономов конкретно указывает его место, можно предположить (основываясь в данном случае на хронологически последующих сведениях Бэра, в том числе и о количестве насаждений), постепенное разрастание сада к концу рассматриваемого времени из размеров и координат, приводившихся Спасским-Автономовым, по определенной длине крепостного пространства, пришедшего в упадок в результате постепенного сношения наружных крепостных стен после упразднения военного значения Бакинской крепости в 1867 г.

К моменту завоевания Баку Россией город снабжался пресной водой тремя водопроводами, доставлявшими воду из источников, расположенных далеко за городскими стенами. В начале XIX в. русскими военными инженерами проводился ремонт бакинских водоводов, что дало им возможность составить их поперечные разрезы. Азербайджанские ученые относят время прокладки этих водопроводов к более раннему времени истории Баку, чем, если брать в качества свидетельства их названия⁶³.

Спасский-Автономов отмечал наличие почти в каждом доме внутри крепости и на форштадте колодцев, вода в которых была “более или менее солоновата, и для питья, равно как для приготовления пищи может быть употребляема только в крайней нужде”⁶⁴ Это же отмечал и Березин⁶⁵. Из вышеуказанного следует, что несмотря на охват всех частей города тремя водопроводами, в городе чувствовался недостаток пресной и годной для пользования в не хозяйственных целях воды. К тому же колодцы часто засорялись, что приводило их в негодное состояние, причиной которого было и также несоблюдение санитарных норм водопользования. Чистка колодцев

требовала большого труда и выполнявшие эту трудоемкую работу пользовались уважением в народе⁶⁶. Состояние водоснабжения к концу рассматриваемого периода уже не соответствовало развитию города, в связи с чем 30 ноября 1859 г. (т.е. в то время, когда решался вопрос о перенесении центра губернии из Шемахи и до окончательного определения центра многие губернские учреждения стали переноситься в Баку) инициатор утверждения Баку в статусе губернского центра, кавказский наместник кн. А.Барятинский в ответ на просьбу шемахинского губернатора распорядился о выделении денежного кредита на улучшение водоснабжения города Баку за счет запасного капитала города в размере 6000 рублей с условием последующего восполнения⁶⁷. На отпущенные деньги в 1860 г. подле памятника эцианову, установленного в 1846 г. (район жилого дома “Монолит”, к/т “Араз” и Музея истории литературы им. Низами), был устроен большой бассейн⁶⁸, про который в отчете бакинского губернатора за 1860 г. говорится, что водою из него “уже с полною признательностию пользуются жители”⁶⁹. Азербайджанский исследователь В.Ханалиев, имея в виду 60-е гг. XIX в., пишет, что в тот период в Баку было 800 колодцев, из которых только в 100 колодцах вода была пригодна для питья⁷⁰. Если экстраполировать это на конец изучаемого времени, то получится картина, наглядно свидетельствующая о затруднениях, которые испытывал развивающийся город в области водоснабжения - одного из основных компонентов функционирования его.

На формирование архитектуры жилых сооружений в Баку оказывали факторы, являющиеся определяющими в создании “лица” той или местности, как, например, природные условия или климат, производственная деятельность населения, разнообразие местных строительных материалов и др. Для строительства употреблялся распространенный здесь ракушечный известняк, также естественным материалом был кирпич, который использовался для окрытия крыш⁷¹. При описании внешнего облика и внутреннего убранства жилых строений города нужно учитывать степень восприятия одних и тех же особенностей, отображаемых, к примеру, в работах современников, посещавших Баку в период, исследуемый нами. Для иллюстрации сравним некоторые материалы. Посетивший Баку в 1819 г. Н.Муравьев (ставший впоследствии кавказским наместником), который совершал поездку на восточное побережье Каспия, в Туркмению и Хиву, оставил воспоминания, в которых относительно интересующего нас вопроса писал, что “строения высоки, но довольны опрятны”⁷². Французский коммерсант Ж.Ф.Гамба, посетивший Баку в 1820 г. в ходе своего “путешествия по Средней России” (1817-1820)⁷³, отмечал плоские крыши домов, “покрытые землей, смешанной с нефтью”⁷⁴. Легкобытов, один из составителей “Обозрения российских владений за Кавказом” в 30-х гг. XIX в. и автор описания Бакинской провинции, давал совершенно другую картину: “...наружность домов безобразна, а

внутренность не представляет ни малейшего удобства”⁷⁵. Дома в изучаемое время были один-, два- и трехэтажными⁷⁶. Замкнутость в пределах крепостной территории вынуждала бережно относиться к каждому клочку земли, что и порождало в том числе кривизну и тесноту улиц. В домах выше одного этажа обычно размещались торговые лавки или другие производственные помещения самого хозяина дома или же отдаваемые под наем, что также свидетельствует о максимальном использовании с пользой земли, отведенной под строение. Причину же неудовлетворительного состояния в обозреваемом вопросе нужно искать в форме управления городским хозяйством, вопрос о котором будет рассматриваться в соответствующем разделе настоящей работы. Пока же приведем отрывок из всеподданнейшего доклада сенаторов Кутайсова и Мечникова, ревизовавших край почти в тот же период, когда готовились материалы “Обозрения”: “Города в Закавказском крае и доселе имеют тот-же вид, в котором они находились..., исключая некоторых казенных зданий, Российским правительством возведенных: та-же теснота и та-же нечистота по базарам и другим публичным местам, при домах, на улицах и в канавах. Городские жители обременяются повинностью постоя, так что половина или две трети домов их занимаются оным, и потому не строятся”⁷⁷. Вероятно, вся эта вкуче нерадужная картина послужила причиной столь резкого выражения отношения со стороны Легкобытова. Так, например, как бы в ответ, звучит замечание Березина, что “нельзя сказать, чтоб в Баку все дома были равно безобразны: напротив, есть дома очень невзрачные, есть дома развалины, но есть и красивые дома”, которых, как он писал, “к сожалению, очень не много”⁷⁸. Интересно и его примечание, что “красота бакинских домов не бросается в глаза...: снаружи почти все дома одинаковы, но внутри одни отделаны с большою тщательностию, а другие и совсем не отделаны”⁷⁹. Тут же приводится запись, позволяющая нам судить о внутреннем убранстве домов того времени: “Бакинцы...отделяют, кому позволяют средства, внутренность домов в персидском вкусе. В этом случае главную роль играет зал с расписным потолком, с золото-пестрыми карнизами, с коврами на полу и с сплошными стеклянными окнами вместо стен с трех сторон...”⁸⁰. Автор, как видим, показывает в данном случае традиционный элемент архитектуры азербайджанского жилья - “шушабенды” (интересно и замечание прусского автора фон-Гакстгаузена: “Вся внутренняя сторона дома, обращенная во двор или в сад, состоит из непрозрачной деревянной решетки, из которой вынимаются отдельные части и, образовавшиеся таким образом отверстия, составляют окна и двери. Иногда от этого образуются совершенно открытые балконы”⁸¹). Из-за климатических условий с внешней стороны домов, в основном, отсутствовали оконные проемы. Известный русский писатель А.Ф.Писемский, посетивший Баку в 1856 г., писал: “...мы шли между стенами без окон (имеются в виду бакинские

улицы -Ф.Т.)»⁸². Как отмечают географы, для районов жаркого и сухого климата типичны дома без окон на улицу с внутренними двориками и с плоскими крышами. Для безлесных районов, каким являлся Баку и весь уезд, характерны были каменные, кирпичные или глинобитные дома⁸³. В одном из документов отмечается, что в Баку из Астрахани привозились доски соснового и елового деревьев. Так же был привоз леса из Ирана⁸⁴ и Кубинской и Талышинской провинций⁸⁵. Все основные перекрытия городских зданий изготовлялись из привозного строевого леса⁸⁶. В документе говорилось также об использовании в Каспийской области для потолков и кровли домов дубового дерева⁸⁷. Считается, что именно после включения Баку в состав России началось использование строевого леса в качестве перекрытий⁸⁸. Имеющиеся в распоряжении документы позволяют прояснить политику властей в области градостроительства в рассматриваемый период. Согласно «статьи 721-й Свода законов тома XII устава Строительного» места под строения в крепости назначались не иначе, как по сношению с инженерным ведомством⁸⁹. В приказах военного министра от 16 октября и 6 ноября 1842 г. была изъяснена воля царя, по которому в первом приказе говорилось: «а) чтобы в крепостях и на форштатах частные лица без ведома и согласия инженерного начальства, ни к каким постройкам не приступали, под опасением строгой...ответственности, б) Комендантам и местным инженерным командам наблюдать, чтобы при производстве построек в крепостях и на форштатах были в точности исполняемы существующия постановления как относительно расположения кварталов, так и производства самых построек», а во втором о том, чтобы духовное и гражданское ведомства в случае предположения о перестройке и постройке церквей и публичных зданий «сообщали предварительно проэктные чертежи инженерному департаменту для их рассмотрения и представления на дальнейшее утверждение»⁹⁰. Приказы военного министра Чернышева нужно, по нашему мнению, рассматривать в русле проводимой кампании пересмотра многих положений гановского детища по введению в управлении Закавказьем гражданских начал. Особенно это чувствуется из второго приказа министра, по которому суживалась компетенция гражданского начальства. Уже через 3 года, 28 февраля 1845 г., указом Правительствующего Сената инженерный департамент был освобожден от производства испытаний и выдачи свидетельств лицам, желавшим получить право заниматься постройкой зданий в городах⁹¹. Кавказский наместник кн. М.С.Воронцов в своем отчете царю за 1846-1848 гг. отмечал, что «удалены препятствия, существовавшие в Баку,...для раздачи мест под постройки, с соблюдением необходимых правил, для оставления крепостных эспланад»⁹². Такой поворот был связан, вероятно, с расширением застройки городов, в том числе и Баку. В нашем случае это, в первую очередь, относилось к форштадту, однако нужно заметить, что и в

крепости, по имеющимся данным на конец 50-х гг., включительно по 1851 г. производились постройки зданий (имеются в виду, вероятно, казенные строения - Ф.Т.)⁹³. Представляет интерес обсуждение в Областном правлении Каспийской области указа Сената от 5 декабря 1841 г. о том, чтобы “согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета, на будущее время по городам, для усиления городских доходов, там где не существует еще особых положений об оных, места под постройку домов отдавать желающим не иначе как с публичных торгов”⁹⁴. В резолюции правления по этому поводу сообщаются заслуживающие внимания сведения. Так, например, указывается, что с образованием области места в городах отводились желающим под постройки за 3 к. медью с квадратной сажени на основании указа Сената от 5 октября 1720 г. и “жители приобретаая за столь умеренную цену охотно занялись постройкою домов по выдаваемым им... (неразборчиво - Ф.Т.)”⁹⁵. Наверное, этот факт и сыграл свою роль при отдаче приказов военным министром, так как они были направлены на “исправление” перенесения на местную почву общеимперских законов. Областное правление полагало в целях поощрения жителей и “в особенности из бедных теснящихся внутри города, коим местное начальство старается всеми мерами склонять и приохичивать к поселению на..незаселенных кварталах” для того, чтобы “очистивши города от безобразных лачуг и тесноты, дать им возможную чистоту, опрятность и правильность в строениях”, оставить на прежнем основании отдачу мест в новых кварталах, а “те места которые будут оказываться внутри города, как получившие уже некоторую особенную ценность” отдавать с торгов в уездных судах⁹⁶. Доведя об этом до сведения главноуправляющего Закавказским краем, правление просило, “если эти убеждения признаны будут уважительными”, исходатайствовать для городов области исключительное право отдавать места под постройки в ненаселенных кварталах не по 3 коп. медью, а по 3 коп. сереб. за каждую квадратную сажень⁹⁷, что, как видим, противоречит вышеприведенному тезису “об опеке” над беднотой. Незаконченность материалов не позволяет проследить ход и последствия решения Каспийского областного правления, но тем не менее, вносит некоторую ясность в вопросы градостроительства за тот период.

На уже упоминавшемся плане 1806 г. было указано также предместье города в виде двух обособленных населенных пунктов. Как пишет азербайджанский ученый А.Саламзаде, в отличие от плана 1796 г. на этом плане жилые строения на форштадте показаны расположенными значительно ближе к крепости⁹⁸. Группа строений непосредственно у крепости носит название “сел.Бахрышегер”, т.е. внешний город. Другая группа строений - северо-западная первой - носит название “сел.Хальфедам”. Это место соответствует нынешнему месторасположению территории в районе соборной

мечети “Тазапир” и было известно под названием “Халифе дамы”⁹⁹. Здесь известным дервишем Абу-Саидом Абдал Бакуи, который жил “возле” Баку в XIV в.¹⁰⁰, на месте найденной при раскопке колодца могиле, была возведена мечеть, а эта территория была объявлена пиром - Тазапиром¹⁰¹. В результате военных действий мечеть и приемные кельи при ней были разрушена, а могила самого шейха (Сарабский тоже называет его шейхом - ф.т.) Абу-Саида и его келья были засыпаны землей¹⁰². Впервой четверти XIX в. этот пир был восстановлен, к чему мы вернемся после. Как видим, предместье города Баку, рабад, существовало и до завоевания города Россией. Уже после включения Баку в состав России было решено использовать существующую структуру в качестве базиса нового закладываемого форштадта. В 1809 г. с этой целью был составлен генеральный план крепости¹⁰³. В связи с этим азербайджанский ученый Ш.Фатуллаев относит заложение форштадта именно к этому году¹⁰⁴. Ссылаясь на план Баку 1810 г. (он приводится в фундаментальном труде “История архитектуры Азербайджана”¹⁰⁵), а также отмечая отсутствие новой застройки на плане 1809 г., Саламзаде делал вывод о начале застройки форштадта по определенному плану в 1810 году¹⁰⁶. Учитывая вышеуказанное, на наш взгляд, есть основания принимать датировку Саламзаде. На плане 1810 г. улицы форштадта, который имел форму веера, расположены лучами, радиально направленными к центру крепости, что являлось свидетельством сохранения за крепостью положения исторического ядра города¹⁰⁷. В дальнейшем застройка на внекрепостной территории шла именно в направлении Баку-Шемаха (Ширван). Фатуллаев высказывал предположение, что часть застройки сохранялась от рабада, которая вошла в границы новых кварталов¹⁰⁸. Это звучит убедительно и, по нашему мнению, такую постановку вопроса нужно относить не только к территории, находившейся в непосредственной близости от крепостных стен, но и к уже упомянутому Халифа дамы. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1817 г. уже упоминавшийся Касим-бек восстановил мечеть на этом месте, очистив могилу и келью шейха Абу-Саида¹⁰⁹, о котором речь шла выше. Восстановление объекта такого назначения неразрывно связано с существованием вокруг населенных кварталов в тот период, с последующим вклиниванием их в новостройки. Как отмечал Фатуллаев, мечеть, сохранившаяся после разрушения форштадта в 1826 г., явилась градообразующим фактором нового жилого района форштадта - Тазапир¹¹⁰. На наш взгляд, правильнее было бы сказать - была центром района до разрушения и осталась им после.

Заселение форштадта усилилось, вероятно, после заключения Гюлистанского мира в 1813 г. Уже в 1816 г. на форштадте насчитывалось 203 дома, что составляло почти 18% от общего числа городских домов¹¹¹. Гамба писал, имея в виду 1820 г., что “улицы предместья широки и прямые”¹¹², а дома “построены из земли, плетня и глины”¹¹³. Отметим, что форштадт, как и

ранее рабад, оставался местом жительства бедных слоев населения и приезжих с других мест. Вторая жизнь форштадта, если можно так выразиться, началась после разрушения его в 1826 г. во время русско-иранской войны. Именно после прекращения перманентного состояния войны между Россией и Ираном началось развитие форштадта. Надо заметить, что между крепостными стенами и самим форштадтом оставалась незастраиваемая территория в целях ненарушения оборонительной системы. В связи с этим представляет интерес документ, в котором излагаются нормы и параметры, действовавшие при застройке. Так, на эспланадах пограничных штатных крепостей, к которым относился и Баку, в расстоянии 130 саженей от гласиса строительство не разрешалось. На форштадтах за эспланадами строения должны были располагаться под анфиладу крепостных верхов. Сами строения должны были быть деревянными и не на каменных фундаментах, подводить каменные фундаменты под деревянные дома разрешалось не ближе 450 саженей от “короны” гласиса. Не разрешалось делать вокруг домов и огородов “никаких рвов” и иметь погребя. Огороды позволялось заводить на эспланадах не ближе 50 саженей от конца гласиса, однако обносить их палисадом или “бревенчатыми досками” запрещалось, вместо этого они должны были быть огораживаемы “тонкими кольями или решетками”. Строгое наблюдение за выполнением этих правил возлагалось на комендантов и командиров инженерных команд¹¹⁴. Как уже выше указывалось, приказы военного министра от 1842 г. также требовали неукоснительного соблюдения этих правил¹¹⁵. Известно, что в 1845 г. были сняты ограничения в части дачи “добра” на постройку со стороны инженерного департамента. Еще в 30-х гг. XIX в., а если быть точнее, в 1832 г., как становится известно из записи в описи решенных дел канцелярии Дагестанского военно-окружного начальника, было принято решение о дозволении “некоторым жителям вывозить строения свои на форштадт”¹¹⁶, что позволяет сделать вывод, даже если это был единичный случай применительно к конкретному времени, о заинтересованности местных властей в заселении форштадта, в данном случае за счет крепости, от чего происходила двойная выгода, потому что освобождалось пространство внутри крепости. На ход застройки форштадта влияло и то, что, как писал Г.Сарабский, жители крепости не желали селиться на нем и считали это для себя оскорблением¹¹⁷, учитывая состав проживавших на форштадте. Проживание внутри крепостью стен, которое было выгодно со всех точек зрения и раньше объяснялось практическими обстоятельствами, в дальнейшем трансформировалось еще и в психологический фактор. Тем не менее, как явствует из Березина, в начале 40-х гг. на форштадте было “больше простору, чем в городе, улицы широкия, дома не в развалинах, изредка украшены садами”¹¹⁸, и он становился местом прогулок жителей крепости - “а гуляют более по форштадту”¹¹⁹. Уже в отчете губернатора за 1860 г. видим, что “обширное пространство между крепостью

и форштадом (т.е. на эспланаде, что объяснялось ненужностью его назначения - Ф.Т.) разбито уже на кварталы и улицы и жители покупают места¹²⁰. Сдвиги в градостроительстве форштадта стали заметны с началом 50-х гг. XIX в. Как писал Спасский-Автономов в тот период, предместье на западной стороне оканчивалось казармами одной из рот линейного батальона, на этой стороне находились также каменоломни, а с восточной стороны - "в некотором отдалении", карантинными зданиями. Здесь же среди песчаных бугров были устраиваемы бахчи, которые тянулись вдоль всего морского берега "верст на 10-ть"¹²¹. С западной стороны за крепостью были устроены деревянные соляные магазины на ровном месте и нефтяные - из - камня - на "полу-горе". За магазином на первом уступе гор, почти над взморьем, находилось христианское кладбище, а от него за оврагом к северу начиналось большое мусульманское кладбище, которое, простираясь вдоль западной стены крепости, загибалось с запада на восток параллельно северной стороне крепости и, отделяя здесь от крепости форштадт, оканчивалось, немного не доходя до Шемахинской дороги¹²². Имеющиеся у нас документы позволяют сделать вывод о том, что в определенный промежуток времени, в 40-х годах, о чем свидетельствуют данные камеральных описаний города 1842¹²³ и 1849¹²⁴ гг, и вплоть до 1850 года селение Шихово находилось в составе города Баку (в данных за начало 30-х гг. его жители шли в составе провинции, не отбывая повинностей, и, платя только подати¹²⁵), что позволяет сдвинуть соответственно за тот же период западную границу города далее. Жители этого селения, занесенные в списки горожан, не платили никаких податей и не отбывали повинностей в пользу города¹²⁶, что по нашему мнению, нужно связывать с религиозным статусом этих жителей (перед именем каждого из них стояла приставка Ших, т.е. - Шейх). Вследствие отношения Шемахинского губернского правления от 26 июля 1849 г., последовавшего в Шемахинскую палату государственных имуществ, а впоследствии, за упразднением этой палаты, поступившего в Закавказскую палату госимуществ, жители этого селения были причислены с начала 1850 г. в казенные поселяне Бакинского уезда¹²⁷, т.е. были выведены за городскую черту. Остаются неизвестными побудительные причины причисления Шихово к городу: на наш взгляд, связанное со введением в Закавказье гражданского управления, оно объяснялось принятием во внимание близкой расположенности селения по отношению к городу (в нескольких км от него) и его специфическим религиозным характером (селение стало так называться вследствие поселения шейхов, членов религиозного ордена, вокруг расположенной здесь по преданию, святыни, и, возведенной затем в средние века мечети¹²⁸, с этого же периода территория селения была назначена вакуфной землей Биби-Эйбатского культового комплекса¹²⁹; о факте существования вакуфа в изучаемый период свидетельствуют материалы

судебных разбирательств в середине 40-х гг. между жителями селения по поводу вакуфных доходов¹³⁰ и права на заведывание гробницами¹³¹; причиной могла явиться и система раскладки податей по городу и уезду. Бюрократический росчерк пера об изменении статуса селения, связанный, в основном, с финансовой стороной дела, так как вместе с перечислением жители селения вновь были обложены податью, что, вероятно, как-то было связано и со статусом самой мечети, перечеркнул, но не остановил естественное тяготение и слияние впоследствии этой местности с городом в административном отношении в начале XX в. В изучаемый период усматривается близкая расположенность к крепости с западной стороны и другого местечка. Уже на плане Баку 1855 г. был отмечен небольшой участок нерегулярной застройки, названный Чемберекендом¹³². Подпоручик Филиппов, находившийся в 1854 г. на гидрографических работах в районе Баку также примечал его, говоря об близлежащей окрестности крепости: "...деревня...Чамберекенди, о 21 дворе, построена на возвышении близ крепости...",¹³³ и приводил его на карте Бакинского залива. Сарабский писал, что в свое время эта часть являлась ближайшей к городу деревней, в котором селилась беднота, прибывавшая в город на заработки из окрестных бакинских деревень¹³⁴. Отметим, что в архивном документе за 1843 г. говорится о копиях "с планов форштатов Бакинской крепости"¹³⁵. Фатуллаев тоже замечал, что деревня Чемберекенд - одно из ранних юго-западных предместий крепости, и не исключал возможности того, что она существовала уже в XVIII в.¹³⁶ Он писал также, что в прошлом (имеется в виду и рассматриваемый нами период - Ф.Т.) она находилась вне городской черты¹³⁷. Как отмечал экономгеограф Н.Баранский, расширение официальной городской черты, в виде общего правила, отстает от жизни и многие из таких пригородов и предместий формально продолжают еще долгое время свое самостоятельное юридическое существование, оставшись вне городской черты¹³⁸. Со своей стороны отметим, что Чемберекенд, в отличие от того же Шихова, не имел вообще никакого статуса (возможно, из-за нерегулярного характера), имея в то же время связь с жизнью Баку, являясь его предместьем. Учитывая вышеизложенное, можно констатировать тот факт, что уже в исследуемый период, в связи с дальнейшим развитием города и участием так или иначе в этом данных поселений, имея в виду и селение Шихово, эти части органически входили в городской организм и дополняли его, независимо от юридических положений того времени.

К востоку вдоль набережной тянулись болота, заросшие тростником, в которых водилась дичь, являвшаяся объектом охоты¹³⁹. С северной стороны форштадт ограничивался пашнями полей¹⁴⁰. Главная улица предместья, Базарная (ныне ул.Г.Гаджиева), становилась центром притяжения и средоточия деловой жизни форштадта. Отметим и такой факт, как то, что в

описаниях города 1849 и 1860 гг., в отличие от ранних описаний, форштадт шел уже как 5-я часть города, связанный, вероятно, с введением гражданского управления в Закавказье и изменениями в системе крепость-форштадт. Посетивший Баку в 1858 г. известный французский писатель А.Дюма (отец) отмечал, что “на первый взгляд есть как будто два Баку: Баку белый и Баку черный”¹⁴¹. Под первым он подразумевал предместье, а под другим-крепость. Естественно, что выражаясь таким образом, иностранец хотел выразить рост города, его новую жизнь, которая уже выходила за пределы старинной крепости, и эта терминология, которой стали пользоваться позднее, после закладки промышленного района Баку - так называемого “Черного города”, показывает сколь разительны были изменения во внешнем облике города к концу рассматриваемого периода.

Эти изменения наглядно прослеживаются в таблице I. Обращает на себя внимание то уменьшение, то увеличение числа указываемых мусульманских молельных домов в источниках за различные годы. Объяснение этому нужно искать в примечании одного из лиц, оставивших описание Баку, Заблоцкого, посетившего город в середине 30-х гг. прошлого века, в котором приводится число мечетей - 27 (в крепости - Ф.Т.) и говорится, что в большей части из них не отправляется богослужение¹⁴². Исходя из этого, становится понятным,

Таблица I

Динамика застраиваемости и благоустраиваемости территории г. Баку за вторую половину 90-х гг. XVIII в. - 1860 г.

	II пол. 90-х гг. XVIII в.	1810	1816	1832	1841	1850	1851	1852	1853	1854	1856	1860
Дома в.т.ч.	620	931	1133	1358	1565	2031	1990	2107	2126	2180	2268	2544
казенные	-	-	-	-	-	-	-	94*	94*	94*	90	-

Магазины	-	-	-	-	-	-	-	-	16
Лавки	-	-	-	500	-	-	-	-	276
Мельницы	-	-	-	48	-	-	-	-	-
Бани	-	-	-	8	-	-	-	-	-
Караван-сарай	-	-	-	9**	-	-	-	11	11
Церкви	-	-	-	2	2	3	3	3	5
Мечети	-	-	-	28	23	11	12	12	23
частные	-	-	-	-	-	-	-	2013	-
								2032	
								2086	
								2178	
								-	

Духаны	-	-	-	-	17	-	26	-	-	-	-	-
Трактиры	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Гостиницы	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Улицы	-	-	-	-	-	-	23	-	-	-	-	23
Площади	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	3

Таблица составлена по данным: Дренякин И.Т. Описание Ширвана. - История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М., 1958, с.168; Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. Там же, с.178; ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.21, лл.109-109об; ед.хр.51, лл.50б-26об; ОРВЗК, ч.IV, с.39; ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.370, лл.2-3, 149; Березин И. Путешествие по Востоку. Т.I. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, изд.2, 1850, Приложения, У, Статистическая таблица гор. Баку за 1841 г., с.9-10; Константинов О. Дорожник, по пути следования Его Императорского Высочества, Государя Наследника, по Закавказскому краю, в 1850 году, с краткими описаниями этнографическими, статистическими и историческими. Тифлис, 1850, с.68; Спасский-Автономов К. Баку, с.296-309; ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.39, л.46об; Там же, л.110; Там же, ф.44, оп.4, ед.хр.1а, л.19; Научный архив Института истории им.А.Бакиханова АН Азербайджана, инв.№ 1664, с.331; Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., т. I, 1863, с.191. Из них две - деревянные. В них 207 лавок.

что источники, показывавшие меньшее, по сравнению с другими годами, число мечетей, брали за основу количество только действующих из них. Подобные изменения в количестве лавок, вероятно, нужно связывать с

методикой подсчета: с учетом или без учета караван-сараев. Показатели 50-х гг. наглядно демонстрируют рост города именно в этот промежуток времени. Эти же данные показывают, что частные дома были из камня, в том числе и на форштадте, хотя как уже указывалось, в предместьи не разрешалось строить таковые (см. выше - нормы градостроительства и примечание Гамбы за 1820 г. о домах из плетня на форштадте), однако, вероятно, с изменением ситуации началось использование камня (тем более, что это был “родной” материал), с чем и было связано, думается, предписание военного министра за 1842 г. о придерживании норм строительства на форштадтах пограничных крепостей, не сумевшее затормозить процесс перехода на строительство каменных домов на форштадте. Отметим и факт неточного использования данных дореволюционного автора С.Броневского о количестве домов в Баку¹⁴³, относящихся якобы к 1807 г., некоторыми исследователями¹⁴⁴. В качестве искомой даты брался также период издания данной книги Броневского, т.е. начало 20-х гг. XIX в.¹⁴⁵. Сличение текста Броневского с текстом составителя описания Дагестана, русского офицера А.Ахвердова¹⁴⁶, который в 1795-1796 гг. был в Дагестане и выполнял различные поручения начальства, показало, что Броневским были использованы данные из этого источника, причем Броневский использовал данные Ахвердова и о количестве бакинских селений, а количество городских жителей вывел путем приплюсования душ женского пола к числу, приводимых Ахвердовым, вооруженных людей, которых мог выставить город. Путаница произошла и при описании огнепоклонников в Сураханах, где Броневский приписал Ахвердову посещение им Баку в 1803 г.¹⁴⁷, хотя на самом деле последний, направляясь по поручению ген. П.С.Потемкина к гилянскому Гидаят-хану, побывал в Сураханах в 1783 г., что и отмечал в своем описании¹⁴⁸. Заметим, что Ахвердов, говоря о Баку, писал о факте раздела доходов между бакинским ханом (речь идет о Хусейн-Кули хане, правившем с 1792 г. - Ф.Т.) и Шейх-Али ханом (правил в Кубе с 1791 г. -Ф.Т.)¹⁴⁹, что соответствует по времени, учитывая различные политические обстоятельства, в том числе и противоборство первого с Мирза Мухаммедом II-м, поддерживаемого кубинским ханом, в вопросе управления ханством и раздела доходов с него, середине 90-х гг. XVIII в.¹⁵⁰, поэтому данные Ахвердова относительно Бакинского ханства нужно относить к промежутку между 1783-сер. 1790-х гг. Однако в таблице I использованы данные из других источников¹⁵¹, которые, по нашему мнению, более точно зафиксировали количество домов в интересующее нас время.

Перейдем к рассмотрению этносоциальной структуры города, в качестве источников при котором служили материалы камеральных описаний Баку, являвшихся разновидностью общеимперского ревизского учета, и документы административно-полицейского учета. Первым камеральным описанием Баку, т.е. первой переписью в его истории, является описание 1816

г.¹⁵². До этого в исторической литературе существовало мнение, что первым является камеральное описание Баку 1832 г., чему была посвящена статья Ю.Тузинкевич¹⁵³. Общие камеральные описания Закавказья в рассматриваемый период проводились в 1803-1805, 1816-1817, 1830-1832, 1840-1842, 1859-1863 гг. В промежутках между общими описаниями проводились переписи отдельных областей и провинций. Учитывая то, что Бакинское ханство было завоевано Россией в 1806 г., то естественно, что описания 1803-1805 гг. здесь проводиться не могло. Во время “камеральной кампании” 1816-1817 гг. описанием была охвачена и территория бывшего Бакинского ханства - Бакинской провинции, в том числе и Баку. Вот что говорится об этом в “Записке о камеральных описаниях, производившихся в Закавказском крае со времен присоединения оного к империи”: “Второе камеральное описание произведено было в 1816-17 годах, по распоряжению ген. Ртищева (он в тот период был главнокомандующим на Кавказе - Ф.Т.)...Описанию этому подверглись все части (выделено нами - Ф.Т.), составлявшие тогда владение Русское за Кавказом”¹⁵⁴. В своей статье Тузинкевич ссылалась на эту “Записку”, не затрагивая отрывок, приведенный нами выше, и писала, имея в виду описание 1830-1832 гг., что “в перечне территорий, охваченных третьим камеральным описанием, впервые (выделено нами - Ф.Т.) упоминается и Бакинская провинция”¹⁵⁵, хотя как видим, оснований для такого вывода нет¹⁵⁶.

Камеральные описания Баку имеют за различные годы некоторые отличия друг от друга, несмотря на то, что существовали инструкции для единообразного составления их, а также рекомендации по этому поводу¹⁵⁷. Общий вид основных разделов всех камеральных описаний выглядел следующим образом: “имена и прозвания” жителей мужского пола, включая и новорожденных; возраст; количество душ в семействе; сословие; религия и занятие. Данные о женском поле приводились по неазербайджанскому населению. Нужно заметить, что в камеральных описаниях 1816 и 1860 гг. количество душ женского пола давалось и по азербайджанскому населению. В описании 1816 г. приводятся также сведения, позволяющие судить о благосостоянии горожан. В описании 1832 г. даются данные о податном обложении населения. Подход к определению состава семьи тоже различался: так, если, например, в описании 1832 г. были включены все родственники - братья, племянники, шурины и т.д., а профессия указана только для главы семейства, то в описании 1860 г. занятия жителей приводятся почти для всех трудоспособных членов семьи. К виду административно-полицейского учета населения¹⁵⁸ следует относить используемую нами ведомость о народонаселении Баку за 1810 г. за подписью коменданта крепости И.Репина, которая является первым документом-обозрением по этносоциальному строению города в исследуемый период после включения Баку в состав

России. К этому же виду относятся и другие данные, к помощи которых мы будем прибегать для дополнительного прояснения этносоциальной картины.

В изучаемое время в основе определения этнической принадлежности лежал конфессиональный признак, когда азербайджанцы, коренные жители Баку, шли как мусульмане в связи с их вероисповеданием. Нередко на них переносился искаженный этнический признак: так, например, вначале азербайджанцев называли “персианами”, а чуть позднее - “татарами”. Одним из первых документов, где приводятся данные по народонаселению города, является рапорт директора Астраханской таможи Иванова ген.Тормасову от 25 июня 1809 г. Судя по нему, в Баку в тот период проживало: в крепости - 905 семейств и 4570 душ об.п., из которых 861 семью и 4341 д.об.п. составляли “персияне”, т.е. азербайджанцы, 34 семьи и 163 д.об.п. - армяне и 10 семейств и 66 д.об.п.- “жиды”, т.е. иудеи (евреи); на форштадте - 87 семей и 437 д.об.п. азербайджанцев¹⁵⁹. Эти сведения интересны тем, что в них указывается число душ и женского пола, хотя в тексте прямого указания на это нет, однако сравнение их с данными 1810 г. (см. табл.2) позволяет нам так утверждать. Заметим, что в тексте самого рапорта допущена опечатка в числе жителей форштадта-идет 137, а должно быть 437 - что прослеживается из итоговой суммы. С 1809 г. по 1860 г. население Баку выросло на 7253 человека или почти в 2,5 раза. Основная часть жителей города концентрировалась в крепости и разница между заселенностью крепости

Таблица 2

**Динамика численности населения г.Баку за
1810-1860 гг.**

Годы	Численность населения			Численность населения крепость в процентах к численности
	г.Баку (крепость и форштадт)	крепость	форштадт	
1810*	2235	-	-	-
1816	5508	4539	969	82,4
1832*	3666	3042	624	82,98
1849*	5465	4456	1009	81,5
1860	12260	10363	1897	84,5

Подсчет сделан на основе данных: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.21, лл.109-109об.; ед.хр.51, лл.5об.-26об.; ед.хр.370, лл.1-184; ф.10, оп.1, ед.хр.24, лл.1-258об.; ед.хр.80, лл.1-610.

Указывается только мужской пол.

и форштадта держалась стабильно в пользу первой (см.табл.2). Пришлое население (сюда включены нами и жители бакинских деревень, проживавшие в городе на тот или иной срок) в рассматриваемый период составляло: за 1816 г. - 4,1% от семейств города¹⁶⁰, за 1832 г. - 1,6%¹⁶¹, за 1849 г. - 2,6%¹⁶², за 1860 г. - 12,1%¹⁶³. Как отмечалось в источнике, эти были выходцы “из Кубы, Ширвана, с Мугани”¹⁶⁴, а как явствует из переписей 1832 и 1849 гг., но и из Астрахани, Кизляра, Тифлиса, Турции (это касалось армян), Ордубада, Ирана, в том числе и Южного Азербайджана. Как усматривается из этих цифр, в исследуемый период основным показателем роста населения Баку оставалось его естественное движение, принимая также во внимание различные факторы, отрицательно повлиявшие на него¹⁶⁵, такие как, например, имевшие место, вынужденная миграция населения города после событий 1806 и 1826 гг., а также репрессии после восстания 1826 г., различные эпидемии холеры, оспы и других болезней, уносивших человеческие жизни, в 1823¹⁶⁶, 1828, 1830¹⁶⁷ и 1857¹⁶⁸ гг. В то же время рост численности пришлого населения по отношению к коренному, усматривающийся по 1860 году, свидетельствует об возраставшем значении Баку и усилении в связи с этим притока сюда людей. Фактором поддержания естественного роста населения являлась положительная разница между рождаемостью и смертностью населения: по сообщению Спасского-Автономова, в Баку рождалось ежегодно “средним числом, выведенным из 6-ти летней сложности предыдущих лет, исключая холерных годов” до 160 душ, умирало до 140. Число сочетавшихся браком пар составляло до 45¹⁶⁹. В целом же, в исследуемый период, разница между численностью мужского и женского населения города была в пользу первого. Так, если в 1816 г. женский пол составлял почти 49%, то уже к 1860 г. чуть более 45% (см.табл.3). Такая раскладка свидетельствует о

Таблица 3

Распределение населения г. Баку по полу за 1816-1860 годы

	1816		1820	
	муж.	жен.	муж.	жен.
г. Баку (крепость и форштадт)	2812	2696	6742	5518
крепость	2308	2231	5707	4656
форштадт	504	465	1035	862

Подсчет сделан на основе данных: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.51, лл.боб.-26об.; ф.10, оп.1, ед.хр.80, лл.1-610.

дополнительной причине замедленности естественного прироста. У нас нет данных о количестве женского пола до 1816 г., чтобы проследить - было ли такое положение в соотношении полов обычным явлением для Баку или же оно образовалось вследствие субъективных причин, так как известно, что среди мигрантов удельный вес мужчин обычно значительно выше удельного веса женщин¹⁷⁰. Склоняясь к последней версии, можно объяснить и постепенное увеличение разрыва в соотношении мужского и женского полов в последующем, происходившее на фоне стабилизации общественно-политического и социально-экономического положения.

В этническом составе Баку первенствующее положение занимали азербайджанцы. В 1809 г. они составляли более 95% всего населения. Такое положение сохранялось на всем протяжении изучаемого времени. Даже в 1860 г., учитывая возраставшее значение Баку и приток сюда выходцев из других мест, азербайджанцы составляли 94,4%. На втором месте по численности шла этническая группа армян. Их в 1809 г. было 163 души об.п. или чуть более 3%. К концу исследуемого периода армянское население составляло 5%, т.е. имело место увеличение численности представителей этой национальности за этот период, которое можно объяснить интенсификацией экономической жизни города, учитывая при том, что армян в Баку изначально привлекали его преимущества как портового города. Массовое обживание этих мест армянами, на наш взгляд, нужно относить к первой трети XVIII в., исходя из данной Петром Первым грамоте “Патриарху Исаию и Юс Башам и всему Армянскому народу” об отводе мест армянскому населению для поселения в новоприобретенных в то время городах, и в том числе в Баку¹⁷¹. Отметим и такой факт, что по сообщению 1783 г. в Баку отсутствовали жители из армян¹⁷², свидетельствующий о повременном характере проживания этой этнической группы в Баку до включения города в состав России. Что касается расселения армян в черте города, а они селились почти всегда, особенно после 1826 г., в крепости, то, на наш взгляд, правильнее было бы определить их жительство в виде квартала, а не как отдельной части крепости, как это представляла Тузинкевич, которая в связи с этим саму крепость делила на 5 частей¹⁷³, и тем более нельзя применять к данному периоду определение “эрменикенд”, используемое Д.Исмаил-заде для выделения этой части¹⁷⁴, которое стало использоваться намного позднее. Третьими в национальном составе города шли евреи (вероятно, так называемые горские евреи). В дальнейших описаниях они вовсе исчезают,

чему может быть несколько объяснений. Во-первых, это могло произойти по воле составителя камерального описания: так, например, Хотяновскому, описавшему население Баку в 1832 г., из Казенной Экспедиции Верховного Грузинского Правительства в 1830 г. предписывалось не делать “ненужных лишних граф с заглавиями Наций, например (так в тексте - Ф.Т.): Греков, Несториан и Евреев кои очень не много проживает в Грузии и Провинциях...а видя надобность...прибавлять графу перед итогом для внесения на равне с другими в Опись”¹⁷⁵. Причиной такого явления могли также явиться существовавшие в России вплоть до 1916 г. ограничительные меры, касавшиеся вопросов местожительства евреев¹⁷⁶. Другим вероятным объяснением может служить спорадический характер жительства евреев в Баку, учитывая существование их слободы-пригорода г. Кубы в недалеком расстоянии от Баку. Русские в числе постоянных жителей Баку появляются лишь в описании 1849 г. (см.табл.4). Местная царская военная и гражданская администрации (это относится и к православному духовенству) не включались в описания ввиду постоянного перемещения служащих. Тем не менее, например, по переписи 1816 г. мы можем проследить за размещением их в городе по снимаемым на постой

Таблица 4

Распределение населения г. Баку по национальности за 1810-1860 гг.

	1810*			1816			1832*			1849*			1860*		
	г. Баку (креп. и форш.)	креп.	форш.	г. Баку (креп. и форш.)	креп.	форш.	г. Баку (креп. и форш.)	креп.	форш.	г. Баку (креп. и форш.)	креп.	форш.	г. Баку (креп. и форш.)	креп.	форш.
Всего	2235	-	-	5508	4539	969	3666	3042	624	5465	4456	1009	12260	10363	1897
Азербайджанцы	2154	-	-	5270	4349	921	3487	2863	624	5068	4131	937	11577	9680	1897
Русские	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	7	-	28	28	-
Армяне	55	-	-	238	190	48	172	172	-	306	306	-	655	655	-
Прочие	25	-	-	-	-	-	7	7	-	84	12	72	-	-	-

Подсчет сделан на основе данных: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.21, лл.109-109об; ед.хр.51, лл.50б-260б; ед.хр.370, лл.1-184; ф.10, оп.1, ед.хр.24, лл.1-258об; ед.хр.80, лл.1-610.

* Указывается только мужской пол.

домам. Интересно, что в описании 1849 г. 5 семейств из 7 отмечены как бродяги, поселенные в городе по указу Шемахинского губернского правления от 28 мая 1848 г.¹⁷⁷. Правительство стремилось к увеличению числа русского населения в Закавказье и поэтому использовало для этого, как видим, все возможности. Еще в проекте 30-х гг. по преобразованию системы управления в Закавказье предусматривалось “всех беглых и бродяг, но в преступлениях не изобличенных... препровождать на поселение в Грузию”¹⁷⁸. Имеется сведение о поселении в Баку и сектантов. Так в документах начала 50-х гг., несмотря на прекращение к этому времени по указу императора высылки в Закавказский край скопцов, говорится о причислении к городу Баку по приказу наместника скопчихи из Орловской губернии для “одного лишь счета”¹⁷⁹. В вышеуказанном проекте 30-х гг. намечалось также “при губернских городах или в близости оных селить наиболее людей, к промыслу приобикших из Ярославской, Владимирской и Костромской губерний”¹⁸⁰. Вероятно, к числу таковых нужно относить и “русских поселян, приписанных к г. Баку” по переписи 1860 г. в количестве 28 душ об.п.¹⁸¹. В группу “прочие” нами были включены, среди других, арабы, которые находились в услужении у бакинских жителей. Из архивного документа становится известно, что это были темнокожие арабы (в документе они идут как “негры”)¹⁸². Объяснение по поводу попадания арабов в Баку в указанный период (они были внесены в описания 1832 и 1849 гг. - см.табл.4) находим у Сарабского, писавшего, что паломники после совершения хаджа в Мекку привозили с собой из Аравии арабов, владение которыми считалось признаком величия¹⁸³.

В число “прочих” мы также включили за 1849 г. (см.табл.4) и так называемых “персидскоподданных”, входивших в состав переселенцев. Отметим, что в эту графу составителем описания было включено и семейство, если можно так выразиться, славянской группы.

Как известно, основной целью переписей был наиболее полный учет налогооблагаемого населения, что не всегда удавалось в силу их фискальной направленности¹⁸⁴. По нашим подсчетам, податное население в 1810 г. составляло 84,66% от всего мужского населения, к концу же исследуемого периода - 94,37% (см. табл.5) Такое увеличение можно объяснять более точным составлением

Таблица 5

Распределение податного и неподатного населения г.Баку*

	1810									
	Всего		Азерб-цы		Арм.		Рус.		Проч.	
	количество семейств	с членами семьи м.п.	количество семейств	с членами семьи м.п.	количество семейств	с членами семьи м.п.	количество семейств	с членами семьи м.п.	количество семейств	с членами семьи м.п.
почетные граждане (потомственные)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
чиновники	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
духовенство	89	202	87	199	1	2	-	-	1	1
в т.ч. беки	25	98	25	98	-	-	-	-	-	-
Неподатное население	129	343	127	340	1	2	-	-	1	1
Податное население (кушцы, торговцы, ремесленники)	802	1892	770	1814	23	53	-	-	9	25

	1816														
	Всего		Азерб-цы		Арм.		Рус.		Проч.						
почетные граждане (потомственные)	чиновники	духовенство	в.т.ч. беки	Неподатное население	Податное население (купцы, торговцы, ремесленники)	количество семейств	с членами семьи м.п.	количество семейств	с членами семьи м.п.	количество семейств	с членами семьи м.п.	количество семейств	с членами семьи м.п.	количество семейств	с членами семьи м.п.
-	-	50	33	118	1005										
-	-	126	93	254	2558										
-	-	48	33	116	954										
-	-	121	93	294	2432										
-	-	2	-	2	51										
-	-	5	-	5	126										
-	-	-	-	-	-										
-	-	-	-	-	-										
-	-	-	-	-	-										
-	-	-	-	-	-										

	1832									
	Всего		Азерб-шы		Арм.		Рус.		Проч.	
	количество семейств	с членами семьи м.л.	количество семейств	с членами семьи м.л.	количество семейств	с членами семьи м.л.	количество семейств	с членами семьи м.л.	количество семейств	с членами семьи м.л.
Податное население (купцы, торговцы, ремесленники)	1073	3158	1028	3057	45	101	-	-	-	-
Неподатное население	218	508	183	430	35	71	-	-	-	7
в т.ч. беки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
духовенство	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
чиновники	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
почетные граждане (потомственные)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Подсчет сделан на основе данных: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.21, лл.109-109об; ед.хр.51, лл.5об-26об; ед.хр.370, лл.1-184; ф.10, оп.1, ед.хр.24. лл.1-258об; ед.хр.80, лл.1-610.

Податью облагалось только мужское население, в связи с чем цифры приводится только по мужскому полу.

	1849									
	Всего		Азерб-цы		Арм.		Рус.		Проч.	
	Количество семейств	с членами семьи м.п.	Количество семейств	с членами семьи м.п.	Количество семейств	с членами семьи м.п.	Количество семейств	с членами семьи м.п.	Количество семейств	с членами семьи м.п.
Чиновники	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Духовенство	54	160	46	138	8	22	-	-	-	-
в т.ч. беки	71	187	67	176	4	11	-	-	-	-
Неподатное население	152	431	113	314	12	33	-	-	27	84
Податное население (купцы, торговцы, ремесленники)	1886	5034	1758	4754	121	273	7	7	-	-

	1860									
	Всего		Азерб-цы		Арм.		Рус.		Проч.	
	Количество семейств	с членами семьи м.п.	Количество семейств	с членами семьи м.п.	Количество семейств	с членами семьи м.п.	Количество семейств	с членами семьи м.п.	Количество семейств	с членами семьи м.п.
Чиновники	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Духовенство	54	160	46	138	8	22	-	-	-	-
в т.ч. беки	71	187	67	176	4	11	-	-	-	-
Неподатное население	152	431	113	314	12	33	-	-	27	84
Податное население (купцы, торговцы, ремесленники)	1886	5034	1758	4754	121	273	7	7	-	-

чиновники	духовенство	в.л.ч. беки	Неподатное население	Податное население (купцы, торговцы, ремесленники)
4	38	65	134	2132
20	112	200	380	6362
4	27	64	119	1994
20	82	197	337	6029
-	11	1	15	124
-	30	3	43	315
-	-	-	-	14
-	-	-	-	18
-	-	-	-	-
-	-	-	-	-

последнего для нашего периода описания и естественным приростом, а также результатом притока податного населения из других мест и изменений в сословном составе города. Количество неподатного населения в 1810 г. составляло 15,35% мужского населения, учитывая при этом, что эта цифра сама подверглась некоторому понижению, ввиду ухода вместе с бакинским ханом в 1806 г. определенной части знати, относящейся к неподатной категории населения. В дальнейшем эта категория имела тенденцию к понижению: в 1816 г. - 9,04%, 1849 г. - почти 8%, 1860 г. - 5,64%. Только в 1832 г. отмечается повышение - 13,86% -, причем не за счет высших сословий, которые не были указаны в описании этого года, а в итоге вычисления нами количества городских жителей, по той или иной причине не плативших податей. Поэтому, если учесть и основные неподатные слои, т.е. привилегированные сословия, то количество данной категории составит в этот период где-то около 18%, с учетом эмиграции, в основном,

представителей этих сословий после событий 1826 г. По данным 1849 г. усматривается обратная, по сравнению с 1832 г., тенденция, так как в описании этого года в числе не плативших подати были указаны только высшие сословия и т.н. “персидскоподданные”, а что касается других, которых мы разбирали по 1832 г., то, несмотря на отметку тех же причин, по которым они не платили по описанию 1832 г., они все шли как податное население. На наш взгляд, такое положение было связано с желанием местной администрации увеличить доходы за счет уменьшения числа неплательщиков податей. С этой же причиной нужно связывать уменьшение относительного количества дворянства и духовенства к концу исследуемого времени, что явствует из данных 1860 г. (см.табл.5), в чем сыграли роль попытки упорядочивания системы отыскивания бекских званий и утверждения духовных лиц, восходящих также к системе взаимоотношений царского правительства с данными сословиями при отсутствии кодификации статусов этих сословий на всем протяжении изучаемого периода в Северном Азербайджане. Вместе с тем, отметим повышение в абсолютном выражении сословия беков. Только по данным 1816 и 1860 гг. усматривается: в первом случае - рост числа бекских семейств при понижении количества душ мужского пола по сравнению с 1810 г., во втором - наоборот, уменьшение количества семейств этого сословия при росте числа душ. Что касается духовенства (ахундов, молл, сеидов), то их число, как семейств, так и душ мужского пола, имело тенденцию к постепенному уменьшению (речь идет о духовных лицах, утверждавшихся “для исполнения духовных треб”, каковое разделение встречаем уже в переписи 1849 г.). Только лишь по 1849 г. усматривается некоторое повышение по обоим параметрам, произошедшее в результате причисления жителей селения Шихово, о чем говорилось ранее, в число городских жителей (шейхи шли в составе духовенства), что не повлияло на общую картину (тут нужно учитывать и отчисление жителей Шихова) к концу изучаемого периода (см.табл.5). Такое различие в количественном развитии между двумя высшими сословиями в этот период нужно объяснять, в основном, субъективными причинами, одной из которых являлись меры по ослаблению влияния ислама. Еще в начале 30-х гг. авторы уже упоминавшегося выше проекта предлагали поставить под контроль властей принятие в духовные звания и установит квоту - “в каждой волости...не более 2-х мулло”¹⁸⁵. Нельзя не отметить примечание князя Варшавского (Паскевича - Ф.Т.) по этому поводу: “...оставить по крайней мере 2-х или 3-х молл в каждой мечети, а мечеть назначить одну на 500 дымов”¹⁸⁶. Хотя проекты по данному вопросу были приостановлены, в документе от 1840 г. говорится о том, что по предоставленным управлявшему на Кавказе ген.Головину полномочиям, последним было сделано распоряжение, “чтобы избрание первых (имеются в виду моллы - Ф.Т.) производилось на основании указа Правительствующего сената, в 1837 г.

изданного, и чтобы приходы довольствовались только необходимым числом мулл; а над сеидами...местному начальству иметь наблюдение, чтобы не были терпимы самозванцы”¹⁸⁷.

Царское правительство оставило неизменным права мусульманского духовенства. Оно было освобождено от всякого рода податей и повинностей. Не было изменений и в доходах духовенства¹⁸⁸. Относительно сословия бакинских беков в “Обзрении российских владений за Кавказом” по Бакинской провинции говорится, что “с водворением правления Руссаго, начальники провинции признали Беками всех тех, кои носили это звание при Гуссеин-Кули-хане, и не захотели разделять с ним изгнания”¹⁸⁹, т.е., как видим, определение прав этого сословия было предоставлено на усмотрение местной администрации, которая, зафиксировав статуску на момент завоевания, “решила” вышеуказанным способом этот вопрос. Были известны случаи, например, по Ширванской провинции, когда царская администрация определяла в это сословие и людей, отличившихся перед правительством (в архивном документе имеется запись за 1822 год об утверждении бакинским городским судом в бекском достоинстве двух бакинских жителей¹⁹⁰), что впоследствии заставило его, ввиду преимуществ, доставляемых с этим званием, признать необходимым определить с точностью права и обязанности данного сословия, чтобы “отличить принадлежащих действительно к этому званию..от тех, которые воспользовались им без всякого основания”¹⁹¹. Если обратить внимание на переписи населения Баку, то можно встретить отметки о тех или иных семействах, которые были заняты “отыскиванием бекского звания”. Отметим и такой штрих, как существование телесных наказаний, равных для всех сословий¹⁹², и в том числе в отношении этого сословия, которые применялись “к ним (бекам - Ф.Т.) почти повсеместно”¹⁹³, несмотря на привилегированное положение.

Кроме указанных основных категорий неподатного населения, в это число входили также горожане, исполнявшие определенные обязанности.

В переписи 1860 г. появляются и новые привилегированные группы в городском гражданстве Баку, которые уже существовали в масштабах страны: чиновники и почетные граждане, относившиеся к неподатной категории. Сословие потомственных и личных почетных граждан было установлено в России в 1832 г.¹⁹⁴. В Баку к 1860 г. было 4 семейства и 20 душ м.п. и 15 душ ж.п. потомственных почетных граждан, источником пополнения которых, в нашем случае, нужно считать лиц купеческого сословия, а также 27 семейств чиновников с 101 душой об.п.

Определенную массу податного сословия составляли купцы и ремесленники, подробное обозрение которых будет дано при описании экономической жизни города. Отметим только, что их статус также не был законодательно оформлен и в исследуемый период не были введены гильдовый порядок в торговле и сословие мещан.

Из описаний города видно, что в этот период существовала многочисленная прослойка людей наемного труда: неквалифицированного - музуры, поденщики, рабочие (здесь мы встречаем несколько их наименований - чернорабочие, рабочие, работники, "амбальщики"), прислуга, разносчики¹⁹⁵ и др.; имевших необходимую квалификацию - лоцманы (капитаны). В начале изучаемого периода (1810 г.) их число составляло 15,6% (145 чел.), к концу же его (1860 г.) - 22,1% (1490 чел.) всего мужского населения, при этом наблюдается повышение как в абсолютном выражении, так и относительном отношении. Принимая во внимание положение, что основным поставщиком данной категории являлись крестьяне-отходники, нами был произведен анализ профессионального состава крестьян, которые были зафиксированы в переписи 1860 г. как "казенные поселяне Бакинского уезда постоянно живущие в г.Баку с давняго времени и обзаведшиеся здесь домами". Выяснилось, что крестьяне составляли лишь 10,3% от лиц наемного труда к 1860 г., свидетельствующее к тому же об уровне пауперизации сельского населения Бакинского уезда в этот период, хотя, возможно, соответствующий контингент уходил на заработки в другие города России, а также в Иран. Отсюда исходит, что увеличение численности людей наемного труда в это время происходило среди самого городского населения. Более подробно этот вопрос будет освещаться при описании экономической жизни Баку. Что касается области применения наемного труда в Баку в тот период, то ею, в основном, являлась торговля, начиная от обслуживания судоходства и самого порта, и, заканчивая внутригородской торговлей, учитывая при этом возможность некоторой неучтенности этой прослойки городского населения. О количестве лиц "крестьянского сословия" (под этим имеется в виду в данном случае место их основного жительства), участвовавших в городской жизни в исследуемый период, наиболее полно можно судить по вышеуказанной группе крестьян в описании 1860 г. Это были жители бакинских селений численностью в 726 душ м.п. и 552 души ж.п. (без учета армян, которые шли как "казенные поселяне разных городов и селений, живущие постоянно с давняго времени в Баку" в количестве 22 души м.п. и 12 душ ж.п.), которые, как отмечено в примечании к ним, "значатся записанными по последнему камеральному описанию (1849 г. - Ф.Т.) на прежних их местах жительства где и платят подати и земский сбор с отбыванием повинностей", здесь же были и отметки за последующие годы о том, что многие из семейств были исключены из двойного обложения по городу и показаны по местам своего жительства в селениях. Это была категория временных жителей, которые проживали в городе до окончания срока своих паспортов. Вероятно, что некоторые из них возвращались в город, имея здесь, как было отмечено выше, свои дома. В 1827 г. было принято общеимперское правительственное постановление, позволявшее крестьянам строить и покупать дома в городах¹⁹⁶, что несколько облегчало переход крестьян в города. Но вместе с

тем в масштабах империи вплоть до 30-х гг. существовали запретительные меры, усложнявшие процесс перехода, подвергшиеся затем пересмотру в сторону относительного смягчения. Вероятно, этот процесс в Северном Азербайджане также регулировался общеимперскими законами.

Всего к 1858 г. в России насчитывалось не менее 8 городских сословий¹⁹⁷. К тому же времени в Баку можно усмотреть существование около 6 сословий.

Этносоциальная структура города в рассматриваемый период выглядела следующим образом (в отношении к мужскому населению): в начале его (1810 г.) в податном населении азербайджанцы составляли 95,9%, армяне - 2,8%, евреи - 1,3%, в неподатном: азербайджанцы - 99,1%, армяне - 0,6%, евреи - 0,3%; к концу (1860 г.ц) - в податном: азербайджанцы - 95%, армяне - 4,7%, русские - 0,27%, в неподатном: азербайджанцы - 89%, армяне - 11%. Как видим, численность азербайджанцев в составе податного населения на протяжении изучаемого периода оставалась почти на одном уровне; наблюдается повышение у армян, произошедшее за счет изменений в национальном составе города. В течение всего периода усматривается из-за рассматривавшихся выше причин уменьшение удельного веса азербайджанцев среди неподатного населения и, наоборот, увеличение численности армян в этой категории.

Таким образом, развитие города Баку в исследуемый период шло в рамках системы крепость-форштадт, наложившее отпечаток на характер и форму размещения городского населения. В рассматриваемое время Баку являлся в национальном отношении ярко выраженным азербайджанским городом. В то же время уже в этот период наблюдаются тенденции к увеличению притока ино-этнического элемента. В изучаемое время этносоциальная структура Баку адекватным образом отражала ситуацию в национальном составе города.

1. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с.301 (приводится снимок самого плана). См. также описание плана: Саламзаде А.В. Архитектура Азербайджана XVI-XIX вв. Баку, 1964, с. 119.
2. В настоящее время на этом месте можно видеть лишь развалины и табличку о том, что “Дом бакинских ханов, как архитектурный памятник XVIII в., находится под охраной государства. Инв. N 17”.
3. Потто В. Кавказская война..., СПб, т.1, с.678.
4. Гасанов М. Ханский дом в развалинах. - газ. “Коммунист” (на азерб.яз.), N 4 (21072), 5 января 1990 г.
5. ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.51, лл.5об.-26об.; ф.30, оп.1, ед.хр.1, л.14.
6. См.: Березин И. Путешествие по Востоку. Т.1. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, изд.2, 1850, с. 18; Сборник известий, относящихся до настоящей войны. СПб., кн.1-XII, 1855, с.87; Фон-Гакстаузен А. Закавказский край..., ч.2, с. 154.
7. См.: Спасский-Автопомов К. Баку. - Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851, с.302; Филиппов. Описание города Баку и его бухты. - Морской сборник. СПб., Т. XXIV, N К), август, 1856, с. 150; Баку полвека назад. - Каспий, N 84, 14 апреля 1913 г.; Щерблыкин И.П. Краткий очерк истории дворца Ширваншахов в Баку. Баку, 1939, с.22,26-27; Левиатов В.Н. Памятники азербайджанской культуры (Бакинский дворец Ширваншахов). Баку, 1944, с. 19-20; Бретаницкий Л. и Тузинкевич Ю. Первый обмер дворца Ширваншахов (Архивные документы 1807 г.). - Доклады АН Азербайджанской ССР, т.Х, N 12, 1954, с.901-907; Каспийская экспедиция К.М.Бэра 1853-1857 гг. Дневники и материалы. Научное наследство. Л., т.9, 1984, с.204-205
8. Бретаницкий Л., Тузинкевич Ю. Новые документы к истории “Девичьей башни”. - Доклады АН Азерб.ССР, т. VI, N 8, 1950, с.357-361; Набиев М.А. Тайна бакинской Гыз галасы. - Там же, т.30, N 6, 1974, с.93-98.
9. См.: ОРВЗК, СПб., ч.IV, 1836, с.82; Березин И. Путешествие..., с. 18-19; Герценштейн В.А. Закавказский альманах. Тифлис, 1896, с.243; Каспийская экспедиция К.М.Бэра..., с.204,236.
10. ГИА АР, ф.387, оп.1, ед.хр.572, л.60.
11. Бретаницкий Л., Тузинкевич Ю. Новые документы..., с.360; Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры..., с.62.
12. Каспийская экспедиция К.М.Бэра..., с.205.
13. Ахмедов Г. Новое соображение о Девичьей башне. - “Элм ве хаят”, N 7, 1986, с. 18-20 (на азерб.яз.).
14. Сильченко В.В. Маяки Апшеронского полуострова. - Страницы истории Баку и Аишерона (тезисы конференции). Баку, 1990, с.50. См. также: Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля. Отдельный оттиск из “Морского сборника” за 1862 г., с.71.

15. См.: Научный архив Института истории им. А.Бакиханова АН Азербайджана (НАИИ), инв. N 632; Березин И. Путешествие..., с.19.
16. Бретаницкий Л., Тузинкевич Ю. Новые документы..., с.358.
17. Набиев М.А. Тайна...,с.97.
18. ГИА АР, ф.387, оп.1, ед.хр.572, л.60.
19. См.: ОРВЗК, СПб., ч.IV, с.81; Березин И. Путешествие..., с.13; Спасский-Автономов К. Баку, с.302.
20. Спасский-Автономов К.Баку, с.302.
21. Каспийская экспедиция К.М.Бэра..., с.240.
22. НАИИ, инв. N 226, л.2
23. ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр.23а, лл.116-116об.
24. ОРВЗК, ч.IV, с.
25. Березин И. Путешествие..., с.29.
26. См.: Гамба Дж. Путешествие но Закавказью (пер. с француз.отдел.глав, относящихся к Азербайджану), Париж, 1826, с.308; Фон-Гакстгаузен А. Закавказский край..., ч.2, с. 155; Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам, с.35-36.
27. ГИА АР, ф.202, оп.1, ед.хр.128, лл. 143-144.
28. Там же, лл.161.- 162.
29. См.: Там же, а также: ед.хр.136.
30. Филипов Н. Несколько замечаний о Каспийском море. - Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Тифлис, книжка XV, 1893, с. 150.
31. Спасский-Автономов К. Баку, с.303.
32. Филипов Н. Несколько замечаний..., с. 150.
33. Каспийская экспедиция К.М.Бэра..., с.240.
34. Путешествие профессора Эйхвальда к Каспийскому морю и по Кавказскому краю. - Библиотека для чтения, т.26, ч.II, отд. III, 1838, с.148.
35. Филипов Н. Несколько замечаний..., с.150.
36. См.: Атлас к путешествию Б.А.Дорна по Кавказу и Южному побережью Каспийского моря. СПб, 1895, отдел первый, рисунки и виды, I, Баку.
37. Саламзаде А.В. Архитектура Азербайджана..., с.119 38. АКАК, т.VI, ч.I, док. N 1333, с.872.
39. Там же.
40. Сарабский Г. Старый Баку. Баку, 1982, с. 121 (на азерб.яз).
41. См.: Путешествие профессора Эйхвальда..., с.149; Эфендиев Дж., Ляндрес М. "Сделался первоклассным...центром". - Баку, N 282 (6551), 8 декабря 1984 г.; Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку..., с.17.
42. АКАК, т.VI, ч.I, док. M 1333, с.872.
43. ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр.23а, л.117об.; НАИН, инв. N 538, л.3.
44. ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр.23а, л.116.
45. Этот бастион был самой выступающей частью степы, что усматривается из плана Баку 1810 г., впоследствии он стал называться Николаевским, в связи с

располагавшейся неподалеку церковью Николая Чудотворца. В документах подчеркивалось, что Николаевская башня относится к старым постройкам, возобновленным русскими после завоевания города. - См.: ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр. 23а, лл. 18,21.

46. Березин (1842 г.), говоря про них, отмечал, что они “принадлежат к числу русских работ”. - См.: Березин И. Путешествие..., с. 13, а также: Спасский-Автономов К. Баку, с.303. В “ОРВЗК” отмечалось, что бастионы были построены русскими на месте, где “были прежде Турецкия укрепления”. - См.: ОРВЗК, ч.IV, с.80.

47. Березин И. Путешествие...,с. 13.

48. ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр.23а, лл.30об.-34об.

49. НАИИ, инв. N 538, л.3.

50. ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр.23а, л. 13.

51. Там же.

52. Спасский-Автономов К. Баку, с.303.

53. НАИИ, инв. N 538, лл.3-4.

54. Березин И. Путешествие..., с. 13-14.

55. НАИИ, инв. N 538, л.4.

56. Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку..., с. 148.

57. Каспийская экспедиция К.М.Бэра..., с.200.

58. Там же, с.200,236.

59. Там же, с.236.

60. Там же.

61. НАИИ, инв, N 538, л.5.

62. Там же, л.6

63. См.: Саламзаде А.В. О бакинском водопроводе феодального периода. - Доклады АН Азерб.ССР, т. 12, N3, 1956, с.229; Исмизаде О.Ш. , Мансуров М.М. Новые данные о водоснабжении города Баку в прошлом. - Там же, т. 19, N 7, 1963, с.89; Исмизаде О.Ш., Османов Ф.Л. Еще один рукав средневекового подземного водопровода города Баку. - Там же, т.21, N 6, 1965, с.94.

64. Спасский-Автономов К. Баку, с.303.

65. Березин И. Путешествие..., с.30.

66. Сарабский Г. Старый Баку, с.122-123.

67. Ханалиев В.М. История водоснабжения города Баку (вторая половина XIX в.- 70-е гг. XX в.) (на азерб.яз.). Рукопись диссертации на соискание ученой степени к.и.н. Баку, с.22-23.

68. Там же, с.23.

69. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр77а, л.35об.

70. Ханалиев В.М. История водоснабжения... с.23.

71. Герсевичев М. Общий обзор каменных строительных материалов в Кавказском и Закавказском крае. - Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, т.2, 1872, с.345-348.

72. “Весь край сей заслуживает особенного внимания...”. - Баку, N 180 (4045), 31 июля 1976 г.
73. Семенов Л.С. Россия и международные отношения...,с.52.
74. Гамба Дж. Путешествие по Закавказью..., с.293.
75. ОРВЗК, ч.IV, с.85.
76. ГИА АР, ф.47, оп. I, ед.хр.3, лл.236об-242.
77. АКАК, т.VIII, док. N 1, с. 12.
78. Березин И. Путешествие...,с.12.
79. Там же.
80. Там же, с. 13. Дореволюционный автор Броневский писал, что в Баку “у зажиточных людей комнаты расписаны на Персидской вкус изрядными Арабесками”. - См.: Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., ч.2, 1823, с.448.
81. Фон-Гакстаузен А. Закавказский край..., ч.2, с. 154.
82. “Баку полвека назад”. - Каспий, N 84, 14 апреля 1913 г. И.Березин в связи с этим писал, что “дома... поставлены друг к другу за дом...”. - См.: Березин И. Путешествие..., с. 12. См. также: Путешествие профессора Эйхвальда..., с. 149; Фон-Гакстаузен А.Закавказский край..., ч.2, с.154.
83. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов. Вопросы географии. Сборник второй. М., 1946, с.50. См. также: Волкова Н.Г. Материалы экономических обследований Кавказа 1880-х гг. как этнографический источник. - Кавказский этнографический сборник. М., т.8, 1984, с.212.
84. ГИА АР, ф.31, оп.1, ед.хр.26,л.3. См.также: Там же, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.33.
85. См.: ОРВЗК, ч. III, с.192, ч. IV, с.25,71; НАИИ, инв. N 198, с.108.
86. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры... с.369.
87. ГИА АР, ф.31, оп.1. ед.хр.26, л.3.
88. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры..., с.369.
89. ГИА АР, ф.30, оп.1, ед.хр. II, л.654об.
90. Там же, лл.656-657об.
91. ГИА АР, ф.32, оп.1, ед.хр.160, т.1, лл.158-158об.
92. АКАК, Тифлис, т.X. 1885, Отчет кн.М.С.Воронцова за 1846-1848 гг, с.870.
93. ГИА АР, ф.389, оп.3, ед.хр.23а, л.116.
94. Там же, ф.31, оп.1, ед.хр.21, т. I, л.214.
95. Там же.
96. Там же, лл.214-215.
97. Там же, л.215.
98. Саламзаде А.В. Архитектура Азербайджана...,с.119.
99. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.). Баку, 1983, с.293.
100. Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам, с.201.

101. Сарабский Г. Старый Баку, с.126.
102. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов..., с.293.
103. Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку..., с.10.
104. Там же, с.78.
105. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры..., с.363.
106. Саламзаде А.В. Архитектура Азербайджана..., с.234-235.
107. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры..., с.363.
108. Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку..., с. II
109. Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам, с.201.
110. Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку..., с.35.
- 111.. ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.51, лл.5об.-26об.
112. Гамба Дж. Путешествие в Закавказье..., с.293.
113. Там же, с.303.
114. ГИА АР, ф.30, оп.1, ед.хр.II, лл.655-656.
115. Там же, лл. 656-657об.
116. Там же, ед.хр. I, л.17об.
117. Сарабский Г. Старый Баку, с.121.
118. Березин И. Путешествие..., с.21.
119. Там же, с. 14.
120. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, л.34об.
121. Спасский-Автономов К. Баку, с.304.
122. Там же.
123. ГИА АР, ф.10, оп. I, ед.хр.42, л. 105.
124. Там же, ед.хр.24, лл.1-258об.
125. Там же, ф.24, оп.1, ед.хр.328, л.238. См.также: ОРВЗК, ч.IV, с.40.
126. ГИА АР, ф.6, оп. I, ед.хр.4, л. 115.
127. Там же, лл.115-115об.
128. См.: Садиги Г. Шихова деревня (Биби-Эйбат). - Известия Азкомстариса, N 1, 1925, с. 19-32; Мусеви Т.Г. Средневековые документы по истории Баку. Баку. 1967, с.5,8 (на азерб.яз); Байрамов Р.М., Миралаев У.Б. Культурно-мемориальный комплекс “Биби-Эйбат” (этапы строительства). Баку, 1990, с.40-41.
129. Мусеви Т.Г. Средневековые документы..., док. N 1-2.
130. Там же, док.N 12; ГИА АР, ф.30, оп.1, ед.хр.27.
131. ГИА АР, ф.31, оп.1, ед.хр.48.
132. Саламзаде А.В. Архитектура Азербайджана...,с.237.
133. Филиппов. Описание города Баку..., с. 152.
134. Сарабский Г. Старый Баку, с. 124.
135. ГИА АР, ф.30, оп.1, ед.хр.II, л.654.
136. Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку...; с.35.
137. Там же, с.53.
138. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении..., с.44.

139. Юницкий А. История церквей и приходов Бакинской губернии (1815-1905). Баку, 1906, с.50.
140. Спасский-Автопомов К. Баку, с.304.
141. Дюма А. Кавказ, Тбилиси, 1988, с.Ш.
142. НАИИ, инв.№ 197, л.47.
143. Бронсвский С. Новейшие...,ч.2, с.401.
144. См.: Сумбатзаде А. Прогрессивное влияние присоединения Азербайджана к России на рост народонаселения страны в XIX в. - Из вестия АН Азерб.ССР, № 3, 1952, с.83; Ашурбейли С.Б. История города Баку..., с.318; Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку..., с.14.
145. Исмаилзаде Д.И. Население городов Закавказского края в XIX - начале XX в. Историко-демографический анализ. М., 1991, с.20.
146. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. - История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М., 1958, с.213-229.
147. Броиневский С. Новейшие...,ч.2,с.409-410.
148. Ахвердов А.И. Описание...,с.223.
149. Там же, с.222.
150. Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам, с.171,179; Сысоев В.М. Баку прежде и теперь. Краткий исторический очерк. Отдельный оттиск из IV выпуска "Известий Азкомстариса". Баку, 1928, с.38.
151. Дренякин И.Т. Описание Ширвана. - История, география и этнография Дагестана..., с.157-172; Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. Там же, с. 173-196.
152. ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.51, лл.5об-26об.
153. Тузинкевич Ю.Т. Первая перепись населения Баку. - Доклады АН Азерб.ССР, т.2, № 6, 1946, с.250-253.
154. АКАК, Тифлис, т.IX, 1884, док.№ 519, с.603.
155. Тузинкевич Ю.Т. Первая перепись...,с.250.
156. Подробно об этом см.: Тагиев Ф.А. Камеральное описание 1816 года - первая перепись населения города Баку. - В сб.: Сборник статей по общественным наукам. Баку, АПИРЯИЛ им.М.Ф.Ахундова, 1994, с.58-62.
157. См.: ГИА АР, ф.10, оп.1, ед.хр.62, ф.24, оп.1,ед.хр.322.
158. См.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963, с.84-89.
159. АКАК, т.IV, док№ 95, с.82.
160. ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.51, лл.5об.-26об.
161. Там же, ед.хр.370, лл. 1-184.
162. Там же, ф. 10, оп.1, ед.хр.24, лл.1-258об.
163. Там же, ед.хр.80, лл.1-610.
164. ОРВЗК, ч. IV, с.41.

165. См.: Урлаиис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людски потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв (Историко-статистическес исследование). М., 1960, с.7,24-27.
166. ГИА АР, ф.247, оп.1, ед.хр.8, л.59об.
167. АКАК, т.VII, док.N 175, с.231.
168. Там же, т.XII, Тифлис, 1893, док.N 105, с. 175.
169. Спасский-Автономов К.Баку, с.305,309.
170. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение...,с.26.
171. Полное собрание законов Российской империи, изд.1(далее-ПСЗ-1) СПб,т.7, N 4357, с.157-158.
172. См.: Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965, с. 128.
173. Тузинкевич Ю.Т. Первая перепись...,с.251-252.
174. Исмаил-заде Д.И. Население городов...,с.91.
175. ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.322, лл.б-боб.
176. См.: Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. (численность и этнический состав). М.,1992,с.162.
177. ГИА АР, ф.10, оп.1, ед.хр.24, лл.224об-225.
178. Колониальная политика..., ч.1, док.N 22, с.290.
179. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.74, лл.11-17.
180. Колониальная политика..., ч.1, док.N 22,с.289.
181. ГИА АР, ф.10, оп.1, ед.хр.80, лл.488об-492.
182. Там же, ф.24, оп.1, ед.хр.322, л.150об.
183. Сарабский Г. Старый Баку, с. 172.
184. См.: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971, с 11; Он же. Народонаселение России..., с.77,123.
185. Колониальная политика..., ч.1, док.N 22, с.292-293.
186. Там же, с.293.
187. Там же, Ч.II. Феодалные отношения и колониальный режим. 1843-1868 гг. М.-Л., 1936, док. N 37, с.339.
188. См.: ОРВЗК, ч.III, с.32,71, ч.IV, с.41.
189. Там же, ч.IV, с.41.
190. ГИА АР, ф.30, оп.1,ед.хр.1,л.Юб.
191. ОРВЗК, ч.III, с.65.
192. Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк. Тифлис, 1901, с.148.
193. Там же, с.213.
194. См.: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, с. 171; Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI начало XX вв.). М., 1973, с.67.

195. См.: Рашин А.Г. К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30-50-х годах XIX в. - Исторические записки, т.53, 1955, с.191-192.
196. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство..., с.185.
197. Водарский Я.Е. Население России..., с.67.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ, БЮДЖЕТ И БЛАГОУСТРОЙСТВО

В исследуемый период в административном устройстве города Баку усматривается существование двух форм управления: военного (так называемого комендантского), и гражданского. Первая имела начало с момента завоевания города Россией и существовала вплоть до 1840 г., когда в целом по Закавказью была введена новая система правления, сходная с общероссийской. Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей данных форм, остановимся на таком факте, как причина уничтожения ханской системы правления в Баку.

Еще Цицианов предписывал Завалишину, пытавшемуся взять город, о том, что Баку нужен без хана¹. Главнокомандующий на Кавказе Гудович также поручал наступавшему на Баку ген.Булгакову по занятии его уничтожить ханское правление². Как явствует из отношения Гудовича министру иностранных дел, генералу-от-инфантерии, барону А.Я.Будбергу от 22 октября 1806 г., т.е. уже после занятия Баку, “до Высочайшаго разрешения”, для управления ханством были избраны “некоторые из беков - лучших чиновников” под ведением ген.-м.Гурьева³ (Гудович указывал Булгакову сделать это в своем предписании ему от 11 октября того же года⁴). Будберг в своем письме Гудовичу от 14 ноября 1806 г. сообщал ему, что император “соизволяет, чтобы вы учредили в сем городе временное правительство (выделено нами - Ф.Т.) под председательством...коменданта, там находящегося, придав ему помощников как из Российских, так и из Персидских (т.е.азербайджанских - Ф.Т.) чиновников и казначея из Россиян для сбора и хранения казенных доходов”⁵. Гудович же в своем отношении Будбергу от 6 декабря 1806 г. писал: “Управление...г.Баку поручено от меня непосредственно остающемуся там за коменданта и начальника гарнизона...Гурьеву, коему в помощь для сбора податей и доходов избраны из первых Бакинских чиновников 4 чел. (среди них был и уже упоминавшийся Касим-бек⁶ - Ф.Т.), о чем я уже и относился к в.выс.-у; в дополнение же к сему я теперь прибавлю еще во исполнение...Е.И.В. повеления в помощники к нему одного из шт.-офицеров полка ему вверенного и одного казначея...”⁷.

Таким образом, ликвидировав де-юре ханскую власть, царское правительство оставило фактически прежнюю систему правления, образовав структуру из местной знати под руководством российских военных. Почему же в письме министра иностранных дел подчеркивался характер “временности” этого управления? Эту “временность” можно отнести к тому, что первая русско-иранская война была в разгаре. Так, если исходить из отношения в целом к управлению посредством комендантов, то уместно будет привести слова автора административных реформ в Закавказье, барона Гана, который, критикуя во второй четверти XIX в. комендантское управление,

ставшее к тому времени системой управления в крае, писал, что “управление чрез комендантов...могло-бы быть допущено только в новозавоеванном крае во время войны или по крайней-мере вскоре по окончании оной; но продолжение его могло только быть гибельно, как для края, так и для правительства”⁸. Другой причиной могло явиться то, что в правительственных кругах России не было в то время выработано определенного отношения к вопросу по управлению Баку; причем, если после убийства под стенами Баку Цицианова, явившегося фактически вызовом Российской империи в ее планах по Кавказу, дальнейшая судьба правившего бакинского хана была ясна, то этого нельзя было сказать, как видно, о форме административного устройства самого города. Еще в период подготовки Цициановым плана по занятию Баку и Дербента, императором было затребовано на этот счет мнение гр.В.Зубова, который считал необходимым решить прежде, наряду с другими проблемами, вопрос об устройстве и управлении этими городами⁹. Смерть Цицианова, на усмотрение которого царь оставил исполнение плана, оставила этот вопрос открытым. Дополнительно к этой причине можно присовокупить то, что, как усматривается из документов, существовала возможность сохранения ханства в том или ином виде (здесь возможна аналогия с управлением города Кубы в это же время), учитывая помощь со стороны родственников Хусейн-Кули хана, находившихся в Кубе, родных братьев, Абдурагим-аги и Мирзы Мухаммед хана II, российским войскам при завоевании Баку¹⁰. Последний, как известно, и ранее имел виды на место правителя ханства, и потому надеялся на соответствующее вознаграждение за оказанные услуги¹¹. Из отношения Гудовича Будбергу от 31 октября 1806 г. становится известно, что и Абдурагим-ага был, вероятно, непрочь встать у руля ханства при помощи русских. Гудович писал: “...по мнению моему правление ханов в Баку и самое Бакинское ханство должно быть уничтожено; следовательно Абдул-Рахим-ага теперь же никаких притязаний не может иметь на сие ханство”¹². Интересно, что этот человек, получавший “пенсион” от властей, впоследствии стал одним из активных участников Бакинского восстания 1826 г.¹³. Тут нужно заметить, что знать Баку, в том числе и вошедшие в состав правления, как, например, Касим-бек, учитывая их прежние взаимоотношения, могла оказывать противодействие намерениям этих претендентов.

Назначение в 1808 г. на должность коменданта Баку ген.-лейт. Репнина¹⁴ (в других документах он идет как Репин) означало, что Петербург решил придерживаться курса военного управления (один из претендентов - Мирза Мухаммед хан II - в 1809 г. был назначен наибом Кубы¹⁵ после прошения его главнокомандующему на Кавказе ген.Тормасову¹⁶, что так или иначе было связано, думается, с отпадением планов создания аналогичных форм правления в Баку), вероятно, учитывая стратегическое положение Баку и значение, которое придавалось ему российским правительством, можно сказать, в общекавказских планах России.

В этот период Баку занимал главенствующее положение по отношению к таким городам, как Куба и Дербент. Документы свидетельствуют, что коменданты этих городов (в том числе и наибы Кубы) были подотчетны коменданту Баку: в начале - Гурьеву¹⁷, затем - Репину¹⁸. Следует отметить, что в работах, посвященных истории Дагестана, факт такого статуса Баку в тот период не нашел своего отражения¹⁹.

В конце 1811-начале 1812 г., в период правления на Кавказе ген.-л., маркиза Ф.О.Паулуччи, была введена система окружных начальств, при котором каждому из окружных начальников (прежних бригадных начальников) было вверено “в непосредственное попечение сохранение войск и продовольствие их, также порядок в самих округах, где бригады их войска будут расположены”²⁰. По новому положению Бакинская “округа” была поручена Паулуччи бакинскому коменданту Репину²¹. Кубинская и Дербентская провинции были включены в один округ. Девятого февраля 1812 г. Паулуччи писал ген.-м. Хатунцову, что “до времени управления в Баку ген.-л. Репина, как старшего вас чином, власть ваша простирается будет только над провинциями Кубинской и Дербентской, не касаясь Бакинской, которая со временем подчинена будет вашему-же управлению”²². Существование Баку в административном отношении вне этого образования, так называемого Дагестанского военного округа, продолжалось, судя по датировке документов из переписки кавказской администрации, до осени того же года, когда произошла смена комендантов в Баку²³. Несмотря на то, что Баку перестал занимать главенствующее положение по отношению к Дербенту и Кубе (административным центром округа был Дербент; Е.Козубский, написавший историю Дербента того времени, примечал, что Дагестанский военно-окружной начальник начал жить в Дербенте с 30-х гг.²⁴, т.е. можно утверждать, что он не имел постоянного местопребывания в округе в этот промежуток времени до окончательного перенесения аппарата управления в Дербент), диктовавшееся, думается, соображениями военного характера, он, Баку, не утратил фактически своего центрального положения ввиду географического расположения и сообщения с остальными частями региона. Заметим, что в период комендантства в Баку Репина, последний играл весьма заметную роль в межкавказских делах, в том числе в отношениях России с Сурхай-ханом казыкумухским и его родственниками²⁵, с кадием акушинским²⁶, шамхалом тарковским²⁷, в приведении к присяге на “вечную верность подданства России” ахтинцев, мискинджинцев и келегуринов²⁸ и др. Это, конечно же, объяснялось положением, которое занимал Баку в тот период, так как участие в вышеперечисленных событиях сопровождалось в некоторых случаях посылкой военных сил, квартировавших в Баку (имеются сведения об участии сил бакинского гарнизона и в так называемой Кавказской войне²⁹, т.е. на протяжении всего исследуемого времени гарнизон города участвовал в боевых перипетиях того времени).

Некое подобие организации в дело городского управления Паулуччи попытался ввести учреждением в Баку в начале 1812 г. городского суда, открыв его действие лично во время пребывания в Баку в ходе поездки по Дагестанскому округу. К этому его вынуждала политическая нестабильность в этом регионе, что угрожало потерей завоеванных территорий, в том числе и Баку³⁰. Здесь Паулуччи встретил “многие беспорядки и злоупотребления со стороны образа ... в оных управления и неудовольствие народа”³¹, в “Постановлении о городском суде для крепости Баку с округом” говорилось, что “в крепости Баку учреждается судебное место, под названием городского суда или дивана”. Председательствовал в нем комендант крепости, в члены суда избирались на один год “по выбору от обществ их, по баллам или по общему согласию” 2 бека и “от граждан 2 гражданина”. Разрешалось повторное избрание членов суда, “если все общество того пожелает и он (избираемый - Ф.Т.) согласен будет”. В суд имелось в виду приглашать “в приличном случае” моллу. В постановлении также отмечалось, что из числа двух членов из “граждан” “один может быть армянской нации”³². Из документа, относящегося к началу 30-х гг., становится известно, что существовали еще и должности письмоводителя, его помощника, писаря и письмоводителя квартирной комиссии³³. Члены суда должны были быть без “явных” пороков, т.е. соответствовать требованиям царской администрации, и, с удостоверения от коменданта, утверждаться вышестоящим кавказским начальством, при этом одним из пунктов “Постановления” формально обеспечивалась независимость при принятии судом решений по городским делам. В компетенцию суда входило рассмотрение гражданских дел; также сюда поступали дела “торговые и маловажные уголовные”. Решения по этим вопросам принимались по “обыкновениям народным, а в недостатке оных, и на основании законов”³⁴. Процедура слушаний в городском суде была максимально упрощенной: он должен был оканчивать в один день “объявленные...от просителей претензии”, разбирая их “словесно через свидетелей или по другим доказательствам”; по делам, “требующих выправок”³⁵, решать: в крепости - в “3 дня”, а в округе - “через неделю”. Если какая-либо из сторон оставалась недовольна принятым решением, то ей предоставлялось право “избрать с обеих сторон посредников или медиаторов и разбраться оными”. В обязанности суда также входило попечение о вдовах и сиротах и выбор опекунов или попечителей; приведение в известность городских и земских повинностей; заведение в крепости “правильного городского строения”; доставление городу “всякого” продовольствия; надзор за действиями беков, чтобы те не притесняли “управляемого ими народа, через неопозволенные поборы”; составление городского бюджета. При производстве дел в суде пошлины не взыскивались³⁶. Журналы суда за каждый истекший месяц должны были представляться для “поверки” главнокомандующему³⁷. В постановлении давались указания о компетенции

военного суда. Так, например, уголовные дела, как-то: измена, разбой, убийство, вывоз за границу российской монеты, фальшивомонетничество, “похищение казны” и “тому подобное”, по расследовании в полиции, направлялись в этот суд, состоявший из “наличных военных команд”. Военный суд должен был руководствоваться воинским уставом и другими “на тот случай, который предложен будет, приличными узаконениями” и обязан был заключать “сентенцию” о каждом деле в течение 3 дней, представив затем ее коменданту крепости, который вместе со своим мнением по этому поводу отправлял данное заключение через окружного начальника на рассмотрение и утверждение главнокомандующего. Присутствие коменданта в военном суде воспрещалось³⁸. Функционирование городского суда вплоть до 1817 г. не было оформлено в надлежащем порядке. Несмотря на представление Паулуччи министру полиции постановления для внесения на утверждение императора, как писал Иваненко, “ближайший ответ на это...последовал...уже во времена Ермолова”³⁹. В 1817 г. Ермолову было предложено высказаться о результатах произведенного опыта. Ермолов ответил, что деятельность судов не вызывала никаких нареканий и поэтому полагал оставить их на прежнем основании, “в уважение к краткости их судопроизводства, приравленного к местным обычаям”⁴⁰. Таким образом, городской суд оставался центральным органом городского управления Баку вплоть до административной реформы в Закавказье. В данном случае происходила концентрация всех ветвей власти в руках коменданта крепости, кроме того, что он еще был первым военным лицом в крепости. Заметим, что в энциклопедической литературе дореволюционного периода давалось такое объяснение определению “комендант”: начальник гарнизона крепости или города⁴¹, т.е. основной функцией коменданта являлась внешняя охрана местности. В одном из документов за 1815 г., в предписании главнокомандующего, говорилось, что коменданты во всем “касательно благосостояния крепостей” поступали на основании воинских уставов и “сходно последующим от главнокомандующего повелениям”⁴². По временным штатам комендантского управления Бакинской провинции, утвержденным в 1824 г., здесь полагался комендант из военных штаб-офицеров, его помощник (из военных офицеров), плац-адъютант, полицмейстер (калабек) и его помощник из местных жителей, секретарь, переводчик, писарь, конные и пешие есаулы⁴³. В другом документе указывалось, что писарь и переводчик комендантского управления были по персидскому языку⁴⁴. На наш взгляд, ясность в вопрос с языком делопроизводства в аппарате управления городом, т.е. в управлении коменданта и в суде, вносит примечание профессора Казанского университета Эйхвальда, посетившего Баку в середине 20-х гг. XIX в., о том, что в Диване, т.е. в суде, “все дела производятся на здешнем персидском или, точнее, турецком, наречии (выделено нами - Ф.Т.)”⁴⁵. Эйхвальд подразумевал под

“турецким наречием” азербайджанский язык, а путаницу в этом вопросе нужно относить, по нашему мнению, к неправильной идентификации азербайджанцев как нации, а также к использовавшейся в тот период графике письма местного населения, которая также могла вводить в заблуждение. Есть и другие свидетельства использования азербайджанского языка - императорский указ 1834 г. об имени в комендантском управлении крепости Баку “по одному переводчику армянского и татарского языков”⁴⁶.

Нужно отметить, в этот период царское правительство стремилось привлекать земский элемент в управленческий аппарат, что должно было повышать уровень доверия к новой власти. Так, калабек (кала - значит, крепость), как явствует из документа, относящегося к Кубинской провинции (мы используем его, так как структуры власти, как и их функции по провинциям округа были, в основном, одинаковы), был ответственен за спокойствие и чистоту города, равнивал повинности городских жителей, а также брал под стражу нарушителей “тишины и благопристойности”, донося об этом коменданту⁴⁷. В документе за 1808 г. говорится, что для порядка в городе употреблялись 11 человек из бакинцев⁴⁸ (в губернских отчетах за 50-е гг. отмечалось, что полицейская команда в Баку состояла из вольнонаемных людей в составе 10-ти чел.⁴⁹). Выше уже говорилось о формировании конницы из бакинских жителей под командованием офицера из местных-же жителей, которая употреблялась в различных военных операциях, в том числе и в ходе Кавказской войны⁵⁰. Каждая часть крепости имела своего кендхуду (старшину), как это усматривается из камеральных описаний Баку за изучаемый период. Сюда же нужно отнести военных и карантинных нукеров, содержавшихся за счет общества, и, выполнявших определенные обязанности.

Баку продолжал играть роль одного из основных центров Закавказья. Документы свидетельствуют о том, что в период русско-иранской (1826-1828) и русско-турецкой (1828-1829) войн Баку являлся основным перевалочным пунктом для снабжения театра военных действий (морем от Астрахани до Баку, отсюда далее сухим путем)⁵¹.

Рассмотрим правовой статус Баку до административной реформы 1840 г. В это время, несмотря на то, что Баку в документах того периода фигурировал как город, а также как крепость, все юридические положения касались его статуса как крепости. По Высочайше утвержденному докладу военного министра об образовании Инженерного департамента от 11 октября 1809 г. большая крепость (по существовавшему делению на большую, среднюю и малую крепости) Баку вошла в Астраханский округ этого департамента⁵². В 1819 г. было введено деление крепостей на три класса: первый, второй и третий. Баку, ставший крепостью 2 класса, вошел в новообразованный Грузинский инженерный округ, который подчинялся во всем, кроме части “искусственной”, управляемой Инженерным департаментом, начальнику (командиру) Отдельного Грузинского корпуса⁵³, т.е.

командующему на Кавказе. Сделано было это по представлению ген. Ермолова, который в то время командовал на Кавказе. Отметим, что, как указано в военно-справочной литературе, деление крепостей на классы происходило, “смотря по числу их фронтов” и силе гарнизона⁵⁴. Действительно, штат крепостных команд (инженерной и артиллерийской) различался в зависимости от их классификации⁵⁵. Как явствует из Высочайше утвержденного “рописания по Округам крепостей и других мест Артиллерийского ведомства, имеющих Артиллерийские гарнизоны” от 11 ноября 1826 г. крепость Баку, бывшая по штату гарнизонной артиллерии 1809 г. также большой, переименовывалась “соответственно штатам Инженерного Корпуса” от 1819 г. в “соответствующий” I класс⁵⁶. Следует сказать, что по этому классу в этом виде шли крепости Санкт-Петербург, Кронштадт, Выборг, Свеаборг, Ревель, Рига, Киев, Севастополь и др. Из юридического акта от 1832 г. становится известно, что крепость Баку по Инженерному и Артиллерийскому ведомству шла по 2-му классу⁵⁷. В мае 1835 г. по императорскому указу, объявленному Артиллерийскому департаменту, крепость Баку из разряда приморской крепости перешла в разряд приграничных крепостей (деление было на приморские, пограничные и внутренние крепости)⁵⁸. Как говорилось в тексте указа, это делалось, “дабы сообразно тому содержать в них (крепостях - Ф.Т.) известное количество снарядов и капитального пороха”. Как видим, статус Бакинской крепости менялся в зависимости от внешне-и внутривосточной ситуации. Сообразуясь с этими предназначениями, менялась и численность гарнизона Баку. Так, например, сразу после завоевания города для занятия гарнизона были назначены гренадерский батальон Севастопольского полка, укомплектованный ротой Тифлисского (всего 22 офицера и 777 чел. нижних чинов - подсчеты наши - Ф.Т.) и 296 казаков и 3 офицера Донского Нечаева полка. Кроме того, в бакинской гавани была оставлена флотилия, состоявшая из бомбардирского корабля, фрегата, брига и 11 купеческих транспортов с экипажами на борту⁵⁹. Кстати, по предписанию ген. Гудовича эскадренному командиру флота кап.-лейтенанту Веселаго от 10 января 1807 г., последний должен был состоять тогда “хотя не в совершенной команде” начальствовавшего в Баку ген.Гурьева, “так как сие по морским правилам невозможно; но поколику он стоит под стенами Баку..., то сноситься ему во всем” с Гурьевым и быть в его ведении и исполнять “все законные требования” его, “не противныя морским положением”⁶⁰. Каспийская флотилия находилась в распоряжении главнокомандующего на Кавказе. В последующем в изучаемый период флотилия имела один из своих так называемых непреходящих постов на Каспии и в Баку⁶¹. Из источника начала 50-х гг. известно, что в Баку была учреждена морская станция (его командир заведовал “всеми делами в порте”), под ведением которой находилась военная брандвахта для “надзора и соблюдения порядка между судами” в порту⁶².

В 1830 г. было образовано 12 линейных грузинских батальонов с пунктами формирования в городах Закавказья. По указу 1834 г. о преобразовании войск Отдельного Кавказского корпуса увеличилось число и этих батальонов. Линейный грузинский батальон №9 располагался в Баку. Все линейные батальоны по случаю отдельного их расположения поступали в заведование местных начальников. По положению 1833-1834 гг. численность каждого батальона составляла 1070-1071 чел.⁶³. Отметим, что еще в 1818 г. командовавший на Кавказе Ермолов из-за угрозы со стороны горских народов и Ирана предлагал увеличить число войск для обороны крепостей (для Баку запрашивался контингент в 1000 чел.). При этом Ермолов хотел, чтобы крепостные войска не назывались гарнизонами и “заплачены они были и производство в оных основано было наравне с армейскими полками и даже чтобы часть оных была подвижна”. По распоряжению императора для этого назначались вторые батальоны пехотных полков Грузинского корпуса⁶⁴. Основу последующих изменений, вероятно, нужно искать здесь, так как есть основания полагать, что в период правления Ермолова эти указания не были претворены в жизнь потому как Ермолов испрашивал именно пополнение к войскам⁶⁵. Сформирование этих батальонов позднее, т.е. в 30-х гг., думается, нужно связывать с усилением военных действий на Кавказе. В предписании начальствовавшего на Кавказе барона Розена ген.-м. Ланскому от июля 1834 г. о поручении ему должности военно-окружного начальника в Дагестане, “начальствование войсками, в оном находящимися, и заведывание левым флангом Кавказской Линии”, говорилось, что линейные батальоны подчинены ему, т.е. Ланскому, “непосредственно на праве окружного начальника внутренней стражи”, прочие же войска состояли в его команде “по наружности, для обеспечения спокойствия края”⁶⁶.

О “прелестях” комендантской системы правления в Северном Азербайджане, а также функциональном назначении комендантов, которое было идентичным по всему региону, написано немало, в том числе в работах И.Петрушевского, Г.Писаревского, А.Мильмана⁶⁷, специально посвященных данной проблеме, а также в исследованиях других авторов⁶⁸, так или иначе затрагивавших вопрос об административной системе в регионе в исследуемое время, вследствие чего мы не останавливаемся на ней, расставив акценты на особенностях, на наш взгляд, в управлении Баку. Лишь следует заметить, что при всем том, что данная система управления характеризуется исследователями как военно-оккупационный, в самой центральной России в тот период городское устройство, главным образом, находилось в ведении двух министерств - финансов и внутренних дел⁶⁹.

Десятого апреля 1840 г. императором было утверждено “Учреждение для управления Закавказским краем”, детище барона Гана, которое должно было быть приведено в действие с 1 января 1841 г.⁷⁰. По новому положению города края, “смотря по народонаселению их”, делились на 4 разряда:

многолюдные, средние, малолюдные и заштатные с местечками⁷¹. Баку, Ставший центром одноименного уезда новообразованной Каспийской области⁷², был отнесен к категории средних городов, что определялось штатом городской полиции⁷³. По этому штату полагались: городничий, 2 депутата от города (без жалованья), 2 квартальных надзирателя, письмоводитель, его помощник, бухгалтер, 4 писца и 10 “нижних полицейских служителей”⁷⁴. Высший надзор по уезду сосредоточивался в руках уездного начальника. По уездному управлению в Баку полагалось: уездный начальник, его помощник, секретарь, два помощника секретаря, регистратор, 2 переводчика, 6 писцов, 4 рассыльных⁷⁵. По положению закреплялось разделение ветвей власти. Структура управления уездом выглядела следующим образом: уездный начальник и его помощник; участковый заседатель; городская полиция; уездное казначейство; уездный суд; уездный прокурор (уездный стряпчий). Уездный начальник не имел “никакого влияния на течение и решение всякого рода дел, в уездных судах производящихся”⁷⁶. Уездный суд являлся судом первой степени. Как отмечалось, все дела о городских жителях по преступлениям, “за неучреждением в городах Закавказского края Магистратов или Ратуш”, производились и решались в том же уездном суде⁷⁷. По штату суда, определенного положением, в нем состояло: уездный судья, 4 заседателя: 2 - от короны и 2 - от сословий (1-городского сословия, другой - сельского), 2 секретаря, 3 столоначальника, 3 помощника столоначальников, протоколист, регистратор, архивариус, переводчик и 12 писцов⁷⁸. Для надзора за производством дел в уездных полицейских и судебных местах следил уездный прокурор⁷⁹, который определялся на эту должность или увольнялся с нее Главноуправляющим по представлению областного прокурора. Было предусмотрено удаление их и предание суду, проходившее по вышеуказанной процедуре⁸⁰. В обязанности уездного начальника входило: “1 (Надзор за правильным и успешным течением дел в городской полиции...2) Ежемесячное свидетельство всех сумм и всего казенного имущества...6) Определение и увольнение штатных канцелярских чинов, исключая Секретарей, с утверждения Губернского (в нашем случае - областного - Ф.Т.) Правления...8 (Производство торгов и подрядов...9) Предварительный распорядок городских и земских повинностей, раскладка оных на месте и представление их на утверждение высшего начальства. 10) Дела, до Горских народов и Лезгин относящиеся; сношения с ними и меры осторожности. 11) Наблюдение за карантинами, в городе или уезде состоящими... 12) Разрешение выдачи подорожень... 16) Надзор за исправностию содержания почт... 17) Отвод квартир для войск, в уезде расположенных... 19) Меры в случае повальных болезней или скотских падежей. Дела по прививанию оспы...22) Взыскание по бесспорным обязательствам всякого рода и на всякую сумму, и отсылка в судебное место тех из них, по коим объявлен будет спор и кои превышают

сумму ста рублей серебром. Иски до 15-ти руб. уездный начальник решает окончательно, а по тяжбам свыше этой суммы склоняет спорящих к мировой сделке; если же в том не успеет, то отправляет их к разбору в Уездный Суд... 24) Прекращение всякого насилия и самоуправства; разбор маловажных ссор и преступлений на месте, как то: в воровств-краже и мошенничестве, учиненных в первый и второй раз от 10-ти до 25 руб. сер. По делам сего рода уездный Начальник может, по решениям своим, определять исправительное телесное наказание⁸¹. В случае отсутствия или болезни уездного начальника предусматривалось, что во “все его права и обязанности по управлению уездом” вступал его помощник, городское же управление оставалось в этом случае “в непосредственном распоряжении и на ответственности полиции и Городничаго”. Как видим, управление городом находилось в ведении уездного начальника, лишь в его отсутствие оно переходило к городничему. По делам о разборе маловажных ссор и проступков на месте городские полиции рассматривали: воровство-кражу и мошенничество, совершенных в первый и во второй раз от 5 до 10 руб. сер. По обязательствам и “вообще по частным денежным претензиям” городская полиция разбирала и решала окончательно те из них, иски по которым не превышали 5-ти руб. сер., а о взысканиях свыше этой суммы представляла уездному начальнику⁸². Отметим, что впоследствии, в течение 40-х гг., эти нормативы подверглись изменениям⁸³. Сравнивая сумму расходов, предусмотренных на содержание (сюда входит жалованье и столовые, а также квартирные деньги) управление уездного начальника, городскую полицию и уездный суд⁸⁴, видим, что более всего денег выделялось на бюджет уездного суда, свидетельствующем, кроме прочего, о придаваемом ему значении.

Четвертого февраля 1841 г. вышел указ Правительствующего Сената “О совершившемся преобразовании присутственных мест в Закавказском крае”⁸⁵. Что касается Баку, в документе от 12 января 1841 г. отмечалось, что барон Ган, объехав в числе других уездов и Бакинский, “удостоверился лично в правильном устройстве уездных присутственных мест и в самом точном введении всех предписанных положением 10 апреля форм”⁸⁶. Начальник 6 округа корпуса жандармов А.А.Скалой в своем секретном донесении шефу корпуса жандармов и главному начальнику III отделения собственной Е.И.В. канцелярии гр. А.Бенкендорфу писал, что в Баку “благодарные жители наперерыв предлагали дома свои для безвозмездного помещения в них присутственных мест и сделали на этот предмет значительные пожертвования”⁸⁷. Наличие столь серьезных корреспондента и адресата данного послания позволяют судить об отношении населения Баку к нововведениям, тем более на фоне того, что многие исследователи отмечали неоднозначную реакцию населения региона на административную реформу (ее целью было устройство управления регионом, идентичного с общероссийской системой государственности), повлекшая за собой изменения

в уголовном и гражданском судоустройстве, которые привели к тому, что ко времени учреждения наместничества на Кавказе от стройной системы Положения 1840 г., как отмечал Писаревский, остались только обломки⁸⁸. Можно сделать предположение, что такое положение было связано в какой-то мере с уровнем городского развития и соответственно с этим позицией его граждан. Так, в одном из донесений с мест председателю Комиссии для составления положения об управлении Закавказским краем барону П.В.Гану говорилось, что “жители Бакинской провинции, и особенно гор.Баку, стоят на весьма изрядной степени гражданственности и даже образованности”⁸⁹.

Как отмечалось в рапорте главноначальствующего на Кавказе ген. Головина и сен.Гана царю от 2 апреля 1841 г., в уездах гражданские власти были отделены от военных⁹⁰, что являлось лейтмотивом всего преобразования, в связи с чем по повелению императора в 1840 г. должности комендантов в некоторых городах, в том числе и Баку, были возложены на командиров Грузинских линейных батальонов, при этом были упразднены должности плац-майоров и плац-адъютантов в этих городах. По этому указу местонахождение штаба новообразованной второй бригады, в которую входил и линейный батальон N 9, дислоцировавшийся в Баку, назначалось в центре Каспийской области - гор.Шемахе⁹¹. Источник начала 50-х гг. XIX в. сообщал, что Баку как крепость (т.е. в военном отношении - Ф.Т.) управляется комендантом, который вместе с тем есть и командир линейного батальона, составляющего гарнизон крепости. В ведении коменданта состояли также артиллерийская гарнизонная рота и инженерная команда⁹². При данных обстоятельствах в функции коменданта входила внешняя охрана местности, т.е. обязанности, соответствующие вышеприведенному определению из энциклопедической литературы.

Представляет интерес и то, коснулись ли изменения языка официального делопроизводства. В уже упомянутом всеподданнейшем рапорте Головина и Гана говорится, что было дано предписание “в точности исполнять изложенное в 256 & Учреждения ..1840 года правило относительно принятия от жителей Закавказского края прошений на природном языке и без соблюдения форм, установленных в общих законах”⁹³.

К пореформенному периоду относится и принятие герба Баку. В 1841 г. Головин и Ган доносили в столицу о неимении Каспийской областью, “равно как и все уезды закавказские”, герба⁹⁴. Двадцать первого мая 1843 г. императором были утверждены гербы Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области, составленные по проектам Совета Главного Управления Закавказским краем. Двадцать первого июля того же года по этому поводу был опубликован указ Сената⁹⁵. Отметим, что в сборнике гербов Российской империи, составленном фон-Винклером (используется репринтное воспроизведение издания 1899 г. - Ф.Т.), по необъяснимым причинам (вероятно, опечатка - Ф.Т.) дата утверждения гербов Каспийской

области и Баку указана не точно, а именно - 26 мая 1843 г. и 21 марта 1843 г. соответственно⁹⁶, в связи с чем приводим даты непосредственно из Полного собрания законов, на основе чего составлялся и вышеуказанный сборник Винклера. Вместе с гербом Каспийской области был утвержден и герб Бакинского уезда. Герб Баку (см. титульную страницу монографии) представлял собой щит, разделенный на две половины. В верхней половине щита, на золотом поле, размещался рисунок части областного герба: с правой стороны, “стоящий тигр”, а с левой, “вылетающий струями из земли воспламененный газ”. В нижней части, имевшей голубое поле, и, разделенной на две половины, помещались: в одной половине, с левой стороны, был изображен навьюченный верблюд и по бокам его стебли шафрана с цветами, в знак того, что жители промышляют перевозкою тяжестей и с успехом занимаются разведением шафрана”; в другой половине, с правой стороны, “брошенный в землю якорь, означающий, что Баку имеет хороший рейд”⁹⁷. Изображения герба приводятся в Полном собрании законов Российской империи (2-е издание) и орнике фон-Винклера⁹⁸. Ссылаясь на терминологию Винклера, приходим к выводу, что герб Баку по своему происхождению полугласным, так как между именем города и эмблемами щитный уездный герб должен был состоять из щита с эмблемами, увенчанного “древнею, царскою короною”, но обычно герб уезда изображался одним щитом) согласование было относительным, т.е. эти эмблемы не указывали прямо на название города”. С 70-х гг. XVIII в. становится обязательным помещению в гербах уездных городов Российской империи части или всего губернского герба, что наблюдается и в гербе Баку¹⁰⁰. Фигуры, отраженные на изображении герба Баку характеризуются как негеральдические¹⁰¹, т.е. взятые, в данном случае, из действительного мира: верблюд, тигр, шафран. Якорь, согласно сборнику, - это “искусственная фигура” из “морского быта”.

С утверждением наместничества на Кавказе происходит новое административно-территориальное деление края в 1846 г., по которому Бакинский уезд включается в новообразованную Шемахинскую губернию. На уровне управления губернией происходит слияние гражданской и военной властей: “особый военный губернатор, управляющий гражданскою частью”¹⁰². Заметим, что за несколько месяцев до этого, в сентябре того же года по указу царя начальнику Каспийской области было поручено руководство “военною частью этой области” (кроме Кубинского и Дербентского уездов -Ф.Т)¹⁰³. Данные мероприятия в этот период были, конечно же, связаны с усилением военной активности России на Северном Кавказе. Вместе с новым делением региона были произведены некоторые изменения по управлению Бакинским уездом и городом Баку. Был упразднен Бакинский уездный суд, а уезд был причислен по подсудности к ведомству Шемахинского уездного суда, а предоставленное уездному суду право совершения и явки актов по уезду поручалось Бакинскому уездному

управлению¹⁰⁴. Вследствие этих изменений суд получил наименование Шемахинско-Бакинского уездного суда¹⁰⁵. Совмещалось управление городом и уездом. Так, должность городничего упразднилась, а управление городской полицией поручалось бакинскому уездному начальнику. В некотором роде поднимался статус городской полиции, связанный, думается, с тем, что ее главой являлся по новому статуту уездный начальник: ей предоставлялось право разбора и окончания “маловажных” дел и исков, наравне с полициями губернских городов Закавказья. Вместе с тем был утвержден новый штат управления Бакинским уездом¹⁰⁶. По этим штатам в уездном управлении состояли: уездный начальник, его помощник, секретарь, 2 столоначальника, регистратор, архивариус, 2 переводчика, 6 писцов и 6 рассыльных. Штат городской полиции состоял из управляющего полицией (он же - уездный начальник) 2 квартальных надзирателей, письмоводителя, его помощника. 4 писцов и 10 полицейских служителей. Штаты уездного прокурора, уездного казначейства и, как отмечено в тексте указа, “поочия части” оставались на прежнем основании¹⁰⁷. Коснемся некоторых моментов этого указа. Как усматривается из определения Шемахинского губернского правления, заседатели Бакинского уездного суда “по выборам” по упразднению суда освобождались от занимаемых должностей¹⁰⁸. В связи с этим возникает вопрос, насколько было соблюдено представительство населения Бакинского уезда в новом суде, так как сведений об этом не найдено. Учитывая норму представительства в этом органе, ущемление в этом вопросе интересов жителей Баку и уезда не вызывает сомнений. Упразднение суда, вероятно, было связано с уменьшением дел в бакинском уездном суде, тем более, что такая практика существовала¹⁰⁹, происходившая, наверное, от расширения компетенции и подсудности шариатских судов (их ведомству по учреждению 1840 г., как и ранее, подлежали семейные, бракоразводные и наследственные дела): в 1844 г. им были переданы дела по долговым обязательствам¹¹⁰. Уменьшение количества дел в суде можно также связать с мирным характером жителей Баку и уезда, что не раз подчеркивалось в различного рода материалах¹¹¹. Представляет также интерес разделение Баку на 2 квартала, судя по числу квартальных надзирателей. Объяснение этому находим в источнике тех лет, в котором говорится, что для полицейского надзора один из этих надзирателей находился в городе, т.е. в крепости, а другой - в предместье (форштадте)¹¹².

В 1859 г. происходят события, в результате которых город Баку вступает на качественно новый уровень развития, став во второй половине XIX в. по своим социально-экономическим показателям на первое место среди других городских центров Северного Азербайджана¹¹³, уже тогда превращаясь в его “столицу”. После разрушительного землетрясения в губернском центре Шемахе конце мая-начале июня 1859 г. кавказским начальством ставится вопрос о переносе центра губернии в Баку. Наместник на

Кавказе кн. Барятинский пишет письмо шемахинскому военному губернатору кн.Тархан-Моуравову от 8 июля 1859 г. (к тому времени некоторые учреждения уже были временно переведены в Баку – Ф.Т.) в котором он обосновывает пользу перенесения центра губернии в Баку - “положение этого города на берегу моря, устройство здесь порта, будущая железная дорога в которой Баку будет первой исходной точкой” - все это, по мнению наместника, в “непродолжительном времени обратят его в значительный портовый город”. В то же время Барятинский считал нужным узнать на этот счет мнение и шемахинского губернатора¹¹⁴. В своем докладе по этому вопросу шемахинский губернатор, останавливаясь на преимуществах и невыгодах Баку, предлагал, учитывая его возросшее значение, “гораздо выгоднее иметь со временем особое градоначальство”¹¹⁵. Барятинским было запрошено также мнение академика Аби́ха, исследовавшего в то время причины землетрясения в Шемахе, о перспективах этого города. Академик отвечал, что в Шемахе всегда можно ожидать новой катастрофы, которую не отвратят самые мудрые строительные предосторожности, и, что нельзя пренебрегать теми предосторожностями, которые делает нам сама природа¹¹⁶. Такое авторитетное мнение явилось веской причиной того, что наместник уже 25 сентября предписывал шемахинскому губернатору “немедленно распорядиться о переводе всех Шемахинских губернских присутственных мест в Баку”. В этом же предписании Барятинский давал указание о увеличении штатов бакинской городской полиции соразмерно такому же уменьшению шемахинской полиции¹¹⁷. Заметим, что Баку объективно был на пути своего выдвижения, казусы же природы только убыстрили этот процесс, ведь как писал шемахинский губернатор: “До-сих-пор между мусульманскими городами для Баку не было ни одного соперника”¹¹⁸. Представляет интерес и отношение населения Баку на это событие. В письме шемахинского губернатора начальнику Главного управления наместника от 9 октября говорилось, кроме прочего, о настроении бакинцев, которые “известие об этом событии приняли с живейшим восторгом и оказывают Пигулевскому ревностное содействие к обеспечению чиновников квартирами и жизненными потребностями по умеренным ценам”. Здесь же упоминается дата окончательного переселения госучреждений в Баку: если судить по тексту, где-то 10-11 октября 1859 г.¹¹⁹, т.е. можно констатировать что к середине октября перевод состоялся. Шестого декабря того же года это событие приобрело официальную форму - в этот день по указу царя, который был опубликован 22 декабря, в связи с тем, что губернский город Шемаха подвергается частым землетрясениям, как отмечалось в тексте указа, город Баку возводился в степень губернского города, а губерния принимала наименование Бакинской¹²⁰.

С завоеванием Баку, как говорится в отношении Гудовича министру иностранных дел А.Будбергу от 22 октября 1806 г., “ханское имение” и

имущества бежавших с ним было конфисковано. Гудович писал, что “ханство сие с селениями, составляющее малое пространство, приносит однако-же по первой справке дохода в казну Е.В. более, 100000 р., может однако-же оно приносить доходу еще несравненно более, так как город сей довольно многолюден и имеет на Каспийском море лучшую гавань”¹²¹. Как видим, новые власти, будучи заинтересованы в собирании и приумножении доходов, видели способ увеличения их в “выкачивании” денег, главным образом, с населения. Здесь уместно будет процитировать барона Гана, чуть позднее дававшего оценку состоянию финансового управления в “мусульманских провинциях”: “... коменданты жертвуют народом в пользу беков, нисколько не думают о благосостоянии провинций (в отличие, как отмечал Ган, ханов-Ф.Т.)”¹²². В “обвещении” Гудовича “почетным бекам и всем жителям как г.Баку, так и селениям бывшего Бакинского ханства” от 31 октября 1806 г. отмечалось, что для собирания доходов выбраны “несколько почетнейших беков”, которым, как уже указывалось выше, также было поручено управление “внутренних дел” под начальством Гурьева¹²³. Такое положение в вопросе сбора доходов, видно, не понравилось правительству, в результате чего последовало известное уже письмо Будберга Гудовичу о назначении “казначея из Россиян для сбора и хранения казенных доходов”, что и было выполнено последним. В этом же письме имелась фраза, которая имела большое значение в деле расходования средств города: “Сии доходы...впредь до Высочайшаго повеления имеют состоять под непосредственным ведомством в.с. и быть обращаемы как на чрезвычайные расходы, так и на общепользные для тамошних стран заведения, наипаче же на те предметы, которые могут со временем послужить к расширению торговли”. Делалась и оговорка, которая ставила расходование доходов города в зависимость от “уверенности на благоразумныя распоряжения” главного начальника на Кавказе, оставляя “все сии статьи...на дальнейшее...обозрение” его “общих нужд и польз ввереннаго...края”¹²⁴. Гурьев в своем рапорте Гудовичу от 22 августа 1807 г. доносил, что “Бакинские доходы приведены уже Тверь в известность”. Он отмечал, что “в сборе доходов Бакинских с 1 ноября (1806 г. - Ф.Т.) по 1 августа (1807 г. - Ф.Т.) состояло 75301 р.-79 1/2 к. российских деньгами”, которые поступили от продажи нефти, соли, пошлин “с товаров за съестные припасы” и от мясников в городе “по обычаям ханским”¹²⁵. И это при том, что по отдельным статьям, как, например, пошлинный сбор (до открытие таможни он хранился у бакинского коменданта под ведением главнокомандующего¹²⁶) и красильная, сбора не было¹²⁷. Сюда также, как видим, не входит подать с населения, взysкание которой за 1807 г. Гурьев полагал невозможным ввиду неурожая. Отметим, что в более раннем рапорте от 27 декабря 1806 г. Гурьев докладывал Гудовичу по поводу увеличения подати с народа, что “народ Бакинский войною до чрезвычайности разорен и хан при настоящей нужде для найма Персидских и других войск всю взял

подать на текущий год с излишком”, полагая тем не менее возможным “до 10000 р. ханскими деньгами на первый год умножить” ее, и, испрашивая на этот счет разрешения главнокомандующего¹²⁸. В последующем вышеуказанные статьи отдавались на откуп вместе или раздельно различным лицам. Таможенный же сбор, с открытием Бакинской таможни¹²⁹, взимался этим учреждением, состоя в “непосредственном ведении Государственной Коммерц-Коллегии”, как говорилось в отношении ген.Тормасова, командовавшего на Кавказе после Гудовича, министру финансов Гурьеву от 2 августа 1810 г.¹³⁰ (в последующем таможенный сбор опять-же принадлежал к общим государственным доходам- Государственному Казначейству¹³¹). Вышеуказанное отношение являлось ответом на письмо министра финансов ген. Тормасову от 8 апреля того же года, в котором ставился вопрос об неимении сведений о доходах и расходах с Бакинской “области”, кроме “краткого и неполного отчета за 1808 г.” Гудовича, присланного в 1809 г.¹³². Собрание сведений центральным ведомством было связано с манифестом царя от 2 февраля 1810 г., по которому все доходы должны были принадлежать Государственному Казначейству, которая и будет производить все расходы¹³³. Тормасов писал в ответ, что сбор доходов с Баку (здесь шли также Дербент и Куба) по распоряжению главнокомандующего возложен на коменданта; в свою очередь, он, Тормасов, предписал коменданту доставлять ведомости и отчеты в Грузинскую Казенную Экспедицию. Как говорится далее в отношении главнокомандующего, Казенная Экспедиция полагала оставить ей возможность “заимствоваться суммою приобретенных ханств и городов Баку, Кубы и Дербента” до “утверждения границ Грузии в своем положении”, ибо расходы “до того умножились, что она за всеми ея стараниями о приращении доходов не в состоянии будет их удовлетворить”¹³⁴, письме министра финансов Тормасову затрагивалась также дальнейшая судьба остатков от бакинских и дербентских доходов в сумме 69858 червонцев, 25235 серебр.руб., 7523 р. ассигн. и медной монетой, находившихся в Казенной Экспедиции¹³⁵ (их передал туда Тормасов¹³⁶). Тормасов отвечал, что “в них встретиться может...надобность для разных непредвидимых употреблений по здешнему же краю”. По мнению главнокомандующего, “по приведении же в здешнем краю дел в должной порядок и по заключении мира с соседственными державами сии суммы могут поступить в точное распоряжение...Казначейства”. “Ныне же, как отмечал Тормасов, из остатков этих сумм я снабжаю в необходимых случаях заимообразно деньгами Грузинскую Провиантскую Коммисию..., отпускаю на построение крепостей и на прочия надобности, даже снабжаю самую Казенную Экспедицию для выполнения ей предписанных расходов”¹³⁷.

В конце 1810 г. министр финансов Гурьев сведения, предоставленные Тормасовым о состоянии финансов, представил в Госсовет, который принял постановление, утвержденное царем 10 марта 1811 г., где говорилось: “1) С

оного 1811 г. все сборы, с присоединенных от Персии городов и областей присоединять к общей массе Грузинских доходов; 2) Чиновникам и лицам, на которых возложены сборы сии, давать надлежащий в том отчет Казенной Грузинской Экспедиции; 3) Экспедиции сей производить из доходов Грузинских отпуски и выдачи не иначе, как по точным назначениям министра финансов или государственного казначея”¹³⁸. Вплоть до реформы 1840 г. доходы от оброчных статей и казенного хозяйства поступали в ведение главноуправлявшего Закавказьем¹³⁹.

Рассмотрим систему налогообложения податного населения. Как говорится в записке одного из чиновников от 1834 г., содержащей характеристику податной системы в Закавказье и предположения его о необходимых преобразованиях, подать с жителей города Баку и провинции в целом составляла 2503 руб. 58 ½ коп. - серебром, причем оговаривалось, что жители провинции и собенно гор.Баку” находятся в “весьма хорошем состоянии”, но платят “ничтожную подать, (по 54 коп.сер. с дыма круглым числом) единственно потому только, что сия сумма наложена была вначале при завладении сею провинцией”¹⁴⁰. В записке также отмечалось, что во всех провинциях система податей и прочих статей доходов осталась в том почти виде, в каком она была при хане, “с некоторыми изменениями”¹⁴¹. Автор записки предлагал “после 30 лет, в течение коих пользовались они (жители Баку и провинции - Ф.Т.) таковою льготою”, приступить к изменению подати, приводя в пример то, что жители Ширванской, Кубинской и Талышинской провинции платили больше. По его мнению, жители Баку и провинции должны были быть подвергнуты такой же подати, какой предполагалось обложить жителей Грузии, а именно по 3 руб. серебром¹⁴². Причину того, что подать с бакинских жителей, по выражению этого чиновника, была “ничтожна”, нужно искать, вероятно, в том, что, когда после завоевания Баку ставился вопрос, как уже говорилось ранее, об увеличении размера податей, тогда был получен отказ со стороны местного начальства, мотивировавшего это проблемами текущего момента, в силу которых и, думается, по политическим причинам, не была увеличена в то время эта статья доходов, впоследствии не быв подвергнута в силу тех или иных причин изменениям. Как показывают архивные документы более позднего времени - губернские журналы учета податных сословий 50-х XIX в. - подымная подать с жителей города Баку в этот отрезок времени составляла по 53 коп.сер. с дыма в год, которая взималась лишь с так называемых “коренных” жителей, а для вновь причисленных к городу существовала, введенная, вероятно, после реформы 1840 г., подать - по 2 руб. 40 коп. серебром - с души в год¹⁴³. Лишь в 1858 г. по предложению Совета Главного Управления Закавказским краем прежняя система налогообложения с делением на “коренных” и “вновь причисленных” была отменена¹⁴⁴. С 1859 г. вводилась новая подать по 3 рубля серебром с дыма, которая взималась с “казенных обывателей” города¹⁴⁵.

Подымная подать, как свидетельствуют материалы о статьях городского бюджета, на всем протяжении рассматриваемого времени не входила в число доходов города, относясь к категории общих государственных доходов. Так, например, об этом не говорится в постановлении об учреждении городского суда в 1812 г., в котором перечислялись статьи городских доходов, составление которых входило в компетенцию этого суда, а в отчете Главного Управления Закавказским краем за 1843 г. указывалось, что податные сборы принадлежали Государственному Казначейству¹⁴⁶. Прежняя подымная подать, про которую упоминал чиновник в своей записке, как видно из документов, не учитывала динамику количественных изменений, а в казанных журналах учета, наоборот, есть возможность проследить этот процесс, в связи с чем шло возрастание суммы подымной подати, платимой горожанами Баку, которая к 1 января 1860 г. составляла 5853 руб. серебром¹⁴⁷.

Перейдем к рассмотрению статей доходной части бюджета, остовошихся непосредственно к ведению города. В постановлении о городском суде подчеркивалось, что “городские доходы - оставлены быть могут: 1) крепость может завести на крепостной земле водяные или ветряные мельницы, харчевни, трактиры и бани; ... 3) получать с собираемой в таможене суммы с привозимых товаров..., а с отвозных... 4) выморочные имения оставшихся без наследства, для которого...никто из наследников не явится, принадлежат на общее употребление; 5) с иногородних и иностранных людей, за позволение торговать в городе в розницу; 6) с бань и мельниц..., водяные или ветряные в крепости или на крепостной земле находятся, акциз; 7) штрафные деньги по делам уголовным”¹⁴⁸ как видно из рапорта бакинского коменданта маркизу Паулуччи от 14 ноября 1811 г., коменданту предъявлялись для освидетельствования различного рода акты, за что полагалось взимать пошлины; однако, например, ввиду малого количества купчих, закладных и контрактов и сумм в них, пошлины не взимались. Паспорты на отлучку подданным России выдавались крестьянские (ввиду отсутствия деления на гильдии и цеха), со взятием 3 руб.сер. за каждый, как годовой, так и кратковременный, паспорт. Были в продаже также и гербовая и вексельная бумаги. Комендант докладывал, что прежде никаких взысканий с заключаемых между жителями актов не производилось, а совершались они в присутствии моллы и нескольких свидетелей и поэтому считал нужным, “предоставя свободу, делать им (жителям - Ф.Т.) между собою сделки на прежних правах (так как жители продолжали так делать “по большей части” - Ф.Т.), дать власть градским правлениям, каковую имеют уездные суды, магистраты и ратуши, касательно засвидетельствования предъявляемых актов, и в случае каких либо споров давать преимущество актам, засвидетельствованным в градском правлении”. Это предлагалось с целью постепенного ввода существовавших в России на этот счет узаконений, ибо введение “вдруг”, по мнению коменданта, “покажется им угнетением”¹⁴⁹. Уже

в источнике середины 30-х гг. читаем, что общие сборы, к которым относились и вышеперечисленные, производились на том же основании, что и в российских губерниях¹⁵⁰.

Заметим, что эти сборы шли в числе общих государственных доходов¹⁵¹. Как усматривается из документов за 40-е гг., пошлины с актов, за паспорта, за употребление бумаг и т.д. опять-же принадлежали Государственному Казначейству¹⁵², а доходную часть бюджета города составляли сборы с протестов векселей, с аукционной продажи, за переход имущества и т.п.¹⁵³. Эти действия по взиманию казначейских сборов производились в тот период уездным судом и уездным управлением, смотря по виду сбора, а по входившим в состав бюджета города - городским маклером¹⁵⁴. Последний выбирался жителями города и утверждался бакинским комендантом. Маклер также доставлял Бакинской таможене еженедельно сведения о денежном курсе в городе и выполнял обязанности аукциониста на публичных торгах в таможене, не получая за это никакой платы¹⁵⁵. Нужно отметить, что в вышеуказанном рапорте коменданта маркизу Паулуччи говорилось о засвидетельствовании некоторых актов “находящимся при Бакинской портовой таможене публичным маклером”¹⁵⁶.

Имеется переписка, датированная началом 30-х гг., из которой становится известно о существовании в ведении городского суда таких статей дохода как убой рогатого скота, базарный сбор и городские весы, сбор с домов и лавок; при этом ставился вопрос о передаче их в состав общих государственных доходов. Рапорт бакинского коменданта, в котором обосновывалось нахождение их в прежнем подчинении, так как по ним производились расходы на содержание суда и по городу, был удовлетворен главноуправляющим Грузии в тот период бароном Розеном впредь до утверждения штатов по Дагестанскому округу¹⁵⁷. В течение рассматриваемого периода эти статьи входили в состав бюджета города и даже являлись, по описаниям современников, главными статьями дохода города¹⁵⁸. Заметим, что базарный сбор и городские весы поступили в число городских доходов, как усматривается из документов, с 1812 г., т.е. со времени открытия городского суда, находясь до этого времени в составе общих госдоходов.

Структура доходной части бюджета Баку после реформы 1840 г., оставаясь неизменной до конца изучаемого периода, выглядела следующим образом: I) с общественных городских имуществ: а) сбор за убой в городе скота, б) раздача обывательских городских незаселенных в городе мест под постройку домов и других зданий и от выдачи планов на земли, в) с пристаней, г) с городских весов и мер; II) с частных обывательских имуществ (с обывательских домов по числу находящихся в них комнат) и 10% сбора с дохода получаемого: а) с лавок и караван-сараев, б) с харчевень; III) с заведений промышленности и с промыслов: 1) с духанов, где продаются виноградные вина и водки, 2) с мелочных лавок, 3) с торговых бань, 4) с

цирюлен, 5) с промышленников: а) с городских жителей, занимающихся торговлей (за право торговли), б) с иногородних купцов и “другого звания людей постоянно торгующих в городе”, в) “с заезжих временно иногородних купцов и других торгующих лиц акциза за производство своими товарами торговли”, г) с мастеровых и ремесленников; IV) с заведений, “имеющих предмет народного увеселения”; V) “с актов сделок и аукционной продажи”; VI) вспомогательные доходы (сюда входил и 20% акцизный сбор в пользу города с привозимых напитков). Сверх того Бакинская таможня отчисляла городу 2% таможенный сбор¹⁵⁹. Косвенный налог - отчисление 20% в год в пользу городов Закавказья из взимаемого в каждом из них акцизного сбора с привозимых напитков для продажи - был введен по указу царя от 11 ноября 1834 г. “О введении в Закавказском крае единообразной акцизной системы питейных сборов и об учреждении особого акцизного управления”. Для сбора акцизных денег в Баку назначался особый надзиратель, который должен был состоять в ведении местного начальника и отчитываться перед Казенной Экспедицией. Выплата денег в пользу города должна была производиться после вычета суммы, требовавшейся на содержание управления, а расходование их происходить не иначе, как с разрешения главноуправлявшего в Грузии¹⁶⁰. Акциз начал взиматься с 1 января 1836 г.¹⁶¹. В 1843 г. должность акцизного надзирателя в Баку была упразднена (акцизные управления закрывались во всем крае)¹⁶², а взимание пошлины было поручено портовым таможням¹⁶³, так как данная система себя не оправдывала. В 1848 г. по указу царя размер акцизов был увеличен. Бакинской таможне было поручено с 1 января 1850 г. взыскивать акциз по новым правилам: акциз, который брался за напитки, привозимый из России в Закавказье, должен был поступать в доход казны; другой акциз должен был взыскиваться с напитков без различия происхождения их, ввозимых собственно в портовые города, где существовал на этот счет акциз в пользу города, и должен был отдаваться откупщикам данной статьи (первый откуп продолжался с 1 января 1850 г. по 1 января 1854 г. - Ф.Т.)¹⁶⁴. В свою очередь откупщики отчисляли в пользу города 20% сбор из откупной суммы. В пользу города также отчислялось 20% от пошлин с питейных заведений Баку¹⁶⁵.

С 1 января 1853 г. натуральная постоянная (квартирная) повинность была заменена денежным сбором¹⁶⁶. В Баку до этого времени постоянная повинность также отправлялась натурой. Отвод квартир в городе и управление очередью по содержанию постбья между горожанами осуществлялся городским судом¹⁶⁷. За несение этой повинности жители нанимаемых домов избавлялись от уплаты податей. После реформы 1840 г: разбором квартирной повинности занималась квартирная комиссия, в которую входили несколько депутатов от города, под председательством уездного начальника¹⁶⁸. Новый денежный сбор образовывался при помощи возвышения окладных сборов: увеличения размера процента с частных

недвижимых имуществ и сбора с постоянно пребывающих в городах жителей за право производства торговли, промышленности и ремесла. Однако, так как в раскладке бюджетных статей Баку произошли изменения вследствие перевода штаба 2 бригады грузинских линейных батальонов из Баку в Шемаху, сбор с частных обывательских недвижимых имуществ по росписи 1853 г. был уменьшен с 11% с доходного рубля до 10%. Это объяснялось тем, что там, где расходы уменьшились или возвысились вспомогательные источники, представилась возможность понизить вышеозначенные окладные сборы, что и произошло в случае с Баку, в бюджете которого на 1853 г. усматривается повышение доходов по сравнению с 1852 г., но в то же время увеличились и расходы в сравнении с тем же годом, причем уменьшилась и разница между доходной и расходной частями бюджета¹⁶⁹, что, вероятно, свидетельствует о подпадании данного положения под версию о возвышении вспомогательных источников.

Так как речь зашла о повинностях, следует сказать, что жители Баку, кроме податей, платили деньгами еще сбор на земские повинности. Из росписи за 1831 г. становится известно, что этот платеж составлял на то время 2627 руб. 25 коп. серебром. Можно утверждать, при рассмотрении статей сбора, что некоторые из них являлись постоянными, такие, как содержание военных нукеров, десятников, карантинных нукеров, выплаты квартирной комиссии на починку казенных домов и др.; остальные, например, расходы при открытии училища, на содержание гератского шахзады, находившегося в то время в Баку проездом по пути из Мекки, можно отнести к переменным величинам. Львиная доля -85,7% - уходила на содержание постоянной группы земских поповинностей. Интересен тот факт, что армянское общество города катило смехотворно малую сумму - 12 руб. серебром или 0,4% всех платежей¹⁷⁰, даже принимая во внимание их численность в Баку.

Отсутствие в составе доходной части городского бюджета основных прибыльных статей Бакинского экономического района (раскрытие этого понятия приводится в соответствующей главе настоящего исследования) сказывалось на расходах по городу и, самое главное, на его благоустройстве. Кроме того, без введения каких-либо начал городского общественного управления нельзя было говорить о дееспособном функционировании городского организма, имея в виду и то, что правительство смотрело на развитие национальной окраины сквозь призму своих интересов в регионе.

Усеченные доходы города направлялись, в основном, на функционирование госаппарата. В постановлении о городском суде указывалось, что расходы “об ассигновании коих представлять можно, следующие быть могут: 1) на заведение в городе магазина с дровами или с другими необходимыми припасами на пользу общественную, 2) на издержки по горсуду, 3) на содержание полиции, 4) на содержание школ и богоделен или госпиталей, для нищих, 5) на строение общественное и починки оног”¹⁷¹.

Выше уже говорилось о переписке бакинского коменданта с кавказским начальством, в которой обосновывалось необходимость оставления за городом некоторых статей дохода, в том числе и для покрытия расходов по городу. Представляет интерес, на какие именно мероприятия по благоустройству города направлялись средства? Не приводя каких-либо цифровых данных, комендант дает их общее обозрение: на очищение и выстилку камнем улиц и площадей, устройство фонарей и ночного освещения по городу, устройство и содержание в чистоте водопроводов и колодцев, устройство и починка мостов, “как в городе так и в некоторых местах при морской пристани”¹⁷². Нельзя не отметить и такой факт - повеление царя от 1827 г. о собирании сведений по всей России (оно было направлено и командовавшему тогда на Кавказе Ермолову) о том, “в каких городах есть остатки древних замков и крепостей”, сохранении их и запрете на разрушение¹⁷³ - сыгравшее, конечно же, свою роль в сохранении исторического лица Баку. Наглядна ситуация с благоустройством Баку после реформы 1840 г. По росписи расходов города на 1843 г. указано, что на единственную графу по устройству города - “содержание мостовой, барьеров, мостов и дорог в городе и в городской черте” - было израсходовано всего 0,9% от расходной части бюджета города, в то время как на содержание городской полиции - 74%¹⁷⁴. В документах этого периода, губернских отчетах 50-х гг., привлекает внимание такой факт, как-то, что в Баку, как и в других городах губернии, не было пожарных команд, а “пожарных инструментов по недостатку средств” не было “заведено”; в случае же пожаров, как отмечалось, “наряжаются для утушения их сами жители с своими инструментами”¹⁷⁵. Были и первые зачатки приведения в надлежащий вид городского хозяйства, еще остававшегося в ведении полиции: к 40-м гг. относятся сведения о назначении торгов для отдачи в подряд изготовления 1600 номерных табличек “для вывески на домах в г.Баку”¹⁷⁶ и “освещения улиц и площадей в г.Баку, а также иллюминация в торжественные дни городских домов и зданий”¹⁷⁷. К концу рассматриваемого периода, когда Баку вступал в новую фазу своего развития, в отчете бакинского губернатора за 1860 г. говорится об оснащении Закаспийским торговым обществом фонарями “нового устройства” главной крепостной улицы, осветив ее “фотонафтилем”¹⁷⁸. Однако все эти мероприятия по своей сути были куцы и половинчаты. Таким образом, формы административного устройства города Баку в рассматриваемое время тормозили развитие городского организма, а бюджет города, не включавший в себя основные статьи дохода, расходовался, в основном, на содержание аппарата управления.

1. См.: АКАК, т. II, ДОК. N 1511, с.737-738, N 1739, с.845. 2.
2. Там же, т. III, док. N 166, с.93. 3.
3. Там же, док. N 642, с.348. 19
4. Там же, док. N 741. с.392.
5. Там же, док. N 1184, с.703.
6. Там же, док. N 704, с.374.
7. Там же, док. N 1185, с.704.
8. Там же, т.ГХ, док. N 214, с. 189.
9. Дубровин Н. История войны...,т. IV, с.39.
10. АКАК, т. III, док.N 643, с.349; т IV, док.N 861, с.573; Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам, с. 187,189.
11. АКАК, т IV, док. N 861, с.573-574.
12. Там же, т.Ш, док. N 643, с.349.
13. Кавказский сборник, т.27, с.46. См. также: АКАК, т. III, док. N 649, с.350-351.
14. Бугков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., ч.3, 1869, с.389.
15. АКАК, тIV, док. N 994, с.642. .
16. Там же, док. N 861, с.573-574.
17. Там же, т.Ш, док. N 655, 736,747, с.353,388,396.
18. Там же, док. N 576, с.402, тIV, док.К 758, с.517, N 922, с.603, N 926, с.606, N 967, с.629, N 981, с.635, N 983, с.636- 637, N 1017, с.65,9-660, N 1036, с.673-674, N 1038, с.674; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, т.И, ч.1 /1801-1839/, 1940, док. N 66. с.148-149.
19. См.: Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). Махачкала, 1956; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана (материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен До начала XX века). Махачкала, 1964; Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968; История Дагестана. М., т.2, 1968; Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана /тематический сборник). Махачкала, 1990.
20. АКАК, т. V, док.N 85, с.52.
21. Там же, док. N 33, с.20-21.
22. Там же, док. N 240, с. 172.
23. Там же, док. N 829, с.676-677.
24. Козубский Е.И. История города Дербента. Темирхан-шура, 1906, с. 144.
25. См.: АКАК, т. III, док. N 719, с.381, N 720, с.381-382, N 721 с.382-383, N 723, с.383, тIV, док, NN 937-938, с.612-613, NN 941-946, с.614-617, NN 948-954, с.617-621, NN 956-958, с.622-623, NN 959-962, с.623-626, ГИА АР, ф.24, оп. I, ед.хр.20, лл. I-Юб.
26. АКАК, тIV, док. NN 1037-1040, с.674-675.

27. Там же, док, NN 1048-1049, с.677-678.
28. Там же, док. N 1005, с.647-648.
29. Сборник известий...,с.87.
30. АКАК, т.V, док. N 97, с.67-68.
31. Там же, док. N 33, с.20-21.
32. Там же, док. N 204, с. 139.
33. ГИА АР, ф.24, оп.І, ед.хр.304, л.62об.
34. АКАК, т.V, док. N 204, с. 139.
35. Т.е. справок. - См.: Иваненко В.Н. Гражданское управление..., с.91.
36. АКАК, т.V, док. N 204, с. 139.
37. Иваненко В.Н. Гражданское управление..., с.91.
38. АКАК, т.V, док. N 204, с. 139.
39. Иваненко В.Н. Гражданское управление...,с.91.
40. Там же, с. 147.
41. Военный энциклопедический лексикон. СПб., изд.2,т. VII,1855,с.312. .
42. АКАК, т.V, док. N 779, с.637.
43. Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX-начале XX веков. Баку, 1966, с.70.
44. ГИА АР, ф.24, оп.І, ед.хр.21, л.98.
45. Путешествие профессора Эйхвальда..., с. 150.
46. ПСЗ-II, СПб., 1835, т.9, отд.первое, N 7294, с.743-744.
47. АКАК, т. VIII, док. N 354, с.476.
48. Там же, т. III, док. N 666, с.357.
49. См.: ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.39, лл.91, 145об-146, ед.хр.42а, л.18.
50. АКАК, т. VIII, док. N 425, с.545-548.
51. ГИА АР, ф.47, оп.І, ед.хр.2,4-9; Бескровный Л.Г.Русское военное искусство..., с. 170, 85.
52. ПСЗ-I, СПб.,1830, т.30, N 23902, с.1204-1211, т.43, ч.2, с.263.
53. Там же,1830, т.36, N 24786а, с.168, N 27617, с.5.
54. Военный энциклопедический лексикон, т. VII, с.533. 55. См.: ПСЗ-I, 1830, т.43, ч.2, с.262, 1830, т.36, N 27617, с6.
56. ПСЗ-II, СПб., 1830, т.1, N 659, с.1182.
57. Там же, 1833, т.7, N 5408, с.346.
58. Там же, 1835, т. 10, отд.первое, N 8106, с.387.
59. Дубровин Н. История войны...,т.V, с.78-79.
60. АКАК, т. III, док. N 653, с.352.
61. Военный энциклопедический лексикон, т. VIII, с.50. 62. Спасский-Автономов К. Баку, с.308. См. также: Филиппов. Описание города Баку..., с. 155.
63. Исмаил-заде Д.И. Население городов..., с.153.
64. АКАК, т.VI, ч.І, док. N 662, с.487-488.
65. Там же, док. N 667, с.492.

66. Там же, т. VIII, док. N 466, с.579-580.
67. См: Петрушевский И.П. Система русского колониального управления в Азербайджане в первой половине XIX века. - Колониальная политика российского царизма в Азербайджане..., ч.I, с.5-32; Писаревский Г.Г. Управление, суд и социальная политика царизма в Азербайджане за время от уничтожения ханств до 60-х гг. XIX в. - НАИИ, инв. N 787; Мильман А.Ш. Политический строй...
68. См. например: Фадеев В.П. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., изд. 2-е, 1968 и др.
69. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство..., с. 19.
70. ПСЗ-П, СПб, 1841, т.15, отд.первое, N 13368, с.237. 71. Там же, с.249.
72. ПСЗ-П, т.15, отд. первое, N 13368, с.238. Заметим, что в проекте Паскевича по поводу административной реформы в качестве центра (губернии или области) предлагался также и Баку, а в постановлении Госсовета от 1833 г. о преобразовании системы управления в Закавказье с изложением проекта, дополнения к нему и замечаний Паскевича, Кутайсова, Мечникова и др. лиц, а также об организации Комитета об устройстве Закавказского края уже определенно говорилось о том, что Баку будет назначен центром нового образования. - АКАК, т.VII, док. N 47, с.38; Колониальная политика..., ч.I, док. N 22, с.264.
73. ПСЗ-П, т.15, отд. первое, N 13368, с.249.
74. Там же, отд. второе, штаты, к N 13368, с.65.
75. Там же.
76. Там же, отд. первое, N 13368, с.246.
77. Там же, с.249.
78. Там же, отд. второе, к N 13368, с.66.
79. Там же, отд. первое, N 13368, с.249
80. Там же, с.250. 80.
81. Там же, с.246-247.
82. Там же, с.249.
83. См.: Козубский Е.И. История..., с. 199,201.
84. См.: ПСЗ-П, т.15, отд.второе, штаты, к N 13368, с.65-66.
85. Там же, СПб., т. 16, 1842, отд. первое, N 14254, с. 100-101.
86. Колониальная политика..., ч.I, N 28, с.383.
87. Там же, с.378.
88. НАИИ, ипв. N 787, с.5.
89. Колониальная политика..., ч.I, док. N 26, с.323.
90. АКАК, т. IX, док. N 33, с.32.
91. ПСЗ-П, т. 15, отд. первое, N 13752, с.548.
92. Спасский-Автономов К. Баку, с.305.
93. АКАК, т.IX, док. N 33, с.33.

94. Колониальная политика..., чI, док. N 28, с.385.
95. ПСЗ-II, СПб, 1844, т.18, отд. первое, N 17061, с.487.
96. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи (Фон-Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 г. СПб., 1899), репринтное воспроизведение, с.ХХIII, 8.
97. ПСЗ-II, т.18. отд. первое, N 17061, с.488.
98. См.: ПСЗ-II, т18, отд. второе, к N 17061, л.27; Гербы городов... с.8.
99. Гербы городов..., с.46.
100. Там же, с.ХVII.
101. Там же, с.6.
102. ПСЗ-II, СПб., 1847, т.21, отд. второе, N 20701, с.647.
103. Там же, N 20430, с.293.
104. Там же, N 20721, с.694.
105. ГИА АР, ф.36, опI, ед.хр.12, л.161.
106. ПСЗ-II, т.21, отд. второе, N 20721, с.694.
107. Там же, отд. третье, к N 20721, с.288; ГИА АР, ф.36, опI, ед.хр.12, лл.164-165об.
108. ГИА АР, ф.36, опI, ед.хр.12. лл.163-163об.
109. Иваненко В.Н. Гражданское управление..., с.323.
110. Там же, с.311.
111. См.: ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, л.8об; Колониальная политика..., чI, док. N 32, с.396; ОРВЗК, чIV, с.46; Березин И. Путешествие..., с.40; Спасский-Автономов К. Баку, с.308.
112. Спасский-Автономов К. Баку, с.305.
113. Мурадалиева Э.Б. Города Северного Азербайджана во второй половине XIX века. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Баку, 1991, с.39-40.
114. АКАК, т.ХII, док. N 326, с.391.
115. Там же, док. N 327, с.391-392.
116. НАИИ, инв. N 787, л.13.
117. АКАК, т.ХII, док. N 330, с.397.
118. Там же, док. N 327, с.391.
119. Там же, док. N 332, с.397.
120. ПСЗ-II, СПб., 1861, т.34, отд. второе, N 35191, с.313.
121. АКАК, т. III, док. N 642, с.348.
122. Там же, тIX, док. N 214, с.189.
123. Там же, тIII, док. N 644, с.349,
124. Там же, док. N 1184, с.703.
125. Там же, док. N 663, с. 355-356.
126. Там же, т IV, док. N 99, с.88.
- 127 Там же, т. III, док. N 663, См. также: Там же, док. N 651, с.352.

128. Там же, док. N 650, с.351.
129. Бакинская таможня была учреждена 25 января 1807 г. и начала «функционировать 6 августа 1809 г., с подчинением Астраханскому таможенному округу. С 1 сентября 1831 г. - в ведении Закавказского таможенного округа, 4 мая 1847 г. соединена с карантинной частью и преобразована в Бакинское карантинно-таможенное правление. - См.: ПСЗ-I, СПб., 1830, т.29, N 22434, с.991; АКАК, тIV, док. N 97, с.84-86; ГИА АР, ф.202, опI, ед.хр.95, л. 12; ПСЗ-II, СПб., 1848, т.22, отд. первое, N 21169, с.400-406.
130. АКАК, тIV, док. N 37, с.42.
131. Там же, тIX, док. N 520, с.611.
132. Там же, Т-IV док- N 29, с-29.
- 133 Там же, с.28.
134. Там же, док. N 37, с.40,42-43.
135. Там же, док. N 29.
136. Там же, т.V, док. N 327, с.265.
137. Там же, тIV, док. N 37, с.43.
138. Там же, т.V, док. N 327, с.266.
139. ГИА АР, ф.32, опI, ед.хр.29, л.1; АКАК, тIX, док.N 33. с.30.
140. Колониальная политика...чI, док. N 21, с.251.
141. Там же, с.257.
142. Там же, с.251. См. также: ОРВЗК, чIV, с.391-392.
143. См.: ГИА АР, ф.10, опI, ед.хр.58, л.46об, ед.хр.59, л.36об, ед.хр.60, л.32об.
144. Там же, ед.хр.60, л.33.
145. Там же, ед.хр.64, л.34об.
146. АКАК, тIX, док. N 520, с.610.
147. ГИА АР, ф10, опI, сд.хр.89, л.34об.
148. АКАК, т.V, док. N 204, с. 139.
149. Там же, док. N 13, с.7-8.
150. ОРВЗК, чIV, с.399.
151. АКАК, т.VI, ч.2, док. N 1123, с.762.
152. Там же, тIX, док. N 520, с.611.
153. . ГИА АР, ф30, опI, ед.хр.16, л.78об.
154. Там же, ф-29, опI, ед.хр.143, лл.5-6.
155. Там же, ф.202, оп.I, ед.хр.70, лл.456-456об.
156. АКАК, т.V, док. N 13, с.7.
157. См.: ГИА АР, ф.24, оп.I, ед.хр.304, лл.22-23об, 60,63, 93-9 104-104об.
158. Спасский-Автономов К. Баку, с.305.
159. ГИА АР, ф.30, оп.I, ед.хр.16, лл.74об-80об.
160. ПСЗ-II, СПб., 1835, т. IX, отд. второе, N 7538, с. 156-160.
161. АКАК, т. VIII, док. N 40, с.64.
162. ГИА АР, ф.29, оп.I, ед.хр.116, л.33об.: АКАК, т.X., Отчет кн. М.С. Воронцова за 1849-1851 гг., с.892.

163. АКАК, т. IX, док. N 524, с.620.
164. ГИА АР, ф.202, оп.І, ед.хр.250, лл.1-3.
165. АКАК, Тифлис, 1888, т.ХІ, док. N 716, с.664.
166. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.87, лл.51об-52.
167. АКАК, т. V, док. N 204, с. 139.
168. Спасский-Автономов К. Баку, с.306.
169. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.87, лл.50об.,52об.-55об.
170. Там же, ф.24, оп.І, ед.хр. 328, лл.238об-240об.
171. АКАК, т. V. док. N 204, с. 139.
172. ГИА АР, ф.24, оп.І, ед.хр.304, лл.22-23об.
173. АКАК, т. VI, ч.2, док. N 1132, с.766.
174. ГИА АР, ф.30, оп.І, ед.хр.16, лл.75-78.
175. Там же, ф.45, оп.2, ед.хр.39, лл.91,146. сд.хр.42а. лл.18-18об.
176. Там же, ф.31, оп.І, ед.хр.21, т.2, лл.108,139.
177. Там же, лл.220, 241.
178. Там же, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, л.35об.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

В структуру экономики города Баку в рассматриваемый период входили: различные виды хозяйственной деятельности, отдаваемые в откупное содержание или же находившиеся в казенном управлении; отрасли ремесленного и сельскохозяйственного производства; местный и внешний товарообороты.

Прежде чем перейти к рассмотрению вышеуказанных разделов экономики города, остановимся на вопросе существования в ремесленном производстве цеховых организаций. В исторической литературе однозначного ответа по этому поводу не имеется. Так, например, азербайджанский ученый В.Левиатов в своем труде по истории Азербайджана XVIII в. писал: “Нам почти ничего неизвестно об объединениях ремесленников в городах Азербайджана, хотя они существовали, но это были слабые организации, не имевшие сколько-нибудь значительного влияния на жизнь страны”, так как, по его мнению, при общем населении города 3-8 тыс.чел. количество ремесленного населения в нем “было весьма незначительным”¹. Другой отечественный исследователь Ф.Алиев в своем сочинении, посвященном истории городов Северного Азербайджана во второй половине XVIII в., отмечал существование в них в этот период ремесленных цехов². Имеются также материалы по цеховому устройству и кустарным производствам г.Нухи (Шеки) в начале XIX в., собранные любителем старины из Шеки в 1930-х гг³. Д.Исмаил-заде, также касаясь этого вопроса в своем исследовании по истории городов Закавказья в XIX-начале X вв., оговаривала, что относительно городов Северного Азербайджана “до сих пор” (работа издана в 1991 г. - Ф.Т) считается неустановленным “само существование” здесь ремесленных организаций⁴. В фундаментальном труде азербайджанского ученого А.Сумбатзаде по истории промышленности Азербайджана в XIX в. не затрагивается этот момент⁵. Сведения на этот счет отсутствуют и в соответствующих разделах трехтомного сочинения Гория Азербайджана⁶. Интересующий нас факт не нашел отражения и в одной из новейших исследовательских работ, в которой специально рассматривалось положение ремесла в Северном Азербайджане в первой половине XIX в.⁷ Грузинский исследователь П.Гугушвили отмечал существование цехового ремесла в XIX в. среди прочих городов Закавказья и в Баку⁸. Дореволюционный автор С.Егиазаров, которому принадлежит первое специальное исследование о цеховой структуре в Закавказье также признавал наличие цехов - “амкарств” в городах Азербайджана и в том числе в Баку, отмечая при этом, что данные относительно их существования в этих городах относятся к “текущему столетию”⁹, т.е. к XIX в., учитывая год издания работы Егиазарова. Принимая за основу версию существования цехов, следует заметить, что авторы, писавшие о наличии цеховой структуры в городах Северного Азербайджана, не приводили каких-либо доказательств в

подтверждение своих выводов в отношении Баку, при этом некоторые из них, как, например, Левиатов, ссылались на того же Егиазарова. Левиатов, как уже было сказано выше, давал оценку возможностям цеховых организаций в отношении влияния их на общественную жизнь, опираясь на количественные данные ремесленного населения среди жителей города, и, иллюстрируя это уже использовавшейся нами ранее ведомостью о народонаселении Баку 1810 г.¹⁰. Однако соотношение удельного веса ремесленников (считая по количеству домов, т.е. - главам семейств) к другим категориям горожан по этой ведомости было выше, уступая лишь общему количеству купцов и мелких торговцев¹¹. Это означает, что при уяснении вопроса о наличии в Баку цеховых организаций количественные показатели ремесленного населения города за тот же 1810 г. не являются свидетельством того, что они не имели “сколь угодно значительного влияния” на городскую жизнь.

Впервые после завоевания Баку Россией свидетельство об отсутствии разделения жителей города на цехи встречается в рапорте бакинского коменданта Репина командовавшему на Кавказе маркизу Паулуччи от 14 ноября 1811 г. Здесь же имеется интересное примечание коменданта о том, что к этому самому делению (речь шла также и о гильдиях- Ф.Т.) приступать еще нельзя¹², что, думается, объяснялось “новоприобретенностью” края и имело под собой экономические и политические причины. Рассмотрение же материалов камерального описания Баку 1832 г. выявило некоторые факты, которые косвенным образом могли бы являться доказательством существования организаций ремесленников и лиц других профессий в Баку в рассматриваемый период. Так, в данном описании встречаются замечания о том, что у судовщиков и у каменщиков города были свои главы: у первых он шел как “заведывающий всеми судовщиками”, а у последних - “старший над всеми каменщиками”. В связи с своим положением эти старшины не платили промыслового налога, что означает о признании их в этом качестве местной царской администрацией. Тем не менее в последующих камеральных описаниях Баку за исследуемое время подобного рода дефиниции уже не встречаются. Как же можно охарактеризовать эти объединения судовщиков и каменщиков, встречающиеся в описании 1832 г.? На наш взгляд, делать какие-либо окончательные выводы в пользу той или иной версии не дает возможности опять-таки малочисленность и отрывочность используемых нами сведений, являющихся однако пока единственными по настоящее время, и, привносящих, по нашему мнению, некоторую ясность в историю этой проблемы. У нас нет основания ставить под сомнение доклад бакинскому коменданту об отсутствии в Баку цеховых организаций, тем более по прошествии нескольких лет после завоевания города, когда царская администрация была уже близко знакома с различными сторонами городской жизни. В то же время вышеуказанные примечания про глав у судовщиков и каменщиков города ясно свидетельствует о наличии в Баку в изучаемое время

отдельных элементов цехового строя. Экстраполяция явления, отмеченного в описании 1832 г., на весь рассматриваемый период возможна, если учитывать то, что, как уже отмечалось, местная администрация была заинтересована в увеличении числа налогоплательщиков, что и отражалось в материалах переписей, хотя и не исключается факт роспуска этих объединений по тем или иным причинам ко времени проведения описаний 1849 и 1860 гг. Учитывая вышесказанное, предположительно можно заключить: в Баку в определенный отрезок времени, а может быть и на всем протяжении описываемого периода, существовали объединения судовщиков и каменщиков, вероятно, связанные со спецификой их работы (в случае с первыми, сам характер Баку как портового города служил этому, а причиной могла явиться защита общности интересов в осуществлении перевозок по Каспийскому морю¹³), но это были, на наш взгляд, скорее своего рода артели, чем цехи с внутренней регламентацией. В данном случае подходит выражение Левиатова о слабости этих организаций, однако не из-за количественного состава их, а по самому устройству этих организаций, что также могло послужить причиной их возможного распада. Нижеследующая таблица 6, в которую нами включены виды ремесленной, сельскохозяйственной и транспортной деятельности жителей Баку, фиксирует следующие параметры: 1) количество профессий в городе; 2) численность людей, занятых в том или ином промысле; 3) территориальное размещение их. Данные были получены путем скрупулезного анализа материалов камеральных описаний 1832, 1849, 1860 годов города Баку, показывающие тенденции, имевшие место в данных отраслях в исследуемый период.

Таблица 6

Отрасли экономической деятельности (ремесло, сельское хозяйство и транспорт) в Баку и количество горожан, занятых в них в 1832-1860 гг.

Название профессии	Численность					
	1832 г. г.Баку креп. форш.		1849 г. г.Баку креп. форш.		1860 г. г.Баку креп. форш.	
Аробные мастера	-	-	4	-	3	2
Аробщики	-	-	3	2	63	21
Башмачники	33	4	44	4	51	7
Башмачные мастера (починка башмаков)	1	-	2	-	2	4
Белильщики	-	-	8	-	-	-
Войлочники	-	-	-	-	1	-
Дрожечники	-	-	-	-	4	-
Земледельцы	-	-	2	-	-	-
Каменоломы	-	-	-	-	11	3
Каменотесы	-	-	-	-	14	5
Каменщики	7	3	11	13	33	11

Красильщики	-	1	5	1	10	2
Колесники	-	-	-	1	-	-
Кузнецы	11	1	18	2	29	3
Лудильщики	1	6	2	6	5	6
Маляры	1	-	-	-	-	-
Мельники	18	-	18	1	20	-
Набойщики	1	-	-	-	-	-
Овцеводы	3	-	-	-	-	-
Извозчики	17	18	16	15	1	4
Пекарники	-	-	3	4	-	2
Плотники	27	-	19	1	50	9
Подковщики	-	-	7	1	10	2
Портные	12	-	15	-	14	-
Поршники	-	-	1	-	-	1
Починкой посуд	-	-	-	-	-	2
Резники	-	3	9	12	7	10
Рыболовы	2	1	1	-	2	-
Садоводы	-	-	2	-	10	-
Сапожники	-	-	3	1	4	1
Свечники	1	-	3	-	1	-
Серебряки	8	-	16	-	17	1
Ситники	1	-	1	1	1	2
Слесари	11	3	24	3	27	3
Стекольщики	-	-	-	-	2	-
Стекольщики	-	-	-	-	2	-
Судовщики	48	4	50	8	69	4
Тесемщики	3	-	-	-	10	-
Ткачи	21	35	26	12	17	1
Трубочники	-	-	-	-	6	-
Хлебопашцы	31	5	76	37	114	37
Хлебопеки	-	-	-	-	2	-
Хлебники	-	-	-	-	9	-
Хомутники (шитье хомутов)	-	-	-	-	2	-
Часовщики	1	-	-	-	-	-
Чурчники	9	-	-	-	1	5
Шапочники	17	1	26	7	49	15
Шерстебиты	6	3	-	-	3	4
Шнурочники	-	-	1	-	5	-
Шорники	-	-	3	1	1	1
Штукатуры	4	-	6	-	5	1
Эмальных дел мастера	-	-	-	-	4	-
Остальные	-	-	12	-	1	-
Всего	295	88	437	133	690	171
Итого		383		570		861

Подсчет сделан на основе данных: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.370. лл.1-184; ф.10, оп I, ед.хр.24, лл.1-258об; ед.хр.80, лл.1-610.

Как видно из этой таблицы, общее число всех видов экономической деятельности, имевшихся в Баку в изучаемый период (без торговли и сектора наемного труда), составляло около 60 (с учетом графы “остальные” - в эту графу нами были включены представители тех профессий, сущность занятий которых невозможно было установить для включения их в какую-либо подгруппу), а общая численность занятых в них горожан простиралась от 380 до 860 человек. Если же взять число ремесленников, т.е. лиц, занимавшихся производственной (в том числе и строительством) деятельностью (отметим, что вопрос выделения данной категории жителей в некоторой степени

запутанно иллюстрируется в исторической литературе¹⁴, в связи с чем приводим свое деление), в которое нами включены: аробщики, башмачники, белильщики, войлочники, дрожечники, каменоломы, каменотесы, каменщики, красильщики, кузнецы, колесники, маляры, мельники, набойщики, пекарники, подковщики, портные, плотники, поршники, резники, сапожники, свечники, серебряки, ситники, слесари, стекольщики, тесемщики, ткачи, трубочники, хлебопеки, хлебники, хомутники чуречники, шапочники, шерстебиты, шкурочники, шорники, штукатуры и эмальных дел мастера, составляло от 245 чел. за 1832 г. (20 профессий) до 595 чел. (35 профессий) в 1860 г. В процентном исчислении это составляло 23,1% от общего количества горожан, занимавшихся тем или иным видом экономической деятельности (сюда входят также торговля и сектор наемного труда, т.е. весь спектр отраслей городской экономики того времени), за 1832 г. (1060 чел.) и 18,8% - от таковых же (3169 чел.) - в 1860 г. Данные же за 1849 г. составляли соответственно - 337 чел., 24 профессии и 20,6% (1635 чел.). Как видим, количество профессий в промежуток времени с 1832 г. по 1849 г. оставалось почти на одном уровне, хотя в описании 1849 г. и появляются новые специальности, не отмеченные по 1832 г. Уменьшению удельного веса лиц ремесленных занятий (на фоне увеличения числа профессий и абсолютного количества), наблюдаемое по описанию 1860 г., будет дано объяснение после, когда будет рассматриваться общая ситуация, сложившаяся в экономике Баку в исследуемый период. Нужно заметить, что подсчет данной категории жителей города (это относится также и к лицам, занятым в остальных отраслях городской экономики) по переписи 1860 г. велся уже не по главам семейств, по которым указывался вид занятия, как это было в предыдущих описаниях, где был заложен именно этот принцип (лишь изредка в описании 1849 г. приводились занятия других членов семьи), а по всем членам семьи, по которым имелись сведения относительно их деятельности.

Представляется необходимым также выделение лиц, занимавшихся ремонтом тех или иных изделий: аробных мастеров; башмачных мастеров; часовщиков (часовых мастеров); лудильщиков; лиц, занимавшихся починкой посуды. В 1832 и 1860 гг. они составляли 0,8% от численности жителей Баку, занятых экономической деятельностью, а в 1849 г. - 0,9% - от таковых же. Возрастание числа лудильщиков было связано с ростом населения и естественно увеличившимся использованием медных изделий (они были в большом употреблении в исследуемое время во всем крае¹⁵) в быту. Следует заметить, что Баку, как и все Закавказье, снабжали медной посудой жители селения Лагич¹⁶, славящиеся на весь край своими мастерами по изготовлению медных изделий (в архивных материалах, относящихся к концу изучаемого периода, есть сведения о жителе этого селения, который занимал в Баку лавку¹⁷).

Рассмотрим территориальное размещение и национальный состав ремесленников Баку. Из таблицы 6 видно, что ремесленники Баку, в основном, концентрировались в крепости, что проявляется в превышении абсолютного количества ремесленников крепости над таковыми же форштадта. Однако удельный вес ремесленников форштадта превышал этот показатель у людей, занимавшихся ремеслом в крепости.

Относительно расселения ремесленников и их промысловой деятельности в крепости можно сказать, что горожане, занимавшиеся тем или иным промыслом, селились или трудились в отдельных мехелле (кварталах) крепости или, если брать укрупненно, частях этой крепости, или же занимали под ремесленную деятельность лавки на центральном базаре. Люди, посещавшие Баку в интересующий нас период, отмечали факт концентрации ремесленников на базаре¹⁸. Как писал Егиазаров, при таком случае ремесленные люди могли рассчитывать на сбыт своей продукции, к тому же облегчался административный надзор со стороны местной администрации, в том числе и в фискальных целях¹⁹. Сарабский, описывая старый Баку, отмечал, что на Нижнем базаре, находившемся рядом с Джума-мечетью, из ремесленников трудились, к примеру, портные и шапочники²⁰. Таким образом, можно утверждать о характерности по рассматриваемому периоду для ремесленной деятельности в крепости, в основном, принципа размещения лавок на центральном торговом месте города. В одном из описаний Баку начала 40-х гг. говорится, что из 704 лавок в крепости и на форштадте под ремесленные было отведено 76, а под мастерские - 110 лавок²¹, т.е. 26,5% всех лавок Баку. Эти данные нужно относить к обоим вышеуказанным видам размещения ремесленной деятельности. Обратив внимание на таблицу 1 во второй главе монографии, заметим, что к началу 50-х гг. происходит уменьшение числа лавок в городе, происходившее, как уже указывалось при объяснении табл. 1, в результате различий в методике подсчета в источниках, из-за сложения или вычитания лавок, находившихся в караван-сараях. В связи с этим надо сказать, что приводившийся выше источник по началу 40-х гг. XIX в. в общее количество лавок по городу (704) включил и лавки караван-сарая, что при сопоставлении подтверждается данными из других источников, использованных при составлении табл. 1.

Определенное воздействие на внутригородское размещение ремесленников оказало предписание командовавшего на Кавказе ген.Ермолова военно-окружному начальнику в Дагестане ген.-м. фон Краббе от 15 ноября 1826 г. (после окончания бакинского восстания того же года, но в условиях продолжавшейся второй русско-иранской войны), в котором он “допускал” жительство ремесленников в крепости, но с исключением для медников и кузнецов, которым предписывалось жить “не иначе как на форштадте”. На форштадте должны были находиться “непрерменно” также красильщики, кожевники и “все вообще занимающиеся изделием, от коего

может повреждаться воздух в стесненном городе или происходить неопрятность”. Далее говорилось, что “до сего находилось в крепости множество людей, никаким торгом, ни ремеслом не занимающихся и даже хлебопашцев”. В связи с чем требовалось “таковых” выслать в селения и “не терпеть их праздности”²². Как видно из текста предписания, все это делалось “для безопасности крепости на будущее время”²³, хотя и прикрывалось благими намерениями. Это усматривается также из запрета на проживание в крепости медников (вероятно, под медниками Ермолов усмотрел лудильщиков во время своего пребывания в Баку) и кузнецов, т.е. тех, кто мог заниматься изготовлением оружия. Как видно из табл.6 (по камеральным описаниям, произведенным по времени после вышеуказанного предписания), лудильщики селились, в подавляющем большинстве, на форштадте. Повлияло ли на это решение Ермолова, сказать трудно, так как в переписи 1816 г. разряды и категории жителей даются обобщенно. Лишь по переписи 1860 г. число лудильщиков крепости и форштадта почти уравнивается. Справедливости ради нужно заметить, что мнение о выселении красильщиков, кожевников и других представителей “вредных” отраслей было основано на соблюдении санитарно-гигиенических норм, приобретающих в условиях скученности застроек крепости особое значение. Проведение в жизнь данной меры могло также повлиять на развитие форштадта в будущем в промышленном отношении. В исторической литературе нашло отражение подобное расселение в закавказских городах исследуемого периода представителей вышеописанных и некоторых других видов хозяйственной деятельности²⁴. Так, устройство гессаб-ханы (бойни) производилось вне городской черты. Как видно из табл.6, бакинские резники в изучаемое время селились, в основном, на форштадте, обуславливавшееся также наличием здесь рва - Нахыр булагы - в который стекала дождевая вода, а также остатки воды из бань²⁵. По переписи 1860 г. шел также глава семейства, живший на форштадте, и, являвшийся откупщиком городской статьи убоя скота (он не включен нами в число резников из-за не указания профессии и исполнения обязанностей сборщика податей). Замысел Ермолова в отношении кузнецов и красильщиков не удалось по каким-то причинам привести в исполнение. Только по красильщикам за 1832 г. приводится их количество по форштадту. В последующих переписях ситуация с размещением красильщиков резко меняется в пользу крепости. Число кузнецов за это же время свидетельствует о неизменности их расселения на территории крепости. То же самое нужно сказать и о хлебопашцах, упоминавшихся в предписании. Таким образом, в целом начинание Ермолова не получило своего дальнейшего развития. Заслуживает внимания тот факт, что в целом по всей России предпринимались подобные шаги, о которых, по всей вероятности, был в курсе и Ермолов. Тринадцатого апреля 1826 г. последовало постановление Комитета министров страны о переносе в течение

10 лет вредных для здоровья горожан промышленных заведений из городов вниз по течению рек²⁶. Советский историк П.Рындзюнский, находя в этом определенное рациональное зерно, относил появление этого документа к борьбе дворянского правительства России против концентрации промышленности в российских городах, начавшейся еще в конце XVIII в., желавшего сохранить патриархальный уклад в городах²⁷. Другой советский историк М.Рожкова писала, что действия и мнения Ермолова в экономической сфере на Кавказе отражали “главным образом” точку зрения противников промышленного пути развития России²⁸. Правда, Рожкова отмечала это по другому поводу, но, учитывая тенденцию, это дает нам возможность внести некоторую ясность в мотивировку действий Ермолова в попытках переустройства территориального деления экономики Баку (кроме вышеприведенных возможных объяснений из исторической литературы не усматривается достаточных фактов в целом по Закавказью, хотя и имеются сведения, например, по городу Тифлису о “некоторой перегруппировке” в 1819 г., т.е. в период командования на Кавказе Ермолова, “скупченных в одном месте красилен, кожевенных и мыловаренных мастерских, мясных и рыбных лавок, хашевен, кузниц и пр.”, но опять-таки с мотивацией - “с целью соблюдения санитарно-гигиенических условий”²⁹) и отметить подверженность главнокомандующего определенной ориентации, сходной с общероссийскими, в своих начинаниях по данному кругу вопросов.

По национальному составу представителей городской - экономики за изучаемое время красной нитью вывод, уже высказывавшийся на страницах данного исследования, а именно, о ярком выражении Баку как азербайджанского города. Представители других национальностей занимали в этнопрофессиональной структуре Баку соответствующее их удельному весу в этническом составе города место. Данные административно-полицейского учета позволяют определить соотношение численности ремесленников коренного, азербайджанского, населения и этнических групп, проживавших в Баку, почти сразу после включения города в состав Российской империи. Так, в 1810 г. инонациональный элемент составлял 4,4% от общего количества ремесленников Баку. Это были армяне (3,3%) и показанные в отчете бакинского коменданта как иудеи - 1,1%³⁰. Заметим, что подсчет велся по количеству указываемых домов для той или иной категории горожан, уравниваемое нами количеству семейств, что соответствует исчислению профессий по главам семейств по камеральным описаниям 1832 и 1849 гг. По переписи 1816 г., которая, к сожалению, не позволяет нам показать в разрезе отдельно по отраслям этнопрофессиональную картину того времени, количество иноэтнического элемента (в данном качестве шли только армяне) идет в сторону понижения (здесь тоже подсчет велся на основе указываемых семейств, т.е. по их главам)³¹. По камеральным описаниям, проведенным в последующие годы, также наблюдается тенденция к понижению. По переписи

1860 года относительное количество армянских ремесленников (подсчет профессий производился по составленной выше градации) составляло 2,7% всех ремесленников города. Лишь в 1849 году усматривается небольшой подъем -4,5% - по сравнению с 1832 годом, когда удельный вес армянских ремесленников находился на отметке 2,5%. Если же взять все виды деятельности, показанные в таблице 6, то получится такая картина: 1,8% за 1832 год, 3% за 1849 год и 2,8% за 1860 год. Как видим, даже при таком раскладе, в основном, сохраняется выше-отмеченное положение.

Другой инациональной группой, появляющейся в материалах описания 1849 года, являются “персидско подданные имеющие бедную жизнь в г.Баке”, которые, вероятно, были азербайджанцами из Иранского (Южного) Азербайджана, однако для не допущения путаницы, берущихся нами в отдельности, так как отсутствовали параметры, по которым можно было бы определить географию расселения этих лиц в Иране. Из них 4 человека (главы семейств) были ремесленниками, то есть составляли 1,2% всех ремесленников города, а 5 человек - представителями транспортной отрасли - судовщиками. Здесь при подсчете в некоторых семействах учитывались не только главы, но и члены, имевшие какую-либо профессию. Интересно, что в данной категории “персидско подданные” шел ремесленник - “пекарных дел мастер” - русской национальности, который, естественно, берется нами отдельно. Вкупе они составляли 10 человек, учитывая занятия, отраженные в таблице 6. Такой же “иногосударственный”, так как это были выходцы из Южного Азербайджана, но не разделимый по национальному составу с азербайджанцами-жителями Баку, элемент имеется и в описании 1832 года. Они шли в графе “прибывшие из разных мест и проживающие здесь без всяких на то видов”, хотя нужно заметить, что в данную графу были включены также азербайджанцы из других регионов Северного Азербайджана, т.е. подданные России. Из 7 человек, которые занимались ткачеством, пятеро являлись прибывшими из таких городов Южного Азербайджана, как Тебриз и Хой. Удельный вес их по этому описанию составлял 2,9% от всех ремесленников-жителей Баку. Если же брать соотношение между бакинскими ремесленниками-азербайджанцами и таковыми же выходцами по ту сторону границы, то относительное количество “иностранцев” остается почти на том же уровне - 3%, что позволяет нам сделать вывод о развитии ремесла в изучаемое время за счет местных (имеется в виду территориальный аспект) производителей. Примечательно, что уже в первой половине XIX в. Баку привлекал выходцев из Южного Азербайджана, занимавшихся здесь определенными видами профессиональной деятельности, в том числе и ремесленным производством (являвшиеся, вероятно, их промыслом в тех местах, уроженцами которых они были), а не пополнявших наемный люд города.

Данными о количественном составе хозяйства того или иного ремесленника Баку з исследуемое время мы не располагаем из-за отсутствия

таковых в источниках того времени. Лишь в камеральных описаниях Баку, и то преимущественно по переписи 1860 г., а также изредка по описанию 1849 г., усматриваются факты, которые могут свидетельствовать о размерах производства лишь того или иного ремесленника, беря при этом его численные показатели. Таковыми являются отдельно взятые данные, из которых видно, что определенным промыслом занималась вся семья (имеются в виду мужчины) или же какие-либо ее члены. В «Истории Азербайджана» по поводу количественного состава ремесленных производств за исследуемое время говорится, что в ремесленных мастерских в городах трудилось от 1-2 до-10-12 работников³². Егиазаров считал преобладающим тот тип хозяйства, в котором для ведения его требовал участия и труда 2 работников - одного мастера и одного подмастерья или же одного мастера и одного ученика. Он относил это к среднему типу развития хозяйства³³. В нашем случае это можно применить к ситуации, зафиксированной описанием 1860 г., т.е. к концу рассматриваемого периода, проблемки которого моментами начали уже появляться в переписи 1849 г. и обозначить этот процесс, т.е. определенное расширение хозяйства без применения наемного труда, которое, в свою очередь, было связано с ростом потребительского спроса, 50-ми гг. XIX века. Хотя, бывало, что, судя по переписи 1860 г., численность того или иного ремесленного заведения составляла более двух человек и доходила, иногда, даже до 5 человек (во всех случаях имеются в виду члены семьи). Наряду с главными типами хозяйства, куда входил и средний, Егиазаров отмечал существование и такого хозяйства, которое поддерживалось трудом одного производителя, который, по его мнению, по какой-либо причине был поставлен «в невозможность расширять свое хозяйство до средняго типа» и находил «для себя выгодным работать в одиночку»³⁴. Наконец, по тому же Егиазарову, были отрасли ремесленного производства, в которых принимали «деятельное» участие и женщины: жены помогали мужьям, а дочери - отцам. Сюда он относил прядильное, ткацкое и некоторые другие ремесла³⁵. Принимая во внимание вышеизложенные взгляды Егиазарова на данную проблему, можно применить их относительно к камеральным описаниям 1832 и 1849 гг., в которых запечатлелся статус-кво в ремесленном хозяйстве Баку охватываемого данными переписями времени. Понимая приблизительность подобного механического переложения, тем более, что в нашем случае речь идет не о наемном характере труда, и, понимая, что подобные определения применимы лишь к нему, желали лишь представить себе численный уровень занятости в хозяйстве отдельно взятого ремесленника, в связи с чем и были использованы типы хозяйств по Егиазарову. Придерживаясь модели наемного характера ведения хозяйства, вышеуказанные количественные составы ремесленных хозяйств Баку за изучаемое время, конечно же, квалифицируются как одиночный тип деятельности.

Обратимся на основе табл. 6 непосредственно к рассмотрению состояния городской экономики в рассматриваемый период.

Как усматривается из табл.6, среди профессий бакинских жителей указаны хлебопашцы и земледельцы, в связи с чем попытаемся осветить в целом состояние отраслей экономики города, в которых были заняты представители этих профессий. Как отмечал Рындзюнский, говоря об основных факторах горообразование в России, сельское хозяйство (под этим он имел в виду огородничество, садоводство и хлебопашество) в городских условиях становилось разновидностью промыслов³⁶. По его мнению, помимо сообщений о торговом характере земледелия в том или ином регионе, об этом, т.е. о его товарности, свидетельствуют также его размеры или, иначе, сколько площади засевалось³⁷. Как писал другой автор М.Булгаков, продукция сельскохозяйственных промыслов горожан почти постоянно оставалась в рамках личного потребления, но с процессом общественного разделения труда и увеличением численности населения появляется спрос на продукты некоторых сельскохозяйственных промыслов, культивируемых горожанами³⁸. Имея в виду огородничество, он приводил причины, при которых данный промысел превращался постепенно из сугубо одсобного промысла в мелкотоварное предприятие - постоянный спрос и близость рынка сбыта. Стабильный же спрос, по мнению Булгакова, поддерживался (в данном случае он имел в виду один из посадов феодальной России) контингентом торговых и промысловых людей, прибывавших в город, или транзитных торговцев, а также людей, занятых в сфере обслуживания торговли, транспорта³⁹. Применив суждения и выводы этих авторов относительно Баку, отметим, что мы не располагаем данными о размерах посевов, но в качестве свидетельства используем замечания о состоянии сельского хозяйства из различных по характеру описаний, а также численность людей, занимавшихся сельскохозяйственной деятельностью в тот или иной отрезок времени исследуемого периода. Сразу заметим, что земледельцы, т.е. занятие земледелием, не являлись отличительной особенностью социальной структуры населения городов Азербайджана, как это отмечалось в одном из исследований⁴⁰. Точно также не считал наличие в русских городах пашенных жителей специфически российской чертой советский исследователь Ф.Полянский. Он писал, что “земледелием, а тем более садоводством, виноградарством, огородничеством и скотоводством на протяжении всего средневековья занимались и бюргеры городов Западной Европы”⁴¹. Если же обратиться к регионам, близким по различным факторам к изучаемому нами Баку, в том числе и по статусу города в рассматриваемое время, увидим, что в городах-пограничных крепостях Ирана первой половины XIX в. “занятия сельским хозяйством играло большую роль”⁴². Как усматривается из вышеизложенного, сельскохозяйственные занятия жителей Баку были типичны для своего времени.

В источниках, относящихся к 30-м гг. прошлого столетия, сообщается о плохом довольствии жителей Бакинской провинции хлебом собственного производства. Так, в записке члена кавказской администрации за 1828 г. говорится, что “при лучшем урожае жители довольствуются своим хлебом 4 месяца, а на прочее время года покупают в Кубинской провинции и Тальшинском ханстве”⁴³. В описании каспийской торговли этого же периода читаем: “...в Баку привозится хлеб, особенно из Кубы, Персии и частью из Астрахани: собственного хлеба достаточно только на две трети народонаселения”⁴⁴. Плодородность земли зависела от ее качества и выпадения атмосферных осадков ввиду отсутствия естественных водных источников. Один из современников писал, что в хозяйственном отношении “сильная” утренняя роса заменяла дожди, по примечанию, “весьма редко перепадающие”. При содействии росы хлеб рождался “не только...почти постоянно и вернее на песчаной чем на глинистой земле”, но иногда давал “жатвы изумительные”⁴⁵. Заметим, что в “Обозрении российских владений за Кавказом”, наоборот, говорилось, что земля в северной и северо-западной частях Бакинской провинции, которая глинистого свойства, “весьма способны к посевам, и, при изобилии дождей, чрезвычайно хлебородны”⁴⁶. Так или иначе, несмотря на некоторую противоречивость источников, учитывая сложность выращивания хлебных злаков, имея в виду вышеизложенное, неудивительно, что хлебопашеством было занято малое количество людей и в городе, окрестности которого, как отмечали источники, были каменисты⁴⁷. К подобному выводу приходил и автор описания Бакинского уезда, правда, отмечая это про последующие годы при описании самого уезда⁴⁸. По камеральному описанию 1832 г. крепости принадлежало “земли удобной к хлебопашеству” 42 халвара, а форштадту - “земли удобной” - 25 халваров⁴⁹. В целом, город имел удобной земли на 67 халваров. Пытаясь перевести это в метрическую систему, обратимся к Иваненко, который давал халвар как меру неопределенную и соотносил с дOMETрической русской величиной - десятиной. По его мнению, халвар соответствовал около 6-10 десятинам⁵⁰. Сделав приблизительный подсчет, имея в виду низшую и верхнюю границы величины, определяемые Иваненко, получили от 402 десятин (считая халвар равным 6 дес) до 670 десятин (халвар - 10 дес). При переводе в метрическую систему, считая десятину равной 1,09 га⁵¹ вышло: в первом случае - 438 га, во втором - 730 га. Даже беря в среднем 500 га удобной земли, принадлежавшей городу, и соотнеся его с количеством хлебопашцев по 1832 г., усматривается несоразмерность и то, какие перспективы открывались в земледелии. Кстати, Тузинкевич в своей статье, посвященной переписи 1832 г., писала, что хлебопашество и садоводство представляли “довольно значительную отрасль бакинской экономики” и считала 67 халваров равным “приблизительно 200 гектаров”⁵². Исходя из вышеотмеченных объяснений, определение Тузинкевич о хлебопашестве не отражает действительного положения в этой отрасли в то

время. Возможно, она считала, что под фразой - “земли удобной к хлебопашеству” - нужно понимать засеянность данной территории, но в этом случае, по нашему мнению, об этом в самом описании было бы сказано прямо и конкретно (к примеру, как говорится там же о количестве садов). Сопоставление, сделанное в монографии, на наш взгляд, как раз таки однозначно свидетельствует в целом о незасеянности указываемой территории или о посеве ее относительно малой части, так как в документах за 1826-1827 гг. имеется сведение о наличии пахотных земель, принадлежавших горожанам, “возле форштата”⁵³, правда, трудно утверждать об вхождении их в число, указываемое в описании, которое могло приводиться помимо них. О верности нашего вывода может свидетельствовать и указание в камеральном описании на принадлежность крепости неудобной земли на полтора версты. В архивном документе за начало 40-х гг. имеется запись, свидетельствующая о наличии у горожан хлебопахотных земель и в бакинских селениях⁵⁴. По переписи 1832 г. отмечается также принадлежность жителям крепости 98 шафранных “огородов” и 325 виноградных садов. Сады находились в бакинских селениях Маштаги, Нардаран, Бильгя, Мардакан, Бузовна, Кюрдахан, Пиршаги, Новханы и Бюльбюли. Более 85% всех садов жителей крепости было сосредоточено в Пиршагах, Кюрдаханах, Мардаканах и Маштагах. Жителям форштадта принадлежало 25 садов в вышеотмеченных селениях (почти только в Пиршагах и Кюрдаханах), столько же огородов “для арбузов и дыней” и 111 шафранных “огородов”.

Если с местоположением садов и огородов “для арбузов и дыней” все ясно (последние, как уже отмечалось ранее, размещались на восточной стороне форштадта между песчаных бугров - здесь устраивались “на значительной глубине, копани, это - как отмечал Спасский-Автономов - здешние бахчи, где растут огурцы, дыни и арбузы, оне тянутся вдоль всего морскаго берега верст на 10-ть”⁵⁵), то этого нельзя сказать определенно о шафранных садах. В камеральном описании на этот счет не приводится каких-либо указаний, что наводит на мысль о нахождении их на форштадте. В материалах, относящихся к середине 20-х гг., приводятся некоторые сведения, подтверждающие наши выводы. Эйхвальд отмечал, что шафран в Баку разводят “на окрестных горах и в почве”⁵⁶. В документах по делу об имуществе бежавших в Иран в 1826 г. говорится, что шафранные сады городских жителей находились “возле форштата” или “в близи форштата”⁵⁷. В данном случае, под форштадтом подразумевались, вероятно, сами строения. В описании города Баку Спасского-Автонома, относящегося хронологически к началу 50-х гг. XIX в., отсутствуют какие-либо упоминания о шафране. Вероятно, в указанном описании произошла фиксация ситуации, связанная с уменьшением заготовок шафрана и соответственно размеров посевов его в окрестностях Баку или вовсе исчезновением, не считая селений уезда. Вместе с тем нужно заметить, что есть данные об отводе под шафран плантаций в окрестностях города и в

течение еще 40-х гг.⁵⁸. Принимая за основу факт расположенности шафранных садов, относящихся к городу, в указываемое время на форштадте, вышеуказанные причины отсутствия сведений о них в описании Спасского-Автономова явились следствием, вероятно, возросших темпов застраиваемости форштадта после введения в Закавказье гражданского управления, а также, как видно из описания Бакинского уезда, которое можно отнести и к самому Баку, то, что шафран “более всякаго другаго” истощал землю и он “вероятно уступит место марене, которую недавно стали разводить и которая прибыльнее”⁵⁹. Заметим, что в литературе прошлого столетия на этот счет говорилось, имея в виду весь край, что мареноводство росло с каждым годом во время правления краем М.Воронцовым, который, как примечалось, “живо интересовался” и этой отраслью сельского хозяйства и “особенно обильны были урожаи марены 40-х годов, так что в торговле появилось количество ея, превышавшее спрос”⁶⁰. Таким образом, появление марены могло стимулировать прекращение засеваемости шафрана в окрестностях крепости. В документах по имуществу лиц, участвовавших в восстании 1826 г., имеются сведения о принадлежности горожанам в то время шафранных бахчей и в бакинских селениях⁶¹. О роли шафрана в сельскохозяйственной отрасли экономики Баку в исследуемое время достаточно подробно написано в трудах азербайджанских ученых М.Мусаева и А.Сумбатзаде⁶², в связи с чем останавливаться на этом вопросе не видим надобности.

Надо отметить, что занятие садоводством и огородничеством стабильно являлось одним из дополнительных занятий горожан. Так, например, по переписи 1816 г. городским жителям принадлежало 310 фруктовых садов и 280 шафранных огородов. В 1832 г. наблюдается увеличение числа садов и некоторое уменьшение количества шафранных огородов по сравнению с 1816 г., которое объясняется разрушением форштадта в период военных действий 1826 г., также свидетельствующее в пользу располагаемости шафранных огородов города именно на форштадте. Егиазаров объяснял такое состояние относительно слабым развитием ремесла, удовлетворявшем местные потребности, когда оно не могло служить единственным источником пропитания, в связи с чем горожане одновременно занимались сельскохозяйственной деятельностью⁶³. В нашем случае, это относится к разведению шафрана и других культур (кроме хлебных злаков), оставшиеся дополнительным источником существования, не превратятся в силу тех или иных причин в разряд основного промысла, как хлебопашество. Известно также определение Ф.Энгельса, которое он давал ремесленнику-жителю средневекового города: “Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород, но очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т.д.”⁶⁴. Если обратить внимание на материалы переписи 1816 г., позволяющие проследить состояние имущества жителей Баку, то можно увидеть, что в той или иной степени имущество,

имевшее отношение к сельскому хозяйству - сады, огороды, поголовья скота - имели представители почти всех слоев города.

Владение жителями города садами, хлебопахотными землями и т.п. за пределами городской черты наблюдается на протяжении всего изучаемого периода. Так, в рапорте бакинского уездного начальника Дементьева шемахинскому военному губернатору, управлявшему гражданской частью ген.-м. Челябину от 26 ноября 1851 г. говорилось: "...в границах земель почти всех селений (Бакинского уезда - Ф.Т.) есть как сады и хлебопахотные земли так и целые кишлаги, которые принадлежали городским жителям и другим лицам свободного состояния и которыми они владеют с давних времен, одни по купле от сельских жителей, а другия по наследству, документов же на право владения ни у кого из них нет кроме ахундских бумаг которые писались в прежнее время по заведенному у мусульман порядку"⁶⁵. Имея в виду постановление Совета Главного Управления Закавказским краем от 26 октября 1850 г., предусматривавшего, вероятно, отобрание "казенно общественных земель", как усматривается из рапорта уездного главы, так как самим текстом того постановления мы не располагаем, бакинский уездной начальник предлагал, дабы предотвратить, "жалобы и ропот", распространить действие постановления "во всей силе" на "те лишь казенно общественныя земли, которыя отошли в посторонния руки после 1840 года прочия же земли оставить в пользовании настоящих их владельцев с соблюдением условий относительно платежа повинностей за пользование общественными землями"⁶⁶. Не вдаваясь в подробности данного мероприятия, не имея для этого достаточного материала, заметим, что вероятно, оно было связано с введением новых податных окладов в Шемахинской губернии (в том числе и в Бакинском уезде) в это же время⁶⁷. Отталкиваясь от того, что закавказское начальство было заинтересовано в отобрании имущества горожан, в данном случае, в деревнях Бакинского уезда под видом "казенных общественных земель", стараясь, вероятно, таким образом увеличить сумму налогов, платимую поселянами (новые подати не вводились в губернских и уездных городвх⁶⁸), есть основания подразумевать, что в течение почти всего рассматриваемого времени, т.е. до вышеуказанного постановления 1850 г., при раскладке среди городских жителей податей наличие их имущества за пределами Баку не учитывалось. Этим можно объяснить и предложение уездного начальника об оставлении их, "с соблюдением условий относительно платежа повинностей за пользование". Думается, что именно после этого началось взимание платы за пользование землями, что видно из переписки по поводу бюджетов городов Шемахинской губернии на 1853 г.⁶⁹ и росписи о недоборах к 1 июля 1856 г. по г.Баку⁷⁰. Нужно отметить, что правительство, делая акцент на развитие сырьевых ресурсов Закавказья в конце 20-х- в 30-х гг. XIX в⁷¹, проводило различные мероприятия, имевшие целью поощрение развития технических культур в Закавказье. Рожкова относила к ним и постановление

Комитета министров от 1834 г. о распространении на Закавказье Положения 14 сентября 1828 г. о садоводстве в Новороссийской губернии, которым разрешался отвод частным лицам пустой казенной земли в целях разведения растений жарких климатов: сахарного тростника, винограда, индиго, хлопчатой бумаги, оливкового дерева⁷². Данное постановление, думается, сыграло определенную роль в последующем развитии садоводства и среди жителей Баку, отнеся сюда также то, что в связи с ним мог произойти своеобразный бум по отводу “казенных земель”, делая понятным “беспокойство” закавказского начальства, о чем говорилось выше, позднее по этому поводу.

Описания 40-х-50-х гг. прошлого столетия зафиксировали произошедший переход земледелия в товарное состояние. Березин, побывавший в Баку в 1842 г., писал, что земледелие в Бакинской провинции находится в хорошем состоянии и “особенно оно усилилось в последнее время, когда выгоды, доставляемые лебной торговлей, были признаны жителями”⁷³. Далее он говорил о садоводстве, которое ежегодно доставляло жителям до 15000 рублей серебром и огородничество - до 7250 руб.сер.дохода⁷⁴. Не будет являться ошибкой, думается, если суждение ученого о состоянии хлебопашества в то время применить относительно городских пашенных земель. В описании Баку 1854 г. говорится, что в окрестностях его “хотя хлеба здесь роятся не в большом количестве, но их достаточно не только на продовольствие края, но и частью для продажи”. О садоводстве же отмечалось, что им “занимаются многие и, большею частью, с промышленною целию”⁷⁵. Спасский-Автономов в своем описании Баку начала 50-х гг. показывал и местоположение хлебопахотных земель города - он писал, что с северной стороны форштадт ограничивался пашнями полей⁷⁶. Как усматривается из табл.6 растет и число хлебопашцев. Это является показателем того, что в городе сформировалась определенная прослойка жителей (имеются в виду указанные под этой профессией горожане, хотя нельзя исключать плюс в определенных случаях характер дополнительности данного промысла), считавшая своим основным занятием, приносившим ей прибыль (тут нужно присовокупить и то, что вышеотмеченные климатические условия должны были так или иначе воздействовать на получение прибыли, делая ее непостоянной), именно хлебопашество. Условиями такого явления были уже приводившиеся из работ советских исследователей причины, что, как точно была подмечено Березиным, было осознано жителями. В этом сыграло свою роль и то, что царское правительство проявляло заботу в отношении этой отрасли сельского хозяйства. По словам азербайджанского исследователя М.Исмаилова, “забота о нем была вызвана необходимостью обеспечивать провиантом и фуражом дислоцированные в крае русские войска”⁷⁷. Как видно из архивных документов (данные относятся к 40-м гг. XIX в.) в Баку находился один из провиантских магазинов, расположенных в

Закавказье, для заполнения которого ежегодно в уездном суде по ведомости о размерах закупок хлеба проводились торги на поставку продовольствия и фуража на нужды расквартированной в Закавказье армии⁷⁸. Вместе с тем нужно заметить, что удельный вес (имеется в виду основной промысел) занимавшихся земледелием (при подсчете сюда были включены нами и садоводы из табл.6) за 1849 и 1860 годы - соответственно 7,2% и 5,1% - свидетельствует о наметившейся тенденции к концу изучаемого периода отхода жителей Баку от земледельческих занятий, несмотря на рост абсолютного количества и всплеска 1849 г. (тут сыграло свою роль и причисление к городу жителей селения Шихово, занимавшихся хлебопашеством, отчисление которых в последующем не отразилось на абсолютном росте численности хлебопашцев по 1860 г.) по сравнению с 1832 г. (3,7%). Заметим, что проценты за указанные годы выводились от общего количества горожан, занятых экономической деятельностью.

Скотоводство, как становится ясно из различного рода материалов и табл.6 на всем протяжении интересующего нас времени удовлетворяло лишь собственные потребности горожан. Это отмечалось, как в описаниях начала 30-х гг., так и более позднего времени⁷⁹. Хотя данные суждения относились к бакинским деревням, но, думается, то же самое можно сказать и о состоянии скотоводства в самом Баку. Если по переписи 1816 г. в городе имелось 60 верблюдов, 294 лошади, 627 голов рогатого скота, 3191 овца, то в рапорте бакинского уездного начальника управляющему Шемахинской губернией, вице-губернатору Смиттену от 6 сентября 1850 г., представлявшийся в штаб Отдельного Кавказского корпуса как военно-статистическое описание уезда и города, отмечалось наличие у городских жителей 232 лошадей, 50 коров, 87 быков, 37 верблюдов, 160 ослов ("эшаков"), 191 козы и 900 овец⁸⁰. Сравнивая эти показатели, видим, что в конце 40-х-нача-ле 50-х гг. XIX в. происходит уменьшение количества по всем видам имевшегося в городе скота, свидетельствующее лишней раз о подсобном характере разведения скота в Баку в исследуемое время. Верблюды использовались для перевозки товаров в Тифлис и другие места⁸¹. Лошади также перевозили тяжести (в двухколесную арбу впрягалась одна лошадь)⁸² и использовались, как и рогатый скот, для пахотных работ⁸³. Губернское начальство в своем годовичном отчете за 1860 г., т.е. к концу исследуемого периода, говоря о развитии в крае коневодства и коннозаводства, отмечало, что "в числе местных пород лошадей нельзя не упомянуть и лошадей разводимых в Бакинском уезде для упряжи в двух колесных высокия арбы"⁸⁴. Причем в пример, того, что данная отрасль получит свое развитие, приводился факт учреждения в Баку конских скачек с призами от наместника, а также призами, которые "состоятся из подписок охотников". Интересно, что Березин также, рассказывая о состоянии скотоводства в Баку и уезде за 1841 г., писал о продаже лошадей с "частных заводов" в Баку и уезде⁸⁵, свидетельствующее об имевшихся зататках

организации дела по выведению лошадей. Заметное сокращение в середине 50-х гг. по сравнению с серединой 10-х гг. XIX в. происходит в овцеводческом хозяйстве жителей Баку. Объяснялось это отсутствием пастбищных мест, в результате чего стада овец отгонялись на зиму к Сальяну, а на лето в Ширванскую и Кубинскую провинции⁸⁶. Зерезин отмечал, имея в виду поселян-жителей бакинских деревень, что, хотя некоторые крестьяне держали по несколько десятков овец (так было и в Баку - см. перепись 1816 г. -Ф.Т.), этого не было достаточно для продовольствия жителей, а недостаток пополнялся покупкой овец в соседних уездах⁸⁷. Этим же можно объяснить и сокращение количества овец в Баку, тем более, что, как отмечается в документе начала 50-х гг., поселяне привозили их в город на продажу⁸⁸. Горцы Дагестана также привозили в изучаемое время в Баку для продажи продукты скотоводства⁸⁹. Таким образом, в процессе сокращения поголовья овец у жителей Баку в это время играли роль неблагоприятные климатические условия, вследствие чего предпочтение отдавалось привозу данного вида товара. То же самое относится и к количеству рогатого скота, также привозимого в это время в город для сбыта, а имевшееся в наличии число его, думается, вполне удовлетворяло различные надобности горожан, в том числе и при проведении пахотных работ. Снижение количества скота в городе означало одновременно снижение роли отгонного скотоводства в сельскохозяйственных занятиях жителей Баку.

Таким образом, можно констатировать, что в исследуемое время жители Баку сохраняли связь в хозяйственно-экономическом отношении (в том числе, если можно так выразиться, и территориальном, имея в виду располагаемость земельных участков в бакинских деревнях) с близлежащими сельскими районами, в том числе не только с бакинскими селениями, но и соседними административно-территориальными единицами.

В число городских промыслов, исходя из отмеченных выше положений, а также географического положения Баку, нами включено и рыболовство (см.табл.6). В рапорте коменданта Баку ген.-м.Гурьева от 7 марта 1808 г., адресованном кавказскому начальнику Гудовичу, говорилось о рыбной ловле (так называемая “бутийская рыбная ловля около крепости”), которая была предоставлена жителям, “потому что и при хане она не была на откупе по своей неважности”, и отмечалось существование и другой ловли, “называемая пут”, которая отдавалась на откуп⁹⁰) впоследствии она вошла в состав Сальянских рыбных промыслов). “По силе контракта” рыбной ловли по берегам “Бакинского уезда в Каспийском море”, состоявшей в откупном содержании у откупщиков сальянских рыбных промыслов (используемый материал относится к началу 50-х гг.XIX в.), ловля “мелкой рыбы, именно, судока, кутума и другой чешуйчатой”, т.е. рыбы, разрешаемой шариатом к употреблению мусульманами (откупщики занимались уловом лишь белуги⁹¹, не разрешенной к потреблению), была предоставлена жителям селений,

“лежащих на берегах онаго (Бакинского уезда - Ф.Т.)”, но без права продажи, а только для собственного потребления⁹². Проецируя данное право на городских жителей, что естественно, основным промыслом рыболовство являлось лишь только для одного-двух глав семейств на всем протяжении изучаемого времени (см.табл.6). Однако это, конечно, не означает, что ловлей рыбы для личного потребления не занимались и горожане-представители других профессий. Академик Бэр писал: “...мы видели, как ловят рыбу на крючки. Это были в основном бычки, причем по меньшей мере трех видов. Другую рыбу мальчики называли шемая...Несколько мелких сазанов...”⁹³. Бэр, целью экспедиции которого было исследование состояния рыболовства на Каспии, в своем отчете предлагал “на будущее время” (он посетил Баку в середине 50-х гг. - Ф.Т.) возложить на откупщика Сальянских рыбных промыслов снабжать Баку “свежею рыбою по известной таксе”, подобно тому как полагалось ему “снабжать Тифлис солеными продуктами рыболовства”. При этом отмечалось, что “это едва ли бы принесло откупщику значительные денежные убытки, а разве только лишнюю заботу, потому что сбыт в Баку никогда не может быть значительным”⁹⁴. В том же отчете также говорилось: “Ученая экспедиция полагает, что как для армян весьма высоко ценящих рыбную пищу так и для русских жителей Баку большое лишение, что живя у самого морского берега они почти никогда не имеют свежей рыбы”⁹⁵. Подытоживая, отметим, что, несмотря на положение приморского города, рыболовство не играло, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, существенной роли в экономической жизни Баку, оставаясь, вероятно, на уровне подсобного занятия горожан.

Перейдем к рассмотрению состояния ремесленного производства в Баку в исследуемый период.

Как видно из табл.6, в Баку широко было развито и имело вплоть до конца рассматриваемого времени тенденцию к возрастанию производство башмачников (производителей национальной обуви). В переписях 1849 и 1860 гг. появляются сапожники, т.е. идет выделение самостоятельного нового подвида в изготовлении обуви. Спрос на первых поддерживался ростом населения города, что же касается сапожников, то здесь основными пользователями европейского (русского) типа обуви являлись, в основном, чиновники местной царской администрации, военнотружущие бакинского гарнизона и т.п. Не исключено, что сапожники занимались также починкой этого рода обуви. Заметим, что в состав инженерных команд крепостей, в том числе и Баку, входило и определенное количество мастеровых (в том числе и сапожники), численность которых зависела от того или иного статуса крепости⁹⁶. Факт появления изготовителей этого вида обуви среди местных жителей свидетельствует также об осознании прибыльности данного промысла в связи в ростом пользователей, тем более, что, как отмечал Егиазаров, в это время само башмачное производство относилось к разряду

“более доходных”⁹⁷, по уже объясненным нами выше причинам. К тому же кавказская администрация с начала 40-х гг. XIX в. стала прибегать к мерам поощрения местных жителей, чтобы они обучались, как говорится у Гугушвили, у приезжих мастеров новым ремеслам (сюда входило и сапожничество - Ф.Т.)⁹⁸. В нашем случае, обучение новым ремеслам жителей Баку могло происходить через мастеровых гарнизона.

Следующей группой ремесленников в области кожевенного производства и изготовления головных уборов и обуви являются шапочники. Этот вид ремесла, как это отображено в табл.6, находился, судя по количеству людей, занятых в этой отрасли, в расцвете. Особенно заметен прирост, произошедший в период между переписями 1849 и 1860 гг. Отсутствие за исследуемый период среди жителей Баку кожевников дает основание сделать вывод о неместном характере используемого в этой отрасли материала - обработанной кожи - , что может свидетельствовать, кроме прочего, о связи этой отрасли городской экономики с экономической структурой Бакинского уезда. Имеются также сведения об отправлении в интересующее нас время выделанных кож из Ширвана и Дербента в Баку⁹⁹.

Рассмотрим состояние производства одежды и предметов домашнего обихода за изучаемый период. Таблица 6 дает наглядное представление о состоянии портняжного дела в Баку на всем протяжении исследуемого времени. Численность портных держалась, в основном, стабильно, не быв подвержена резким колебаниям в ту или иную сторону. Сумбатзаде, рассматривавший портняжное дело на всем протяжении XIX в., связывал это с численностью населения Баку: рост капиталистического Баку вызвал и увеличение числа портных в 70-е гг. XIX в.¹⁰⁰. Однако и для первой половины того века не соответствует соотношение количества портных и численности населения города. На наш взгляд, такое положение было связано с наличием домашней промышленности в портняжном деле Баку. Гугушвили приводил отрывок из описания бывшего Эриванского ханства и времени после включения его в состав России, из которого следовало, что “всякий простолюдин носил свою одежду, сотканную из собственной бумаги руками членов своей семьи”¹⁰¹. Представляет интерес примечание Спасского-Автономова о том, что в Баку из Ирана привозились “бумажные дешевые изделия для сельских жителей и низшего класса потребителей”¹⁰². В бакинских деревнях выращивали хлопок¹⁰³, выделяваемую бязь из которого привозили и в город¹⁰⁴. В Баку в употреблении были бумажные изделия и российского производства. В Кубе и Дербенте “большая часть народа” также употребляла бумажные материи для одежды¹⁰⁵. Шелковые материи использовались богатыми людьми, в особенности представительницами женского пола. Соотнеся вышеуказанное с условиями Баку, можно предположить, что люди непривилегированных сословий города довольствовались одеждой собственного домашнего пошива. Количество

портных также не отображает положение, связанное с пошивом для женщин. Интересен и такой факт, который приводит в своей работе советский исследователь Н.Киняпина, что в начале 40-х гг. XIX в. председателем Московского отделения Мануфактурного совета бароном А.К.Мейендорфом было составлена записка “О мерах к упрочению нашей торговли в Закавказском крае”, в которой автором предлагалось, кроме прочего, создание в Эривани, Елизаветполе и Баку хлопчатобумажных фабрик, главным образом для производства товаров, предназначенных “для низших классов”¹⁰⁶.

Ремесло ткачей в изучаемый период, к концу его, как видно из табл.6, приходило в упадок, что объясняется, вероятно, привозом материй, при том не только извне, но и из бакинских селений. Вследствие привоза набивных тканей отмирает в рассматриваемый период ремесло набойщика, занимавшегося набивкой тканей.

Возрастало, как усматривается из табл.6, количество занимавшихся в исследуемое время изготовлением тесьмы - тесемщиков. Как отмечается в работе, посвященной обзору промышленности Бакинской губернии, тесемочное производство имело “совершенно домашний характер”, им занимались “дома женщины..и мужчины на базаре, сидя за прилавком”, заполняя “этим свой досуг”, а также “какойнибудь лавочник имеет около себя работника, который специально занят сучением шнурков, тканьем галунов, вязанием и связыванием басонов, тесьмы и т.п. изделий”¹⁰⁷, в связи с чем можно предположить большее количество людей, занятых этим промыслом, кроме тех, для кого оно являлось основным занятием, не исключая и того, что предполагаемое явление было более характерным для последующего времени, к которому относится и вышецитируемая работа.

Усматривается в описываемый период уменьшение численности шерстебитов, что объясняется Сумбатзаде изготовлением шерстяных изделий непосредственно в самом крестьянском хозяйстве¹⁰⁸, вследствие чего эта профессия была так слабо развита и клонилась к упадку. По камеральному описанию 1860 г. отмечено, что из 7 шерстебитов, трое были казенными поселянами Бакинского уезда, что также подтверждает выводы Сумбатзаде. Понижение количества шерстебитов к концу описываемого времени нужно связывать, на наш взгляд, и с уменьшением поголовья скота горожан.

В таблице 6 показано состояние ремесел, относящихся к производству хозяйственно-бытовых товаров и строительных материалов. К ним относится группа ремесел, связанная с обслуживанием нужд скотоводства и гужевого транспорта (вьючного и коесного): войлочное, шорное, изготовление хомутов, шнурочное. Привлекает внимание наблюдаемая по переписи 1860 г. дифференциация в шорном ремесле - выделение отдельного промысла по изготовлению хомутов. Состояние вышеперечисленных ремесел позволяет утверждать, что оно отражало ситуацию в сухопутном транспорте города за интересующий нас период.

К сфере производства хозяйственно-бытовых товаров относится и изготовление предметов домашней посуды. В Баку в исследуемый период, как видно из табл.6, существовало ремесло по изготовлению сит. Численность ремесленников, занятых в этой отрасли, свидетельствует о слабом ее развитии, хотя и наблюдается тенденция к некоторому увеличению к концу изучаемого периода. Сумбатзаде объяснял такое состояние этого ремесла в городах Азербайджана в этот период почти повсеместным распространением домашней промышленности, вырабатывавшей предметы хозяйственного быта и домашней утвари¹⁰⁹. В то же время нужно заметить, что в источнике середины 30-х гг. отмечалось “большое употребление” в городе, а также в деревнях, “Русского изделия” “разной посуды”¹¹⁰, что также могло повлиять на состояние данного ремесла в изучаемый период.

Свечное производство также было слабо развито, а к концу рассматриваемого периода клонилось к естественному упадку, так как в течение всего этого периода жители Баку в качестве осветительного материала, как известно, использовали нефть.

В рассматриваемый период в Баку существовало красильное дело (см.табл.6), число занятых в котором к концу описываемого времени заметно увеличилось, объясняемое тем, что вплоть до начала 40-х гг. XIX в., по имеющимся в наличии в настоящий момент документальным источникам, красильное дело отдавалось на откуп, а потом вследствие неявки новых откупщиков перешла в распоряжение бакинского коменданта, с тем чтобы “выручаемая...деньги” с него отправлялись в городское казначейство¹¹¹, с чем и нужно, по нашему мнению, связывать увеличение численности красильщиков в последующее время. В контракте, заключаемом с откупщиком красильной статьи, указывалось, что никто из городских и сельских жителей не имеет права заводить красильни в Бакинской провинции и заниматься окрашиванием¹¹². В работе дореволюционного автора Ст.Гулишамбарова также отмечается, что окрашивание пряжи “лет 50-60 тому назад составляло казенную оброчную статью”. Только красный и желтый цвета составляли, как указывал Гулишамбаров, общее достояние, все же другие находились в руках откупщика, у которого должны были красить свою пряжу все ткачи¹¹³.

В отрасли по обработке дерева в исследуемый период по Баку нужно отметить ремесла аробщиков и колесников (см, табл.6). При этом усматривается рост числа аробщиков, несмотря на несоразмерное уменьшение численности лиц, занимавшихся непосредственно извозом, за тот же период. Думается, перевозка аробным транспортом стала играть роль дополнительного или подсобного промысла среди горожан или же продукция бакинских аробщиков поставлялась в бакинские деревни, для жителей которых звонничество было одним из основных промыслов. Интересно и то, что попытка выделения ремесла по изготовлению колес, отмечаемая по 1849 г., не

успешно, т.е. весь цикл изготовления ароб происходил в среде самих аробщиков. Сырье деревообработчиков было привозное.

По ремеслам по обработке металлов в рассматриваемое время, как видно из табл.6, наличествуют: кузнечное дело, слесарное, трубное и ювелирное. Кузнечное дело дифференцируется на ремесло самих кузнецов и ремесло подковщиков. По этим ремеслам усматривается устойчивое повышение в численности занятых в них людей. Тем примечательнее данное положение в ремесле подковщиков, которое в отличие от других отделившихся ремесел в уже упоминавшихся выше отраслях ремесленного производства в описываемое время продолжало свое самостоятельное существование. В этой связи уместно будет привести соответствующее высказывание Егиазарова по поводу специализации, что ремесло разветвлялось, но только в больших городах, где “специальные отрасли ремесленной деятельности” обеспечивали населению “достаточный заработок”. Вместе с тем он отмечал, что, хотя существует “известная специализация труда”, но “составные части и отрасли отдельных ремесел не успели еще окончательно выделиться и обособиться по техническим деталям; к тому же такая специализация была чисто фактическая, без юридических последствий”¹¹⁴. Думается, в случае с подковщиками Баку, расширение этого ремесла позволяет сказать об техническом обособлении. Отметим, что и Гугушвили писал, что такая дифференциация в известной степени предопределяла развитие самой техники ремесла¹¹⁵. Используя железо, как известно, привозилось из Внутренней России. В одном из источников говорится, что на узкой прибрежной полосе до городской стены со стороны моря находились временные кузницы для разрубания полосового железа пополам, “так как длинными полосами его неудобно отправлять на верблюдах”¹¹⁶.

Также наблюдается увеличение в численности слесарей. Березин отмечал, что “бакинские слесари большею частью работают складные кожи, вывозимые в Персию”¹¹⁷.

Другой отраслью ремесла по обработке железа в описываемое время было изготовление труб, отмечающееся лишь по переписи 1860 г.

Данные таблицы 6 наглядно показывают широкое развитие в интересующий нас период в Баку ювелирного дела. Скачок показателей 1849 г. по сравнению с таковыми же 1832 г. можно объяснить изменениями в жизни города после введения начал гражданского управления в Закавказье, а также тем, что законом, изданным в 1847 г., устанавливались некоторые льготы в отношении сроков уплаты налогов для ремесленных предприятий закавказских (кроме тифлиских) золотых и серебряных дел мастеров¹¹⁸, что так или иначе должно было оказать свое благоприятное воздействие на дальнейшее развитие ремесла, хотя Гугушвили и допускал принятие этого закона в связи с тем, что ремесленники этой отрасли “уже сильно ощущали”

сокращение заказов и реализации своих изделий, происходившее в результате конкуренции изделий русской и иностранной промышленности¹¹⁹. Столь малый прирост в численности занятых этим ремеслом, отмечаемый в 1860 г. по сравнению с 1849 г., может объясняться тем, что данное количество, в основном, удовлетворяло запросы местного населения. Вместе с тем по 1860 г. нужно учитывать и эмальных дел мастеров, так как одной из особенностей работы бакинских ювелиров была эмалевая работа на мелких изделиях из золота, отмечаемые современниками, как обретшие известность за пределами Баку¹²⁰. Березин отмечал, что “бакинские золотые кольца под эмалью, по своей довольно чистой отделке, соперничают с пятигорскими работами”¹²¹. В связи с намечавшейся к проведению в 1852 г. в Москве первой Всероссийской выставки сельского хозяйства и сельской промышленности вице-президент Кавказского общества сельского хозяйства отправил письмо шемакинскому военному губернатору и 10 экземпляров печатных объявлений о выставке¹²². В печатном объявлении, в том месте, где указывалось о предметах, допускаемых на выставку, говорилось, между прочим, что таковыми могут быть “изделия, приобретшая известность в разных местностях (напр. эмалевые работы из Баку и Шуши)”¹²³. Возможно, что бакинскому жителю Махмуд-беку, указанному в списке лиц, которым были “назначены” медали и похвальные листы за присланные ими на выставку произведения, был вручен похвальный лист за его эмалевую работу, так как примечаний, за что он был награжден, из материалов не усматривается¹²⁴. Отметим и то, что среди троих награжденных по Бакинскому уезду похвальными листами, жителем города был только вышеуказанный человек. Как видим, бакинские ювелиры, хотя и шли в камеральных описаниях Баку за рассматриваемый период как серебряники, занимались изготовлением и золотых украшений. Соединение работ по серебру и золоту отмечается и в литературе. Так, Егиазаров писал, что серебряк (в скобках он передавал его дефиницией “заргяр” - Ф.Т.) или золотодел должен быть сведущ во всех технических деталях и частях своего ремесла: изготовление форм, полировка и шлифование уже отлитых вещей, рисование по ним разных узоров и резьба их, черневая и филигранная работы, умение выбирать и подбирать драгоценные камни, определение пробы и т.д., - все это относится к специальности серебряка, который “считается в народе “сереброделом”..., или “золотоделом”... в широком смысле этого слова”¹²⁵. Другой особенностью бакинских ювелиров была работа “под чернью на серебре”¹²⁶.

Производство строительных материалов и строительных ремесел в исследуемый период в Баку представлено, как это видно из табл.6, изготовлением строительного камня. Рост численности занятых этим ремеслом напрямую связан с ходом застраиваемости города. По 1860 г. уже усматривается известная специализация в этом ремесле: появляются отдельно профессии каменотесов и каменоломов, что, конечно же, было связано с

возрастанием объема работ. В одном из описаний Баку начала 50-х гг. показывается, что форштадт с западной стороны “ограничивается” каменоломнями¹²⁷. К концу изучаемого времени, как видно из камерального описания 1860 г., изготовлением строительного камня, в основном, были заняты казенные поселяне Бакинского уезда, проживавшие после проведения переписи 1849 г. в Баку, свидетельствующее об изменениях в промыслах самих горожан.

Из строительных профессий, существовавших в то время в Баку, привлекают внимание ремесла стекольщиков и плотников; остальные же ремесла, то появлялись, то исчезали, как, например, белильное и малярное. Ремесло плотников являлось одним из самых, если можно так выразиться, “количественных” в тот период. Как указывалось в источнике 30-х гг. XIX в., плотничная работа входила в число “выгодных”¹²⁸, что и могло служить причиной увеличения числа занятых этим ремеслом. Знаменательно появление стекольщиков в переписи 1860 г., хотя и в очень малом количестве, являющееся свидетельством и провозвестником новых веяний в строительном деле, которое велось в Баку в исследуемое время, так как до этого ввиду специфических климатических условий города большинство домов обходилось без стекол.

Первое место, как справедливо замечал Сумбатзаде¹²⁹, по своей значимости в области производства продуктов питания принадлежит мукомольным заведениям, иначе мельницам. На протяжении всего исследуемого времени ремесло мельников держалось стабильно (см. табл.6.) и не было подвержено каким-либо резким колебаниям. По камеральному описанию 1832 г. в Баку имелось 48 мельниц с конной тягой (в документе они идут как “лошадиные”), из которых 38 находилось в крепости, а остальные - на форштадте¹³⁰. Как видим, численность мельников по 1832 г. не увязывается с количеством мельниц за то же время. На наш взгляд, в число 48 мельниц входили и казенные мельницы, так как в архивном документе имеется запись за 1824 год о постройке в “крепости Баке” казенных мельниц¹³¹. Это было следствием того, что царская администрация для обеспечения провиантом войск, находившихся на дислокации, была заинтересована в развитии мельничного дела, что должно было поощрить и местное хлебопашество. В отчете бакинского губернатора за 1860 г. имеется сведение о появлении к концу рассматриваемого времени в Баку ветряной мельницы: “Один русский поселянин построил близ берега моря...ветреную мельницу и тем принес общую пользу, потому что до сих пор местные жители имели только не большия и весьма плохия мельницы с конским приводом, на котором действовали эшаки”¹³².

Из ремесленников, обслуживавших питание населения Баку, в таблице 6 собраны пекарники, хлебники, чуречники, хлебопеки и дрожечники. Такое разнообразие в названии этих профессий связано,

учитывая естественно их общие черты, с, если можно так выразиться, “кругом” и характером выпекавшихся ими изделий. Так, например, чуречники, конечно же, были заняты выпечкой особого рода хлеба, другие занимались изготовлением более расширенного ассортимента хлебобулочных изделий. К концу изучаемого периода усматривается увеличение численности занятых в пекарном ремесле, кроме того, наблюдается также выделение самостоятельного ремесла - дрожечного, что было связано с увеличением численности населения Баку.

Из занятий горожан в исследуемый период, отраженных в табл.6, нужно отметить промысел судовщиков, связанный с мореходством, тесным образом переплетавшееся с торговой жизнью города, а также, имея в виду судостроение, с ремесленным производством. В источнике 30-х гг. XIX в. отмечалось, что в Баку находилось в то время шесть судостроителей (верфи находились, согласно более позднему источнику, на прибрежной полосе перед южной крепостной стеной¹³³), строивших росшивы, поднимавшие 50 халваров или 1200 пудов, и лодки¹³⁴. Сосновые доски, якоря, мачты, железные скобы для обивки и тому подобное привозились из Астрахани¹³⁵. Березин в начале 40-х гг. писал, что постройка судна, поднимающего пять тысяч пудов, обходится в Баку в 2250 руб. серебром, “что для каспийского судоходства не дорого”¹³⁶, т.е. объем морских перевозок между Баку и другими прикаспийскими портами окупал судостроение. Здесь же нужно заметить, что профессионализм бакинских судостроителей отмечался в середине 50-х гг. XIX в. инж.-ген.-м.Санковским, который предлагал “в будущем” отправлять пароход, плававший по Куре, для ремонта в Баку, “где более средств, искусных мастеров и рабочих”¹³⁷. В Баку специализировались на постройке так называемых “бакинок”, строившимися “по большей части из старых шхоутов”, от которых отличались “только величиною”. Сами же “шхоуты” строились в Астрахани на частных верфях¹³⁸, т.е. бакинские судостроители также покупали старые суда у астраханцев, давая затем им “вторую” жизнь. Кстати, об этом говорится и в предписании Ермолова начальнику Астраханского таможенного округа Тургеневу от 15 марта 1818 г., в котором в ответ на представление последнего с испрашиванием разрешения о том, имеют ли право бакинские жители покупать “коммерческия суда” у астраханских купцов, главнокомандующий отвечал, что с “Высочайшаго соизволения”, объявленного в 1808 г. через бывшего министра коммерции гр.Румянцева командовавшему в то время Гудовичу, “дозволено Бакинским жителям строить суда наподобие Российских шхоутов и иметь на оных флаги и знаки подобно нашим купеческим судам с наблюдением только, чтобы суда сии не были вооружены”, а также “само собою разумеется, что Бакинские жители, как...подданные Российской Империи, имеют полное право и приобретать покупкою купеческия суда”¹³⁹. Заметим, что в этом же документе на счет количества строящихся судов отмечалось, что “при том сколько их строить, о

том главнокомандующему Грузиию доносить, дабы оных излишняго числа не было”¹⁴⁰. Таким образом, дав разрешение на строительство и покупку, судов, а также необходимых корабельных материалов, царская администрация тем не менее старалась лимитировать его. Это исходило еще из тех времен, когда Баку, как и весь Северный Азербайджан, не был включен в состав России. Азербайджанский ученый Г.Абдуллаев, исследовавший вопросы взаимоотношений Азербайджана и России в XVIII в., писал, что империя вела политику монополизации морских перевозок по Каспию и выступала с позиции силы для подавления прибрежного судоходства¹⁴¹. Такая политика, несомненно, имела в тот период еще и, если не главную, политическую подоплеку. После завоевания Северного Азербайджана политика отошла на второй план по отношению к местным жителям, но лимит, как видим, остался и борьба перешла в экономическую плоскость. Допущение же судостроения и наличия у жителей Баку морских судов нужно объяснять малоразвитостью торгового флота на Каспии, непосредственно принадлежавшего русскому (по национальному признаку) капиталу, и с целью не возбуждения в народе, занимавшегося одним из своих исконных промыслов, антироссийских настроений. Строительство судов на бакинской верфи проходило медленно, судя по некоторым материалам за различные периоды: так, в 1841 г. было построено “мореходных судов 2, небольших лодок 4”¹⁴², а в 1850 г. - лишь одно судно¹⁴³. Аттестация построенных судов совершалась командиром поста Бакинского рейда и мастером, построившим судно. В середине 40-х гг. XIX в. морское ведомство отказалось выдавать свидетельства, в результате чего Каспийская палата госимуществ предложила кавказскому начальству, обеспокоенному “благонадежностью” судов, нанимаемых Опекой Сальянских рыбных казенных промыслов, принимать “поручительные свидетельства, местных судохозяев могущих судить о достоинстве судна”, так как других оснований, “на которых бы можно было постановить на этот предмет более благонадежные для казны правила Палата в виду не имеет”¹⁴⁴. Надо полагать, ввиду отсутствия у нас материалов по дальнейшему исходу этого дела, что предложение Палаты за неимением более лучшего варианта было принято вышестоящим начальством, тем более что через непродолжительное время после этого Сальянские рыбные промыслы, о которых, исходя из интересов казны, так пеклось кавказское начальство, были отданы на откуп частным лицам.

В отдельных материалах отмечается количество мореходных судов, принадлежавших собственно жителям Баку. Так, в документе от 1830 г. говорилось, что таковых было 63¹⁴⁵. Спасский-Автономов в начале 50-х гг. писал о наличии в бакинском порту “постоянно” около 50 судов¹⁴⁶, что также можно отнести, на наш взгляд, к собственности горожан. Из другого источника, относящегося к 1858 г., становится ясно, что в приходе в этот год только лишь в один Мазандеранский порт Ирана было 78 купеческих судов,

из которых 44 принадлежали бакинцам¹⁴⁷. Таким образом, общее число судов, принадлежавших в исследуемый период непосредственно бакинским жителям, можно условно вывести в пределах 60-80 единиц, учитывая и данные таблицы б по судовщикам, так как в “Обозрении российских владений за Кавказом” примечалось, что “многия лодки и росшивы принадлежат нескольким хозяевам, которые, для уменьшения издержек, сами водят их в море”¹⁴⁸. В исторической литературе приводятся сведения о передаче, бывшей обычным делом, русских (так у Абдуллаева, который он употреблял применительно к описываемому в своем исследовании периоду, в нашем же случае - русскому капиталу, т.е. дается по национальному признаку - Ф.Г.) судов на откуп азербайджанским торговцам для перевозки товаров еще во второй половине XVIII в¹⁴⁹, не исключаяющее того, что подобная практика могла с большим успехом иметь место и в исследуемое нами время. Относительно той цитаты из “Обозрения”, что хозяева судов сами водили свой транспорт для уменьшения издержек, нужно сказать, что это уместно лишь для времени, зафиксированного камеральным описанием 1832 г., что будет изяснено после, когда речь пойдет о лоцманах. В материалах различного характера и в дальнейшем отмечалось плавание судохозяев, но уже совместно с лоцманами¹⁵⁰, а делали они это, как поэтически примечалось одним из современников, “из одной любви к этому занятию, не имея особой прибыли, а только фрахтом выручая содержание судна”¹⁵¹. Такое разделение (судохозяин + лоцман, т.е. капитан) вносило новый элемент в производственные отношения в этой отрасли, а, если, отвлекаясь несколько, отметить использование на бакинских судах вольнонаемных матросов-музуров, о которых речь пойдет ниже, и то, что откупщики бакинской нефти и соли имели свои собственные суда для доставки минералов в Иран (речь идет, по крайней мере, об откупном сроке с 1830 по 1834 годы)¹⁵², можно сказать о возникновении зачатков капиталистических отношений в этой области.

Положение в секторе наемного труда в изучаемый период в Баку наглядно иллюстрируется нижеследующей таблицей 7. Как видно из нее, лица наемного труда в исследуемое время, в основном, подразделялись на 2 основные группы: лиц, занятых в мореплавании по Каспию (лоцманы, музуры и т.п.), и так называемых работных людей, которые, в свою очередь, в зависимости от особенностей выполнявшихся работ, разделялись на поденщиков, работников, чернорабочих и амбалов (местное название чернорабочих).

Таблица 7

Наемный труд и количество жителей Баку, занятых в этом секторе, в 1832-1860 годах

Численность						
вид	1832 г. г.Баку креп. форш.		1849 г. г.Баку креп. форш.		1860 г. г.Баку креп. форш.	
Амбалы	-	-	3	1	20	8
Добытчики нефти	-	-	-	-	3	-
Лоцманы	2	-	66	9	174	29
Музуры	151	13	290	41	812	144
Носовщики	-	-	-	-	3	-
Поденщики	128	78	41	5	163	70
Работники	7	-	75	3	10	3
Рабочие	-	-	57	52	9	7
Разносчики	1	-	2	-	5	2
Чернорабочие	-	-	1	-	5	2
Приказчики	34	1	5	-	107	12
Остальные	8	4	15	2	14	4
Всего	331	96	555	113	1325	279
В %*	38,8	46,6	41,3	39	50,6	50,8
Итого	427		668		1604	
В %**	40,3		40,9		50,6	

Подсчет сделан на основе данных: ГИА АР, ф.24, оп.1. ед.хр.370, лл.1-184; ф.10, оп.1, ед.хр.24, лл.1-258об; ед.хр.80, лл. 1-610.

Соотношение в % исчисляется от количества жителей Баку, занимавшихся тем или иным видом экономической деятельности (сюда входит весь спектр отраслей городской экономики): за 1832 г.: в крепости-854 чел., на форштадте-206 чел.; 1849 г.: в креп.-1344 чел., на форш.-291 чел.; 1860 г.: в креп.-2620 чел., на форш.-549 чел.

**То же: за 1832 г. - 1060 чел.; 1849 г. - 1635 чел.; 1860 г. - 3169 чел.

Как видим, подавляющее большинство нанмававшихся людей составляли музуры, что являлось естественным в условиях портового города. Звание музура у бакинцев было “вовсе не безчестно”¹⁵³, тем более, когда каждый музур, как отмечал современник, при определенных обстоятельствах мог достигнуть более высоких ступеней в иерархии морского дела. Так, “мало-мальски сметливый из них (имеются в виду лоцманы - Ф.Т.), поступив музуром (матросом), старается заучить 16 главных румбов компаса (остальных они не употребляют) и уметь управлять рулем; потом он заучивает также названия румбов, по которым плавают от одного порта к другому, и названия приметных мест на берегу. Конечно, при этом научается также ставить паруса, принимать и сдавать грузы. Года три плавания достаточно, чтобы всему этому научиться, и лоцман готов”¹⁵⁴. “Обыкновенно” с небольшим шкоутом отправлялось в плавание 12 музуров, с росшивой-8, с “Бакинской лодкою”-6 музуров.¹⁵⁵ Как отмечается в материалах 30-х гг.XIX в., опытные музуры на шкоутах получали, “наприм.за перевозку нефти в Зинзили и за выгрузку”, по 4 червонца, менее опытным давалось от 15 до 20 руб. медью, на росшивах - от 1 1/2 до 3 червонцев, а на “Бакинских лодках” - от 10 до 20 руб. медью¹⁵⁶. Профессию музура в описываемое время нужно относить, по нашему мнению, к категории неквалифицированного наемного труда. К

разряду квалифицированного наемного труда этого периода относится специальность лоцмана (шкипера), который, по современной терминологии, являлся судоводителем или капитаном¹⁵⁷. Выше уже говорилось, что в исследуемый период происходят изменения в функции судохозяина, когда он начинает уже выступать в роли нанимателя и в отношении судовождения, что усматривается из роста численности лоцманов (см.табл.7) в это же время. Как отмечал современник, лоцман - “это лицо уважительное”¹⁵⁸. За свою работу лоцманы в 30-х гг. в зависимости от класса судна за уже упоминавшуюся перевозку нефти в Энзили и за выгрузку получали: на шкоутах от 6 до 8 червонцев, росшивах до 5 червонцев, “Бакинских лодках” до 3 червонцев¹⁵⁹.

В постановлениях, изданных в 1848 г., по торговле и таможенному управлению, а конкретно, в постановлении от 22 марта, говорилось, что “хозяева кораблей или судов, употребляемых для каботажного плавания по морям, в пределах России лежащим, а также для рыбных и тюленьих промыслов, освобождены от штрафа, взыскиваемого с отходящих за границу кораблей, в случае не имения на оных штурманов или помощников их из воспитанников училища торгового мореплавания”¹⁶⁰. Для безопасного плавания же по Каспию по предложению барона Мейендорфа, являвшегося в середине 50-х гг. XIX в. председателем Комитета пароходства по реке Куре, в Баку в 1850 г.¹⁶¹ (по другим данным, 5 октября 1852 г.¹⁶²) была открыта школа мореплавания для “туземных” штурманов (вероятно, она была открыта при Бакинском уездном училище, так как один из современников отмечал в начале 50-х гг. существование при этом училище навигационной школы¹⁶³), явившаяся провозвестником в деле обучения морскому делу во всем Закавказье, что, конечно же, должно было повлиять на уровень профессиональной подготовки местных кадров морского транспорта в Баку и поэтому нельзя не отметить положительный момент в данном решении царской администрации, служивший в конечном итоге развитию каспийского торгового судоходства, тем более, что оно должно было иметь свое продолжение в виде замысла заместителя Кавказа А.И.Барятинского, который в своем отчете императору за 1857-1859 гг. докладывал: “В гор. Баку имеет быть учреждено училище торгового мореплавания. Цель его есть образование сведущих штурманов, механиков и судостроителей для Каспийского флота”. Барятинский отмечал, что по составлении проекта положения этого училища, он будет представлен на “усмотрение” царя¹⁶⁴. Как отмечалось в отчете заместника, в указываемое время для шкиперов коммерческих судов были составлены “краткия правила плавания в море и стоянки в портах”¹⁶⁵.

В исследуемый период имеются (см.табл.7) и другие морские специальности; однако, если, например, профессия носовщика упоминается в материалах, то специальность кормщика мы относим к данной отрасли предположительно, ввиду неясности характера этой профессии (берется за основу корень слова - корма, т.е. задняя часть корабля). Про профессию

носовщика отмечалось, что “иногда музур, не изучивший еще всей практики, или по неимению вакансии, поступает сначала носовщиком (это место в роде боцмана и содержателя), исправляя, за отсутствием лоцмана, его обязанности”, а “звание” это было “очень почетно”¹⁶⁶. Как видим, оживленное каспийское судоходство являлось причиной столь большого в количественном отношении аккумуляирования наемной силы именно в морском секторе. В одном из документов, в котором ставился вопрос о повышении суммы податей в Шемахинской губернии в начале 50-х гг. XIX в., отмечалось, что “рабочая плата так высока в Баку во время навигации, что однодневный труд всех рабочих рук в семействе может покрыть средний подымный оклад, определяемый в годовую подать”¹⁶⁷. Хотя это касалось жителей бакинских деревень, но его с успехом можно отнести и к горожанам, что дополнительно свидетельствует о причине притока в разряд наемных людей (как в порту, так и на судах), обеспечивавшей достаточно стабильный заработок. Кроме того, для изучаемого времени особо существенное значение имеет не только общее количество занятых здесь наемных людей, но и продолжительность их работы, потому что занятия этих людей являлись постоянными, так как “торговая деятельность Бакинского порта не прекращается круглый год”¹⁶⁸.

По разряду работных людей в исследуемое время (см.табл.7), наоборот, несмотря на некоторое увеличение в абсолютном отношении, наблюдается уменьшение удельного веса их в наемном секторе: в 1832 г. они составляли 50% (213 чел.), 1849 г. - 35,6% (238 чел.), 1860 г. - 18,5% (297 чел.) от общего количества лиц наемного труда. Таким образом, прирост в наемном секторе происходил, в основном, за счет увеличения лиц, участвовавших непосредственно в морских перевозках.

Из табл.7 видно, что в исследуемый период, точнее к его завершению, появляется профессия нефтедобытчика. В Географическо-статистическом словаре Российской империи” при перечислении занятий жителей Баку отмечалось, что они, кроме прочего, занимаются добычей нефти на “биби-бейбатских” нефтяных колодцах¹⁶⁹. Как значится в контракте, заключенном с откупщиком нефтяных и соляных месторождений 13 марта 1854 г. сроком на 8 лет¹⁷⁰, в структуру откупа входили также 25 колодцев и 2 буровые скважины в урочище Биби-Эйбат. Кроме этого, здесь же имелись, как известно, 2 частных нефтяных колодца, принадлежавших братьям Селимхановым, одну десятую часть добываемой нефти из которых откупщик обязан был принимать от них¹⁷¹. Как указывалось в условиях откупа, добычу и перевозку нефти из колодцев, кроме балаханских и сураханских, откупщик должен был производить “собственными своими средствами, не требуя от казны никаких пособий”. Также на собственный счет откупщик обязывался перевозить биби-эйбатскую нефть, принадлежавшую Селимхановым¹⁷². Примечательно, что из указываемых по переписи 1860 г. нефтедобытчиков, лишь двое являлись

непосредственно жителями города, третий же был казенным поселянином из бакинского селения Бильгя, проживавшим в Баку. Таким образом, этих людей мы можем висимости от того, занимались ли они добычей нефти из биби-эйбатских колодцев, входивших в систему откупа, или же из частных селимхановских колодцев. О бакинской нефтяной промышленности написано достаточно, как дореволюционными авторами, так и современными, однако особо стоит отметить фундаментальную работу азербайджанских ученых М.Исмаилова и М.Ибрагимова, посвященную истории азербайджанской нефтяной промышленности в дореволюционный период¹⁷³, поэтому, внося дополнительный штрих в связи с изучаемым объектом, мы не останавливаемся на этом.

В рассматриваемое время наемный сектор пополнялся горожанами коренной, азербайджанской, национальности. Армяне, составляя мизерное количество представленных в этой области по переписям 1832 и 1849 гг. (наблюдалось уменьшение), по описанию 1860 г. уже не значатся по этой категории.

О состоянии бакинской торговли, вернее занятых в ней жителей Баку, дает наглядное представление нижеследующая таблица 8.

Жители Баку, занятые в торговле в 1832-1860 гг.

вид	Численность					
	1832 г. г.Баку креп. форш.		1849 г. г.Баку креп. форш.		1860 г. г.Баку креп. форш.	
Баггалы (бакалейщики)	-	-	14	16	183	35
Водовозы (продавцы воды)	1	-	-	-	1	-
Духанщики	-	-	18	-	11	-
Кабабщики	-	-	-	-	1	-
Кушпы	2	-	4	-	-	-
Мелочные торговцы	-	-	22	5	172	24
Мясники	2	2	-	-	5	14
Продавцы глиняной посуды	-	-	3	-	9	1
Продавцы дров	-	-	-	-	3	-
Продавцы "красного товара" (галантерея)	-	-	-	-	4	1
Продавцы мелочных товаров	-	-	20	3	24	2
Продавцы напитков	-	-	-	-	3	-
Продавцы състных припасов	1	-	37	5	-	-
Продавцы фруктов	-	-	14	4	-	-
Торговцы	219	16	214	9	126	11
Торговцы "красным товаром" /галантерея/	-	-	-	-	33	6
Трактирщики	-	-	-	-	1	-
Харчевники	3	4	6	3	13	2
Остальные	-	-	-	-	16	3
Всего	228	22	352	45	605	99
В%*	26,7	10,7	26,2	15,4	23,1	18
Итого	250		397		704	
В%**	23,6		24,3		22,2	

Подсчет сделан на основе данных: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.370, лл.1-184; ф.10, оп.1, ед.хр.24, лл.1-2580б; ед.хр.80, лл.1-610.

Соотношение в % исчисляется от количества жителей Баку, занимавшихся тем или иным видом экономической деятельности (сюда входит весь спектр отраслей городской экономики): за 1832 г.: в крепости-854 чел., на форштадте-206 чел.; 1849 г.: в креп. - 1344 чел., на форш.-291 чел.; 1860 г: в креп. - 2620 чел., на форш.-549 чел.

**То же: за 1832 г. - 1060 чел.; 1849 г. - 1635 чел.; 1860г.-3169 чел.

История торговли города Баку в интересующий нас период рассмотрена в работе азербайджанского ученого М.Мусаева¹⁷⁴, поэтому не видим резона останавливаться на этой теме.

Перейдем к объяснению состояния вкупе всех вышеотмеченных отраслей экономики Баку в рассматриваемый период, для чего обратим внимание на нижеследующую таблицу 9, составленную на основе срезного

показа удельного веса каждой из отраслей, исходя из численности лиц, занятых в каждой из них.

Таблица 9

Состояние и развитие отраслей экономики г. Баку в 1810-1860 годах (по занятиям жителей)

Род занятий	Ч И С Л Е Н Н О С Т Ь (в . %)			
	1810 г.	1832 г.	1849 г.	1860 г.
Ремесло	22,7	23,1	20,6	18,8
Торговля	36,8	23,6	24,3	22,2
Сельское хозяйство	16,2	4	7,2	5,1
Наемный труд	18,1	40,3	40,9	50,6
Остальные	6,2	9	7	3,3

Подсчет сделан на основе данных: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.21, лл.109-109об.; ф.24, оп.1, ед.хр.370, лл.1-184; ф.10, оп.1, ед.хр.24, лл.1-258об; ед.хр.80, лл.1-610.

Показатели таблицы 9 - это итоговые процентные данные таблиц 7 и 8, а также результаты вычислений по отраслям, отраженным в таблице 6. По 1810 г. использовалась комендантская ведомость за этот год, а процентные данные выводились по количеству домов горожан, занимавшихся экономической деятельностью, соответствующее численности глав семейств.

Вырисовывается специфичная картина, которую, впрочем, учитывая географическое положение Баку и связанные с этим особенностями его социально-экономической структуры, следовало ожидать. Как видно из табл. 9, в Баку в интересующее нас время имел развитие (в количественном отношении) сектор наемного труда, в том числе с применением соответствующей квалификации в судоководении. Тут нужно отметить и тесную взаимосвязь торговли, которая по своему состоянию и развитию в исследуемое время (по числу занятых в ней лиц), как видно из табл.9, стоит на втором месте в структуре экономики Баку, с сектором наемного труда: тут имеется в виду обслуживание торговли неквалифицированным рабочим трудом, многочисленный отряд приказчиков. С ними же стыкуется и деятельность представителей

транспортной отрасли (они включены, среди прочих в графу “остальные” табл.9), в том числе и судохозяев, так как именно оживленное судоходство, как уже отмечалось выше, обеспечивало приток людей в сектор наемного труда. Как отмечал современник, “туземец (т.е. азербайджанец - Ф.Т.) из Баку, имеющий деньги и неимеющий собственной бакинки, существо неполное, не настоящий купец”¹⁷⁵. Немалую роль, если не главную, сыграло в этом значение Баку как портового города, занимавшего центральные позиции

в перевозках по Каспию. В.Покшишевский писал: “Основная закономерность географии населения - конечная обусловленность расселения территориальными формами общественного воспроизводства. При этом не только одно лишь расселение зависит от производства (в частности, и от способа производства), но и структура населения (по классовой принадлежности, профессиям и занятости, отчасти даже по возрасту и т.д.) отражает осуществляемый в данный момент в какой-либо стране или районе характер общественного воспроизводства”¹⁷⁶. Он также отмечал, что “как ни важны природные предпосылки, они являются лишь исходными и “решающее слово остается за человеческим обществом в ходе его исторического развития”¹⁷⁷. Таким образом, можно констатировать наличие фактора такой обусловленности в изучаемое время в экономической жизни Баку. Данное обстоятельство должно было в определенной степени сдерживать и отток населения – “отходников” - из города, хотя и имеются сведения о наличии таковых (в Иран и другие города России) в изучаемое время¹⁷⁸. Именно наличие возможностей применения наемного труда, как известно, привлекало в последующем отходников из разных мест в капиталистический Баку. При изучении камеральных описаний города за указанный период встречались факты, когда человек той или иной квалификации по одной из переписей становился ко времени проведения последующих переписей, например, поденщиком, что может являться свидетельством того, что обнищание, которое было неизбежным результатом развития товарно-денежных отношений, или потеря квалификации в силу тех или иных обстоятельств происходило в среде самого городского населения, а не в среде тех же крестьянских отходников. Если ввиду физической невозможности охвата материала об изменениях в занятиях горожан по указанным переписям не позволяют с категоричностью утверждать вышесказанное, то такое право нам дает исследование профессионального состава казенных поселян Бакинского уезда по камеральному описанию 1860 г., о чем уже говорилось ранее, когда показывалась социальная структура Баку. Говоря о казенных поселянах уезда, нельзя не отметить существенного значения во взаимодействии в исследуемое время города Баку с деревнями уезда фактора принадлежности крестьян казне (несмотря на то, что селения находились в управлении и владении беков, последние имели лишь право пользоваться с каждого дыма 3-дневной в год обработкой земель¹⁷⁹, какое положение существовало и в период Бакинского ханства¹⁸⁰).

Состояние торгового сектора в Баку в изучаемый период также являлось следствием географических особенностей города. Несомненно, что выгоды торговой деятельности ослабляли в определенной степени развитие ремесла. Однако вместе с тем торговля являлась одним из главных источников первоначального накопления и способствовала генезису и развитию

капиталистического способа производства, ярким примером чего служат последующие годы в истории Баку.

Ремесленное производство, а точнее, его состояние, кроме вышеуказанных причин, также зависело от географического разделения труда в Северном Азербайджане и географической специфики Баку. Это наглядно видно в том, какие виды ремесел получили развитие или, наоборот, клонились к упадку, а также вообще отсутствовали. Ремесло Баку в исследуемое время имело характер производства на заказ и удовлетворяло преимущественно местные потребности, хотя были отрасли, изделия которых, как уже отмечалось выше, ценились за пределами Северного Азербайджана, что свидетельствует о более или менее высокой стадии развития этих отраслей. При рассмотрении состояния ремесла в интересующее нас время нельзя забывать и о таком главном факторе, как политика царского правительства в целом по отношению к региону, как национальной окраине, выражавшееся в экономической сфере в подходе к нему, как к сырьевому придатку метрополии, без допущения каких-либо серьезных промышленных форм организации труда в этот период, за исключением тех производств, развитие которых диктовалось условиями “сверху” (например, предложение об устройстве в Баку хлопчатобумажных фабрик, о чем уже говорилось выше). Нужно учитывать и такое обстоятельство, как хаотичность “частных мер” “отдельных главнокомандующих и чиновников” в экономической сфере, не дававших “определенных результатов”, что справедливо замечал азербайджанский исследователь М.Исмаилов, относя данное, правда, “главным образом”, к периоду, предшествовавшему 30-м гг. XIX в.¹⁸¹, и, давая трактовку этой “хаотичности” несколько узко. Определяя эти меры шире, можно утверждать, что подобное совершалось на всем протяжении рассматриваемого периода. В качестве примера можно привести стратегические замыслы наместника Бярятинского, относящиеся к 1856-1857 гг., и, кроме прочего, предусматривавшие развитие торгового мореплавания и укрепления Бакинского порта, не получившие поддержку в столице в силу политических причин¹⁸².

На состояние экономики Баку в тот период оказывали влияние и другие факторы. Например, форма налогообложения лиц, занимавшихся тем или иным родом деятельности. Сравнение положения, к примеру, в 30-х гг. XIX в., по гг. Баку и Шемаха показывает, что жители последнего (имелись в виду “купечество, всякого рода мастеровые, фабриканты и промышленники”) в отличие от бакинцев не платили в казну никаких податей, отбывая только “некоторые из повинностей”¹⁸³, что, на наш взгляд, должно было существенно влиять в конечном итоге на развитие различного рода хозяйственной деятельности в Баку. В отчете о преобразовании Закавказья в 1841 г. указывается также на то, что при открытии городских полиций были

введены городские сборы, “падающия на предметы роскоши, избытка торговли и произведений” (выделено нами - Ф.Т.)¹⁸⁴.

Источником накопления первоначального капитала в России¹⁸⁵ и в Закавказье, как части его, в том числе и Баку, являлись откупа. Правительство часто прибегало к отдаче на откуп так называемых доходных статей казны и старалось привлечь откупщиков, гарантировавших поступление в казну установленной суммы сборов. Для откупщиков же, в свою очередь, несмотря на то, что серьезно рисковали и могли разориться в результате каких-либо непредвиденных событий, открывались большие возможности для быстрого обогащения за счет местного населения¹⁸⁶. Откупная система Баку в изучаемое время охватывала структурно и территориально не только сам город, но и прилегающие к нему деревни, создавая тем самым, если можно так выразиться применительно к тому периоду, единый Бакинский экономический район. В откупном хозяйстве на первом месте стояли нефтяной и соляной промыслы (одно время они находились вне откупной системы). В данном случае первостепенность их объяснялась объемом работ по этой статье и соответственно приложением большого капитала, включая и саму откупную сумму, а также значимостью своей в экономике всего Закавказья и заинтересованностью правительства в их разработке. Среди откупных статей были и такие статьи, которые находились в самом городе, как, например, красильня, бойня, городские весы и т.д., некоторые из них по своей сути являлись феодальными пошлинами и рахтарами. Откупная система существовала и в период Бакинского ханства и использовалась в экономике России, являясь атрибутом феодальной финансово-налоговой системы¹⁸⁷, тормозившей развитие экономики. Известные из исторической литературы мероприятия по отмене рахтарных статей и феодальных пошлин не возымели своего действия в Баку, несмотря на то, что кавказский начальник барон Розен в 1838 г. в своем отношении министру финансов Канкрину выступал, к примеру, за уничтожение пошлины на убой скота в Баку¹⁸⁸, хотя и был, как отмечала Рожкова, сторонником сохранения пошлин, аргументируя это тем, что нужно взамен найти другой источник дохода¹⁸⁹. Как усматривается из материалов, относящихся к началу 50-х гг. XIX в., главные доходы Баку к тому времени состояли из сборов за взвешивание на городских весах, за погрузку и выгрузку товаров на пристани города и убой скота¹⁹⁰. Как видим, данные пошлины продолжали существовать и опять отдавались на откуп: по статье - сбор с пристани (данные относятся к концу 50-х гг.) - откупщику было предоставлено право взыскивать в свою пользу “со ста пудов нагружаемого на суда или выгружаемого из оных товара” по 10 коп. серебром¹⁹¹. Сохранение пошлин было в определенной степени связано с заполнением городского бюджета, о чем уже ранее говорилось.

Откупная система создавала также почву для мздоимства со стороны местной администрации и личного обогащения чиновников; явление

распространенное в целом по России того времени, когда откупщик подкупал местную администрацию¹⁹². Данное на примере Баку усматривается из разницы откупных сумм за те или иные статьи, когда без видимых причин сумма, в отличие от предыдущих лет, уменьшалась.

Анализ откупов по Баку показывает, что накопление капитала посредством откупной системы шло не у жителей Баку, а, в основном, у иногородних. За редким исключением откупным правом пользовались сами горожане, да и то не всегда коренной национальности, что, вероятно, отчасти было связано с употреблением капитала местного коренного населения города на торговлю; с менталитетом народа, когда та или иная статья не бралась на откуп в силу привычек и нравов, как, например, винный откуп; отсутствием больших капиталов, необходимых для таких откупов, вроде нефти и соли, или же, наоборот, сокрытием их. Так или иначе, откупа не способствовали в силу вышеизъясненных или других причин в исследуемое время накоплению капитала у азербайджанского населения Баку.

Транспорт и связь. Одним из мероприятий кавказского начальства после завоевания Баку явилось учреждение почтовой станции, которая начала функционировать здесь примерно с конца 1806 - начала 1807 г. (или же его середины), как становится известно из письма кавказского начальника Гудовича к Мехти-Кули хану карабахскому от 3 ноября 1807 г. (на момент написания письма почтовая станция в Баку уже начала действовать)¹⁹³. Делалось это для того, чтобы обеспечить “скорое и непрерывное сообщение”, т.е. было связано, в первую очередь, с нуждами самой царской администрации. Как отмечают исследователи, возникновение казенной почтовой связи на территории Азербайджана было тесно связано с “ямским” этапом в истории российской почты¹⁹⁴. В XVIII в.-40-х гг. XIX в. перевозка почты и пассажиров в России продолжала осуществляться, в основном, ямщиками - особой категорией государственных крестьян. Указом же от 19 января 1797 г. о содержании почт в тех губерниях, где нет ямщиков, нарядом лошадей и людей от городов и деревень делалась попытка привлечь к почтовой гоньбе и другие податные сословия; однако, несмотря на несоответствие ямской гоньбы существующим потребностям, упразднение ее началось только в 40-х гг. XIX в.¹⁹⁵. В Северном Азербайджане, и в том числе в Баку, такую функцию несли чапары. Один из современников в середине 20-х гг. XIX в. писал, что на “почтовых станциях областей, лежащих на западном берегу Каспийского моря (сюда относятся и Баку -Ф.Т.), вы найдете только верховых лошадей, содержимых Татарами шиитской секты и Армянами, которые известны под именем чапаров, или курьеров”. Также примечалось, что “по надобности, вам дают в прикрытии одного или нескольких Казаков”¹⁹⁶. Ревизовавшие состояние дел в Закавказье сенаторы Кутайсов и Мечников также отмечали, что “проезжающим...представляется одна возможность следовать верхом на козачьих лошадях”¹⁹⁷. Двадцать

второго октября 1830 г. было утверждено “Положение об устройстве почтовой части” Российской империи, по которому создаваемая в Баку почтовая контора 1 класса (она шла в общей графе “уездных почтовых контор”) подчинялась областной почтовой конторе в Тифлисе, центральной для всего Закавказья. Закавказский край входил в VIII округ (всего по России было II округов), а местопребыванием окружного почт-инспектора являлся Ставрополь, в Тифлисе же находился один из его помощников “для надзора за почтовыми местами, в Закавказском краю состоящими”¹⁹⁸. В “Правилах отчетности по Главному Почтовому Управлению”, разосланных почтовым конторам 20 декабря 1832 г. говорилось, что “почтовые места” удерживают из поступающих им почтовых сборов “определенныя для расходов деньги”. Уездные почтовые конторы должны были затем остававшуюся сумму “один раз по истечении каждого месяца” отсылать “в начальствующие над ними Почтамты, Губернския и Областныя Почтовыя Конторы”¹⁹⁹.

Двадцать пятого декабря 1840 г. императором было утверждено мнение Госсвета, распубликованное 13 января 1841 г., “Об устройстве за Кавказом почтовой части”, по которому по представлению Главного начальствующего над Почтовым Департаментом России образовывался XII округ, охватывавший все почтовые места и станции Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области. Местом пребывания почт-инспектора этого округа назначался Тифлис, а для его помощника-Шемаха. Казаки освобождались от лежавшей на них обязанности “возить за Кавказом почты”, в связи с чем они заменялись почтальонами “на общем положении”²⁰⁰. Двадцать седьмого декабря 1842 г. царем было утверждено положение Комитета по делам Закавказского края, по которому казаки освобождались также от несения функции по надзору за почтовыми станциями и поэтому обязанности станционных смотрителей в уездных городах, т.е. и в Баку, так как в них по штату не полагалось смотрителей, возлагались на почтальонов²⁰¹. По штату почтового управления в Закавказье от 25 декабря 1840 г. в Баку назначалась уездная контора 1 класса²⁰². Как становится известно непосредственно из формулярных списков за 1845 г. Бакинской почтовой конторе подведомственны были также сумгаитский и арбатский станционные смотрители²⁰³. Нужно заметить, что деление почтовых контор зависело от объема производимой работы в них. Так, например, в одном из документов про уездные почтовые конторы 3 и 4 класса (всего было 4 класса) отмечалось, что “в сии классы введены те места, занятия коих против других гораздо менее”²⁰⁴. В дальнейшем все изменения в структуре почтовых учреждений края происходили на основании общих для всей России постановлений. Как становится известно из соответствующей литературы, в 1852-1853 гг. были ликвидированы почтовые округа, а все их функции по заведыванию почтовой частью в губерниях были переданы губернским почтмейстерам²⁰⁵. К сожалению, мы не располагаем в настоящий

момент необходимым материалом для иллюстрации происходивших изменений в этот промежуток времени применительно к Баку, но тем не менее, учитывая вышесказанное, можно утверждать, что в Баку сохраняла свое действие почтовая контора высшего разряда (это было неразрывно связано с положением Баку как города и порта), а с перенесением сюда центра губернии соответственно была переведена и губернская почтовая контора.

Транспортные связи Баку в исследуемое время основывались на сухопутном и морском сообщениях. Значение данных видов путей сообщения было связано, в первую очередь, со стратегическими планами России в регионе. Сразу же после включения Баку в состав России перед властями встала задача претворения в жизнь мероприятий, связанных с обеспечением путей сообщения города, тем более, что сообщение по главному сухопутному пути, связывавшего Закавказье с другими частями России, Военно-Грузинской дороге, не было гарантировано “от перерывов на долгое время” (окончательно эта дорога была устроена в 1861 г.)²⁰⁶. В ноябре 1806 г. министр иностранных дел Будберг предлагал командовавшему на Кавказе Гудовичу, кроме устройства морского сообщения, учредить посты в Сальянах и Джеваде “по лучшему рассмотрению” командующего, для обеспечения сообщения “с Грузиею и Карабагом”²⁰⁷. Шестого декабря 1806 г. Гудович отвечал Будбергу, что им “сделаны уже (он предлагал отложить назначение поста в Сальянах - Ф.Т.) все нужные распоряжения” на этот счет, в связи с чем был послан офицер генштаба “для избрания мест, где должны быть заняты посты козачьими командами”²⁰⁸. Впоследствии дорога от Баку до Тифлиса, Бакинская дорога, упоминалась в числе четырех главнейших торговых путей региона²⁰⁹. Этот путь проходил через Гянджу (Елисаветполь) и Шемаху²¹⁰. В этом направлении поддерживалась также связь с Эриванью. От Баку в северном направлении в “недальном расстоянии от берега” Каспия шла дорога в Кубу и Дербент²¹¹. Сухопутное сообщение с Ираном поддерживалось через Сальяны и Ленкеран, а также через Джевад²¹². В отчете бакинского губернатора за 1860 г. отмечалось, что для сближения Баку и Ленкерани в расстоянии по представлению губернского начальства было разрешено открыть “прямую дорогу по берегу моря”²¹³. С концом изучаемого периода связаны и проекты организации железнодорожного сообщения в крае, по которым Баку должен был занимать одно из ведущих мест в этом²¹⁴. Основным источником сообщения Баку с внешним миром являлся, конечно же, бассейн Каспия. Пути сообщения, проходившие по суше, служили своеобразным продолжением сношений посредством моря. Если учесть, что другим морским путем, соединявшим Закавказье с внутренней Россией и остальным миром было Черное море, а дорога через Каспий в то время могла считаться, по образному выражению одного из дореволюционных авторов, “внутренним путем, при том, благодаря впадающей в Каспий Волге, путем громаднаго значения”²¹⁵, то становится ясно какое значение имело каспийское

сообщение и роль в нем Баку в изучаемое время. В уже упоминавшемся письме министра иностранных дел Гудовичу говорилось также об учреждении “удобной и безопасной гавани” в Баку²¹⁶. В предписании Гудовича морскому чину от 3 декабря 1806 г. последнему давалось задание отправиться в Баку, где он должен был вместе с командиром эскадры на Каспии сделать осмотр и дать свои замечания²¹⁷. Другой документ также свидетельствует о том, что работы в этом направлении в Баку начались сразу же после завоевания города (речь шла о зондировании или измерении глубины и устройстве бухты)²¹⁸. В различного характера источниках подчеркивались преимущества бакинской гавани и рейда: тут и естественная защищенность бухты (два мыса и острова Нарген (Беюк-Зире), Вульф “Кичик-Зире) и Песчаный (Таза-Зире или Тоза-Зире) загораживали его) от волнений моря; обширность и глубоководность, дававшая возможность помещаться в гавани большому количеству судов, а также возможность близкой швартовки к берегу, в чем Баку имел преимущества перед Астраханью²¹⁹. Как указывал один из современников, “можно утвердительно сказать, что Баку есть как-бы самую природою указанный исходный пункт для морского сообщения чрез Каспийское море”²²⁰. Можно приводить множество цифр, отражающих посещаемость порта судами в исследуемое время, но, думается, это можно выразить словами современника: “Свежая провизия, вода, безопасный и спокойный рейд, город, начинающийся чуть ли не от самой воды, и сопряженные с этим разные удобства, так заманчивы для моряков, что редкий из них устоит от искушения зайти в Баку, хотя бы для этого надобно было сделать миль 70 крюку”²²¹.

В рассматриваемое время царское правительство в различные годы делало попытки с целью учреждения на Каспии пароходного сообщения. Некоторые данные позволяют утверждать с определенной долей уверенности, что уже в 1823-1826 гг. между Баку и Астраханью существовало пароходное сообщение. Так, профессор Эйхвальд, пробывший в Баку в 1825-начале 1826 гг., писал о том, что пароходы плавают из Баку в Астрахань “весьма удобно в 6 дней”²²². Советский исследователь Э.Истомина отмечала, что в 1823 г. МВД утвердило ходатайство об учреждении компании на паровое судоходство по Волге, Каме и Каспийскому морю, инициатором создания которой был некий моложский помещик Д.П.Евреинов. В ее состав входили, кроме самого Евреинова, обер-камергер Нарышкин, ген.-лейтенанты граф Воронцов и граф Комаров, тайный советник, граф Нессельроде, действительный тайный советник Уваров. Пароходы компании были заняты перевозкой провианта от Астрахани в “различные места по побережью Каспийского моря”. По приводимым Истоминой сведениям видно, что компания действовала и в 1825 г. - именно в этом году Евреинов, оказавшийся в “крупных долгах”, попросил у правительства в залог 2 пароходов денежную сумму, в которой ему было отказано²²³. Думается, что в число “различных мест” по побережью Каспия в

период действия этой компании входил и Баку, что стыкуется и с примечанием Эйхвальда, дающее нам право сделать заключение о существовании в этот промежуток времени пароходного сообщения между Баку и Астраханью для казенных надобностей.

Также неудачей закончилась кампания по учреждению пароходства, предпринятая для развития торговли в регионе и бассейне Каспия, и в конце 20-х-начале 30-х гг. XIX в.²²⁴. Рожкова объясняла это нежеланием астраханского купечества отправлять товары морским путем, что она связывала с укоренившимися привычками в способах торговли и упадком в тот период русской торговли с Ираном²²⁵. На наш взгляд, не вдаваясь в подробности мотивов купцов Астрахани, хотя это можно отнести и к ним, неудача каспийского пароходства во многом была связана, если говорить о Баку, так как здесь тоже делались вызовы желающим выехать в Астрахань на пароходе²²⁶, в результате чего корабль вышел из бакинского порта порожним, как и в рейсе из Астрахани²²⁷, с нежеланием бакинских судовладельцев сдавать свои позиции (выше мы связывали данное обстоятельство также с созданием артели судовщиков в тот же период) и соответствием морских перевозок парусными судами во временном отношении торговым операциям, как с внутренней Россией, так и с Ираном. Мысль об этом высказывалась одним из современников по поводу учреждения пароходной компании в конце 50-х гг. XIX в., но об этом чуть позже.

Летом 1846 г. открылось пароходное сообщение по Каспийскому морю²²⁸. Цель была прежняя - развитие торговли²²⁹ - однако на этот раз задача ставилась более глобально: “для облегчения политических и торговых сношений...с Азией”²³⁰. Заметим, что попытка связать центральноазиатский регион морским путем с Россией (Баку намечался как один из пунктов) предпринималась еще Ермоловым, когда он посылал в 1819 г. экспедицию Н.Н.Муравьева в Туркмению и Хиву²³¹. Военно-почтовые пароходы, заходившие в числе других каспийских портов и в Баку, находились в распоряжении морского ведомства, которое, “употребляя все расходы на содержание команд и самое плавание” получало “и сборы с пассажиров”. Наместник же занимался назначением пунктов плавания, а также “цен за провоз пассажиров и товаров”²³². Почтовые пароходы были устроены “собственно для пассажиров, которых число бывает весьма небольшое, и то большею частью из простого класса людей, занимающих третьи места”. Товары же нагружались “на особых баржах, буксируемых пароходами”²³³. В данном случае нас интересуют оценки, дававшиеся открытию пароходных линий, теми или иными должностными лицами. Так, если цитировать наместника Воронцова, то вырисовывается, что, “хотя расход на содержание их (пароходов - Ф.Т.) превышает доход, но за то казна вознаграждается другим путем...таможенными доходами, которые по одной Астраханской таможне от учреждения пароходства удвоились...не говоря уже о пользе в

торговом отношении»²³⁴. Он отмечал, что главная выгода от этого регулярного сообщения происходила для всех жителей, занимавшихся торговлей с Россией в Бакинском, Ленкоранском и Дербентском уездах, а также в шамхальском владении и Персии²³⁵, т.е. прикаспийского побережья. Астраханский военный губернатор Васильев докладывал военному министру Сухозанету в 1856 г., что “цель правительства в этом учреждении уже достигнута: почта доставляется исправно, пассажиры и товары перевозятся удобно и скоро, но все это куплено дорогою ценою”, и прилагал ведомость “ежегодного убытка, приносимаго почтовыми пароходами с самага начала их существования”, предлагая поручить перевозку морской паровой компании. Примечательно, что он обосновывал это следующим образом: “эти цифры (ведомости -Ф.Т.)...доказывают необходимость”²³⁶. То, что не все было ладно в функционировании пароводства видно из воспоминаний В.А.Инсарского, служившего директором канцелярии при наместнике Барятинском, который побывал в Баку в 1857 г. Он отмечал, что было “довольно жалкое” пароводство²³⁷. По его словам, “никогда не случалось, чтобы пароход приходил...на пятый день; что пароходы отходят из Астрахани и приходят в Баку, как Бог дает, совершенно случайно; что маленькие, плоскодонные эти пароводки ползут, как раки и при малейшей непогоде укрываются где нибудь и стоят там, тоже сколько случится...”²³⁸. Если вернуться к мнению астраханского губернатора, то становится ясно, что правительство, вернее, его определенные круги, сознавая необходимость поддержания пароводства на Каспии, старалось привлечь к этому частных лиц, переложив на них все заботы по его функционированию.

Вынашиваемая идея получила разрешение в 1858 г. Сначала 15 апреля 1858 г. учреждается акционерное “Общество пароводства и торговли по Каспийскому морю” под названием “Кавказ”, “с целью правильного и срочного сообщения” Кавказа и Закавказского края с приволжскими губерниями, “а равно для споспешествования торговле” Закавказья²³⁹. Двадцать первого мая царем утверждается устав акционерного “Соединенного Общества пароводства и торговли по Каспийскому морю, рекам Волге, Оке, Каме и их притокам” под вывеской “Кавказ и Меркурий”, т.е. происходит слияние общества “Кавказ” с созданным в 1849 г. пароводным обществом “Меркурий”²⁴⁰. Небезынтересно, что учредителем общества “Кавказ” и автором объединения двух обществ был председатель правления акционерного общества “Меркурий” Н.А.Новосельский, который также входил в состав учредителей “Закаспийского торгового товарищества”, созданного в 1857 г. для торговли “с Персиею и Среднею Азиею”²⁴¹, и, связанного, как известно, своей экономической деятельностью самым тесным образом с Баку. Таким образом, можно утверждать о сохранении преемственности в политических планах правительства, вкладывавшихся им в учреждение пароводства на Каспии, с определенной ролью в этом процессе в

тот период и города Баку. Что касается деятельности общества, открывшего свои действия во второй половине 1859 г., то как отмечалось в докладе бакинского губернатора за 1860 г., “не сопровождалась еще (действия - Ф.Т.) правильностью, аккуратностью и вообще успехом и даже возбуждали неудовольствие и ропот со стороны торговцев”²⁴². Дореволюционный автор, знаток морского дела, писал, что затрагивалось выше, о несоответствии скорости движения пароходов в то время самому ходу или процессу торговли, а точнее, устоявшимся срокам ее, в бассейне Каспия и “малой потребности каспийской торговли в паровых судах”²⁴³. Вероятно, сознавая эти обстоятельства, правительство отдало в виде субсидии обществу исключительное право на перевозку по Каспию казенного провианта сроком на 7 лет. Несмотря на то, что обзор деятельности пароходной компании выходит за временные рамки нашего исследования, целью двигавшей нами при приведении вышеуказанных факторов, является показ наиболее характерных моментов, которые были присущи в том или ином роде всему процессу введения пароходства на Каспии в изучаемое время.

На развитие морского сообщения Баку с остальными частями побережья Каспия, причем как коммерческого, так и военного, в исследуемый период были направлены меры, связанные с обеспечением безопасности и усовершенствованием судоходства, как, например, устройство маяка и пристаней в Баку; отдельных сооружений для морского ведомства; начало сооружения в 1855 г. военного порта; мероприятия по подготовке штурманов, о чем уже говорилось выше; предложения об устройстве в Баку адмиралтейства, механического заведения для ремонта пароходов, мортонна эллинга и т.п.²⁴⁴. Отметим, что почти все вышеперечисленное относится по времени к 50-м гг. XIX в., что вполне естественно, учитывая многие факторы экономического, географического, политического и административного характера. Завершая, следует сказать, что в Баку порт был учрежден в 1845 г.²⁴⁵, т.е. с этого времени он приобретает официальный статус и сопутствующие этому свои особенности. Азербайджанский исследователь А. Керимов, изучавший развитие судоходства и судоремонта в Азербайджане в 1850-1940 гг., писал, что Бакинский порт был построен в 1859 г.²⁴⁶, противоречащее приводимой нами дате, тем более, что не ясно о чем идет речь, так как военный порт еще только строился; подобное суждение неправомерно также потому, что портовые сооружения гражданского характера строились одновременно и в данном случае можно лишь говорить об учреждении и присвоении статуса, что и произошло в 1845 г.

Развитие средств связи и транспорта Баку в рассматриваемое время проистекало от указанных выше факторов (политических, экономических и т.д.) и было вызвано, в основном, этими потребностями, но, как бы то ни было, эти мероприятия оказали свое благотворное влияние на развитие города

в целом и способствовали последующему росту его значения и места уже в масштабах Российской империи.

1. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, с.60.
2. Алиев Ф.М. Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. Баку, 1960, (на азерб.яз), с.27.
3. НАИИ, инв. N 10.
4. Исмаил-заде Д.И. Население городов..., с. 135.
5. См.: Сумбатзаде А.С. Промышленность Азербайджана в XIX в. Баку, 1964.
6. См.: История Азербайджана. Баку, т.2, 1960.
7. См.: Ализаде А.М. Ремесло в Северном Азербайджане в первой половине XIX в. Автореф. канд. дисс. Баку, 1996 (на азерб. Яз).
8. Гугушвили П.В. Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX-XX вв. Тбилиси, т.1, 1957, с.37.
9. Егиазаров С.А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Часть II. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств. Казань, 1891, с. XXIV.
10. Левиатов В.Н. Очерки из истории..., с.61-62.
11. ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.21, лл.109-109-об.
12. АКАК, т. V. док. N 13, с.7.
13. Именно на 30-е гг. XIX в. приходится по времени существовавшая угроза промыслу бакинских судовщиков со стороны иранских жителей, принявших российское подданство, и, занимавшихся данным видом деятельности в Астрахани, а также первые попытки правительства в организации пароходства на Каспии, о чем будет говориться после. О конкуренции бакинцам со стороны иранского происхождения см.: ОРВЗК, ч.IV, с.76-77; Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 4,4, 1835, с. 177; Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сборник архивных документов. Ашхабад, 1963, док. N 212, с.300.
14. См.: Гугушвили П.В. Развитие промышленности...; Сумбатзаде А.С. Промышленность...
15. ОРВЗК, ч. III, с.125.
16. Там же.
17. ГИА АР, ф.174, оп.1, ед.хр.5.
18. См.: Путешествие проф. Эйхвальда..., с.148; Березин И. Путешествие..., с.21.
19. Егиазаров С.А. Исследования..., ч. II, с. 16-17.
20. Сарабский Г. Старый Баку, с. 121.
21. Березин И. Путешествие... приложения, статистическая таблица города Баку за 1841 год, с.9-10.

22. АКАК, т. VI, ч. 1, док. N 1333, с. 872.
23. Там же, с. 871.
24. См., например: Егиазаров С.А. Исследования..., ч. II, с. 14-16.
25. См.: Спасский-Автономов К. Баку, с. 303; Каспийская экспедиция К.М. Бэра..., с. 323.
26. Рьидзюнский П.Г. Городское гражданство..., с. 183.
27. Там же, с. 184.
28. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.- Л., 1949, с. 151.
29. Гугушвили П.В. Развитие промышленности..., т. 1, с. 71.
30. ГИА АР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 21, лл. 109-109об.
31. ГИА АР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 51, лл. 5об-26об.
32. История Азербайджана, т. 2, с. 61.
33. Егиазаров С.А. Исследования..., ч. II, с. 92.
34. Там же.
35. Там же, с. 183.
36. Рьидзюнский П.Г. Основные факторы... горообразования в России второй половины XVIII в. - В кн.: Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976, с. 120.
37. Там же, с. 119.
38. Булгаков М.Б. Развитие торгового огородничества на Белозерском посаде в XVII в. - В сб.: Проблемы социально-экономической истории феодальной России. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина, М., 1984, с. 120.
39. Там же, с. 121.
40. См.: Искендеров А.Г. Классовая структура городского и сельского населения Азербайджана в первой трети XIX в. - В сб.: Города Азербайджана в период капитализма (вопросы социально-экономической и культурной истории). Баку, 1987, с. 15.
41. Полянский Ф.Я. Городские ремесло и мануфактура в 42. России XVIII в. М., 1960, с. 7.
43. Кузнецова Н.А. Иран..., с. 125.
44. АКАК, т. VIII, док. N 105, с. 130.
45. НАИИ, инв. N 198, с. 108.
46. Бакинский уезд. - Кавказский календарь на 1852 г., с. 422.
47. ОРВЗК, ч. IV, с. 8.
48. Бакинский уезд, с. 422.
49. Там же.
50. ГИА АР, ф. 24, оп. I, ед. хр. 370, лл. 2, 149об. Иваненко В.Н. Гражданское управление..., с. 226.

51. См.: Бадаев С.Г. Нефть страны вечного огня. Краткий очерк из истории нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Азербайджана. Баку, 1969, с. 149; Советский энциклопедический словарь. М., изд. 4-ое, 1990, с.382.
52. Тузипкевич Ю.Т. Первая перепись..., с.252.
53. ГИА АР, ф.47, оп.1, ед.хр.3, лл.144об.-145.
54. Там же, ф.30, оп.1, ед.хр.16, л.113.
55. Спасский-Автономов К. Баку, с.304.
56. Путешествие профессора Эйхвальда..., с. 156.
57. ГИА АР, ф.47, оп.1, ед.хр.3, лл.143об.-145.
58. АКАК, т.Х. док. N 775, с.830.
59. Бакинский уезд, с.423.
60. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.9. Кавказ. СПб-М., 1883, с.227.
61. ГИА АР: ф.47, оп.1, ед.хр.3, лл.244об-245, 247об.
62. См.: Сумбатзаде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958, с.94-97; Мусаев М.А. Торговля города Баку в XIX в. (1800-1883 гг.). Баку, 1966 (на азерб.яз).
63. Егиазаров С.А. Исследования..., ч.II, с.60-61.
64. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, М., изд.2, т.25, ч.2, с.473.
65. ГИА АР, ф.36, оп.1, ед.хр.168, лл.41-41об.
66. Там же, л.41об.
67. Там же, ф.10, оп.1, ед.хр.42, лл.221, 243-244об. См. также: ПСЗ-11, СПб., 1852, т.26, отд.второе, N 25709. с.84,87.
68. ГИА АР, ф.10, оп.1, ед.хр.42, л.224.
69. Там же, ф.44, оп.2, ед.хр.87, л.50об.
70. НАИИ, инв. N 1664, л.371.
71. См.: Рожкова М.К. Экономическая политика...,с.108.
72. Там же, с.110. Указ 30 мая 1834 г. о раздаче земель под садоводство в Закавказском крас. - См.: Замечания о Закавказском крае. - Журнал Министерства внутренних дел, СПб., N 9, сентябрь, 1834, с.387.
73. Березин И. Путешествие...,с.31.
74. Там же, с.34.
75. Филиппов. Описание города Баку..., с.152-153.
76. Спасский-Автономов К. Баку, с.304
77. Исмаилов М.А. Экономическая политика царизма в Азербайджане в 30-60-х гг. XIX в. Автореф.канд.дисс.Баку, 1988, с. 15.
78. ГИА АР, ф.29, оп.1, ед.хр.57, лл.11-12об.
79. См.: ОРВЗК, ч.IV,с.60; Березин И. Путешествие..., с.32; ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.32об.
80. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.33.

81. ОРВЗК, ч.IV, с.61.
82. Бакинский уезд, с.423. Бакинские арбы отличались от других таких в крае тем, что имели 2 колеса огромного размера и запрягались не волами, а лошадьми. - См.: Дюкруаси И. Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края. - Записки КОИРГО. Тифлис, книжка I, 1852, с. 163-164. Заметим, что арбы с такими колесами были приспособлены к езде по песчаной местности. - См.: Алигусейнов М.А. Прошлое и настоящее азербайджанской нефти. Баку, 1987, с.40.
83. Березин И. Путешествие...,с.32.
84. ГИА АР, ф.45, оп.2, сд.хр.77а, лл.13-13об.
85. Березин И. Путешествие..., приложения, с. 10.
86. ОРВЗК, ч.IV, с.61; Бакинский уезд, с.423.
87. Березин И. Путешествие..., с.32.
88. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.30.
89. См.: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с.271; История Дагестана, т.2, с.41.
90. АКАК, т.III, док. N 666, с.358.
91. Там же, т.V, док. N 398, с.343.
92. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, лл.35-35об.
93. Каспийская экспедиция К.М.Бэра..., с.205.
94. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.277, л.14об.
95. Там же, лл.14-14об.
96. См.: ПСЗ-I, т.36, N 27617, с.5-6; т.43, часть вторая, книга штатов, к N 23902, табл III, с.262.
97. Егиазаров С.А. Исследования..., ч.II, с.90.
98. Гугушвили П.В. Развитие промышленности..., т.1, с.53.
99. ОРВЗК, ч. III, с.120; ч.1Я, с. 184.
100. Сумбатзаде А.С. Промышленность..., с.67.
101. Гугушвили П.В. Развитие промышленности...,т.1, с. 136.
102. Спасский-Автономов К. Баку, с.306.
103. См.: АКАК, т.V, док. N 95, с.81-82; Березин И. Путешествие..., с.38.
104. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.30.
105. НАИИ, инв. N 198, с. 108.
106. Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности /20-50-е годы XIX в./. М., 1968, с.105-106.
107. Гулишамбаров Ст. Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии. Тифлис, 1890, с.263.
108. Сумбатзаде А.С. Промышленность..., с.59-60.
109. Там же, с. 116.
110. ОРВЗК, ч.IV, с.50.
111. ГИА АР, ф.247, оп.1, ед.хр.23, лл.28-29.

112. Документы по истории Баку 1810-1917. Баку, 1978, док. N 75, с.175. См.также: ГИА АР, ф.24, оп.1, ед.хр.158.
113. Гулишамбаров Ст. Обзор...,с.259.
114. Егиазаров С.А. Исследования..., ч.II, с.82.
115. Гугушвили П.В. Развитие промышленности..., т.I, с.46.
116. Петриченко К. Каспий..., с.71.
- 117.Березин И. Путешествие..., с.38.
118. Гугушвили П.В. Развитие промышленности...,т.I, с. 126.
119. Там же.
120. См.: Березин И. Путешествие..., с.38; Спасский-Автономов К. Баку, с.306.
121. Березин И. Путешествие..., с.38.
122. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.37, лл.1,19.
123. Там же, л.20об.
124. Там же, л.46об.
125. Егиазаров С.А. Исследования..., ч.II, с.81.
126. См.: Гулишамбаров Ст. Обзор..., с.241.
127. Спасский-Автономов К. Баку, с.304.
128. ОРВЗК, ч.III, с.42.
129. Сумбатзаде А.С. Промышленность...,с.292.
130. ГИА АР, ф.24, оп.I, ед.хр.370, лл.3, 149об.
131. Там же, ф.30, оп.I, ед.хр.1, л.3об.
132. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, лл.35об-36.
133. См.: Спасский-Автономов К. Баку, с.303; Петриченко К.Каспий..., с.71.
134. ОРВЗК, ч IV, с.75.
135. Там же.
136. Березин И. Путешествие..., с.24.
137. АКАК, т.XI, док. N 817, с.809.
138. Петриченко К. Каспий..., с. 176.
139. АКАК, т.VI, ч.2, док. N1039, с.681.
140. Там же.
141. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке...,с.309.
142. Березин И. Путешествие..., приложения, с. 10.
143. ГИА АР, ф.202, оп.1, ед.хр.260, л.77.
144. Там же, ф.32, оп.1, ед.хр.159, т.I, лл.126-127. О контроле со стороны морского начальства за ходом строительства судов см. так же: АКАК, Гiv, док.N 863, с.574-575.
145. АКАК, т.VII, док. N 142, с. 188.
146. Спасский-Автономов К. Баку, с.308.
147. АКАК, т.XII, док. N 527, с.603.
148. ОРВЗК, чIV, с.74.

149. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке..., с.305. См. также: Мустафаев Дж.М. Азербайджано-русские отношения на рубеже XVIII-XIX вв. Автореф.канд.дисс. Баку, 1983, с. 15.
150. См.: АКАК, т.ХII, док. N 527, с.603.
151. Петриченко К. Каспий..., с.75.
152. АКАК, т. VIII, док. N 71, с. 107.
153. Петриченко К. Каспий..., с. 185.
154. Там же, с. 184.
155. ОРВЗК, ч.IV, с.74.
156. Там же, с.75.
157. Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период. М, 1991, с.63.
158. Петриченко К. Каспий..., с. 185.
159. ОРВЗК, ч.IV, с.75.
160. Государственная внешняя торговля в разных ее вилах за 1848 г СПб., 1849, с.XV.
161. АКАК, т. XI, док. N 817, с.795.
162. Там же, т. X. докN. 775, с.832.
163. Филиппов. Описание города Баку..., с.151.
164. АКАК, т.ХII. Отчет ген.-фельдмаршала кн.А.И.Барятинского за 1857-1859 гг., с.1306.
165. Там же.
166. Петриченко К. Каспий..., с. 184-185.
167. Колониальная политика..., ч. II, док. N 30, с.300.
168. Петриченко К.Каспий..., с.71, См. также: Он же. Некоторые сведения о портах Каспийского моря. - Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, т.2, 1872, с.65; ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, лл.6-6об; НАИИ, инв. N 198, с. 106; Березин И. Путешествие..., с.22; Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1846 г. СПб., 1847, с.157, Государственная внешняя торговля... за 1847 г. СПб.,1848, с. 157. Государственная внешняя торговля...за 1848 г., с.157.
169. Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., т.1, 1863, с.192.
170. ГИА АР, ф.44, оп.3, ед.хр.24, л.41.
171. Там же, лл.41-41об.,42.
172. Там же, лл.50об-51.
173. См.: Исмаилов М.А., Ибрагимов М.Дж. История нефтяной промышленности Азербайджана в дореволюционный период. Баку 1991.
174. См.: Мусаев М.А. Торговля города Баку...
175. Петриченко К. Каспий..., с. 177.
176. Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки. М., 1978, с.71.

177. Там же, с.78.
178. См. например: ГИА АР, ф.247, оп.1, ед.хр.5, лл.28об.,30об.
179. Там же, ф.36, оп.1, ед.хр.145, лл.181об-182; Колониальная политика..., ч.1, док. N 5, с. 107.
180. См.: Бахтадзе И.Л. Податное обложение государственных крестьян Закавказского края. - Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, т.1, 1887, ч.3, с.33.
181. Исмаилов М.А. Экономическая политика..., с. 14.
182. См.: Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). М., 1960, с.66-67; Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII-XIX вв. М., 1991, с.136-137.
183. ОРВЗК, ч.III, с.69.
184. НАИИ, инв. N 1664, л.371.
185. Хромов П.А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967, с.269.
186. Демкин А.В. Откупа как форма накопления капитала в России XVII в. - В кн.: Проблемы социально-экономической истории..., с.150.
187. Хромов П.А. Экономическое развитие..., с.271.
188. АКАК, т. VIII, док. N 64, с.95.
189. Рожкова М.К. Экономическая политика..., с.96-99.
190. Спасский-Автономов К. Баку, с.305.
191. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.75, л.5.
192. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, с.155-156.
193. АКАК, т. III, док. N 59, с.36-37.
194. Гусейнов Т.К. Развитие связи в Азербайджане. Баку, 1965, с.11.
195. Материалы по истории связи в России (XVIII-начало XX вв.). Обзор документальных материалов. Л., 1966, с.23-24.
196. Путешествие профессора Эйхвальда..., с. 176-177.
197. АКАК, т. VIII, док. N 1, с. 12.
198. ГИА АР, ф.267, оп. I, ед.хр. I, лл.36об-38.
199. Там же, ед.хр.3, лл.62-62об.
200. Там же, ед.хр.10, л.39; ПСЗ-II, СПб., 1841, т.15, отд.первое. N 14087, с.847.
201. ГИА АР, ф.255, оп. I, ед.хр. I, лл.104-105об.
202. Там же, ф.267, оп. I, ед.хр.10, л.37об; ПСЗ-II, т.15, отд.второе, штаты, к N 14087, с.711.
203. ГИА АР, ф.255, оп. I, ед.хр.4, лл.31об.,32об.
204. Там же, ф.267, оп. I, ед.хр.3, л.17об.
205. Материалы по истории связи..., с. 17.
206. Фон-Гребнер А.В. Торговые дороги Закавказья. СПб., 1896, с.20-22,26.
207. АКАК, т. III, док. N 1184, с.703.

208. Там же, док. N 1185, с.704.
209. Дюкруази И. Краткое описание..., с. 150-151. См.также: АКАК, т.V. док. N61, с.37.
210. АКАК, т.VII, док. N 142, с. 188.
211. Дюкруази И. Краткое описание..., с.163; ОРВЗК, ч.IV, с.36.
212. ОРВЗК, ч.IV, с.38.
213. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, л. 18.
214. См. об этом подробно: Алиев Г.А. Развитие транспорта в Северном Азербайджане в XIX-иачале XX вв. Баку, 1995 (на азерб.яз.), с.28-32,34.
215. Фон-Гребнер А.В. Торговые дороги..., с.27. Ф.Энгельс в своей статье от 1857 г. писал: "Сам Каспий неоспоримо является русским внутренним морем". - См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., изд. 2, т. 12, 1958, с. 129.
216. АКАК, т.III, докN 1184, с.703.
217. Там же, док.N 648, с.350.
218. НАИИ, инв. N 226, л.1.
219. См.: Березин И. Путешествие..., с.22; Филиппов. Описание города Баку..., с. 146,157; Путешествие профессора Эйхвальда..., с.148; Дюкруази И. Обзор торговых пунктов Закавказского края. - Кавказский календарь на 1849 г. Тифлис, 1848, с.70; Сиасский-Автономов К. Баку, с.296-297; Петриченко К. Каспий., с.68,70; Он же. Некоторые сведения..., с.65; Зейдлиц Н. Бакинская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 по 1864 гг. Тифлис, LXV, 1870, с.21; Пущин Н. Каспийское море. Гидрографическое описание и руководство для плавания. СПб., 1897, с. 130; НАИИ, инв. N198, с.106.
220. Петриченко К. Некоторые сведения..., с.65.
221. Он же. Каспий..., с.68-69.
222. Путешествие профессора Эйхвальда..., с. 186.
223. Истомина Э.Г. Водный транспорт..., с.48.
224. См.: АКАК, т.VII, док. N 117, с.156-157, N119, с.160, N 837, с.853-854, N 839, с.855-858; ГИА АР, ф.30, оп.I, ед.хр.I, л. 16.
225. Рожкова М.К. Экономическая политика..., с. 160.
226. ГИА АР, ф.30, оп.I, ед.хр.I, л.18об.
227. Рожкова М.К. Экономическая политика..., с. 159.
228. ПСЗ-II, СПб.,т.23 отд.первое, 1849, N 22208, с.275.
229. Русско-туркменские отношения..., док. N 259, с.363.
230. Там же, док.. N 280, с.391.
231. См.: Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в). М., 1974, с. 104,109.
232. АКАК, т.X. док.К 303, с.303-304.
233. Там же, с.304.
234. Там же, с.303.

235. Там же, Отчет кн.М.С.Воронцова за 1849-1851 гг., с.891. См.также: Там же, Отчет кн. М.С.Воронцова за 1846-1848 гг., с.861.
236. Там же, т.ХI, док. N 817, с.811.
237. Из Кавказских воспоминаний В.А.Йнсарского. Поездка в Баку (1857г.). - Русский архив, N 3, 1868. с.478.
238. Там же, с. 487
239. ПСЗ-II, СПб., т.33, отд. первое, 1860, N 32998, с.444.
240. Там же, N 33174, с.652.
241. АКАК, т.ХII, док. N 518, с.591.
242. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, лл.3-3об. См. также: Петриченко К. Каспий..., с.88.
243. Петриченко К. Каспий..., с.88, 177-178, 187-188.
244. См.: ГИА АР. ф.202, оп.1, ед.хр.95, л.38; АКАК, т.ХI, N 817, с.795; т.Х. Отчет кн.М.Воронцова за 1849-1851 гг., с.891, N 303, с.304, N 306, с.306, N 307, с.308; Петриченко К. Каспий..., с.70- 71 и др.
245. Военный энциклопедический лексикон. СПб. т.II, 1853, с.61.
246. Керимов А.К. Развитие судоходства и судоремонта в Азербайджане (1850-1940 гг.). Автореф.канд.дисс. Тбилиси, 1980, с.11.

ГЛАВА IV

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Развитие системы просвещения и здравоохранения в Баку в интересующий нас период проходило в русле общей политики царизма в Закавказье в этом направлении и служило, в конечном итоге, укреплению здесь его позиций.

Данное обстоятельство наглядно проявляется в вопросе образования, к решению которого царизм приступил сразу после заключения Туркменчайского трактата. Один из зачинателей преобразований в крае, граф Паскевич в своем рапорте царю от 24 апреля 1830 г. писал: “Нет сомнения, что жители Закавказских провинций наших мало еще образованны; что управление Российское в настоящем их положении будет для них ново (имеются в виду предполагаемые преобразования - Ф.Т.). Но причина малаго их просвещения - закоренелость в прежних привычках и нравах...Соглашаясь, что управление военное имеет более средств владеть необузданным характером народа, нельзя не признать однако-же, что оно, питая дух воинственный, замедляет образование и ход просвещения; напротив того, управление гражданское скорее умягчит нравы и вернее приучит к познанию взаимных отношений, общественных обязанностей и законов”¹. С этим высказыванием главноуправлявшего перекликается мнение составителей “Обозрения российских владений за Кавказом”, что не случайно, учитывая их общую направленность в тот период: “Русские смотрят на этот край, исключая Грузии, как на завоевание, а сами туземцы видят в них - победителей. Отсюда это равнодушие в первых, которое проявляется везде, - и внутреннее отчуждение во вторых, которое иногда обнаруживалось. Можно ли же достигнуть чего либо без взаимной доверенности?”².

Таким образом, можно констатировать, что открытие учебных заведений российской школы в Северном Азербайджане, в том числе и в Баку, нужно рассматривать вкпе, т.е. сквозь призму видения места этого региона в составе Российской империи, а не только как форму “подготовки отвечающих местным условиям преданных самодержавию чиновников”, исходя из мнения азербайджанского ученого Н.Таирзаде³, всесторонне исследовавшей систему обучения в Азербайджане в интересующее нас время, которая, нужно заметить, при этом отмечала, что это в “итоге должно было способствовать укреплению его /т.е. правительства -Ф.Т.) политических и экономических позиций в Закавказье”, и, что “русская система образования должна была стать одним из основных каналов русификаторской политики царизма в Закавказье”⁴.

Второго августа 1829 г. царем было утверждено “Положение о Закавказских училищах” (было распубликовано от Сената 20 августа)⁵. По нему в Баку, в числе прочих городов края, учреждалось двухклассное уездное училище с подчинением смотрителя его директору Тифлисской гимназии, который являлся вместе с тем директором всех закавказских училищ. Последний, в свою очередь, состоял в “непосредственном ведении” главноуправляющего Грузией, принимавшего на себя обязанности “Главнаго местнаго Училищнаго Начальства”. Училища должны были руководствоваться этим положением, а “во всех прочих, не означенных здесь случаях” на основании имперского Общего устава гимназий и уездных училищ от 8 декабря 1828 г. Училища учреждались для детей “всякаго свободного состояния”⁶. Отметим, что, как отмечалось в исторической литературе, уездные училища предназначались для детей купцов, ремесленников и других городских обывателей, гимназии же - для детей дворян и чиновников⁷. В этом отношении, говоря о Бакинском уездном училище, усматривается фактически равенство между сословиями, так как здесь совместно обучались дети всех сословий города. В каждое из училищ полагалось по два учителя, один из которых являлся также смотрителем, а “сверх того” при училище должен был находиться “Законоучитель из духовных лиц того исповедания, к которому принадлежат жители, обучающий вместе с местному языку”⁸. Учебным предметам, предназначенным для преподавания в уездных училищах Закавказья, на изучение в обоих классах отводилось: закон Божий - 12 часов в неделю; русский язык - 12 ч. в неделю; местный язык - 6 ч. в неделю; чистописание - 9 ч. в неделю; начала арифметики (четыре первые действия) - 9 ч. в неделю⁹. В самом положении предусматривалось также чтение¹⁰. По бюджету училища были предусмотрены также ассигнования на библиотеку и учебные пособия, а также награды ученикам¹¹. По окончании училища ученики могли по желанию продолжать обучение в Тифлисской гимназии. В положении отмечалось, что уездные училища Закавказья “имеют вообще те же права и преимущества, какия дарованы заведениям сего рода в Российских Губерниях”¹². Не лишнем будет заметить, что, по мнению дореволюционного автора исторического обзора деятельности Министерства народного просвещения России, курс закавказских училищ приближался в это время к курсу приходских училищ по уставу 1828 г.¹³, т.е. низшей ступени общеобразовательной школы. Вместе с тем подобное расписание предметов было шагом вперед по сравнению с мнением тифлисского военного губернатора, управлявшего гражданской частью в Грузии ген.-адъютанта Сипягина, выраженном в его отношении министру народного просвещения адмиралу Шишкову от 10 октября 1827 г., который предлагал предметы преподавания в мусульманских провинциях, в отличие от мест, “заселенных Грузинами и Армянами”, в которых был более широкий перечень

намечавшихся к преподаванию предметов, ограничить изучением “татарского” и русского языков¹⁴.

В Баку уездное училище было открыто 17 января 1832 года¹⁵. С жителей Баку “на расходы при открытии народного училища” было исчислено сбора на земские повинности за 1831 год в размере 34 руб. 15 коп. серебром¹⁶. Как становится ясно из отношения кавказского начальника барона Розена министру народного просвещения С.С.Уварову от 8 февраля 1834 г., Бакинское уездное училище не пользовалось особым успехом у местного населения. Здесь обучалось всего 29 учеников. Розен писал, что “не смотря на большое число” здесь беков, “до сего времени немногие из них думают об образовании детей своих, то сие происходит по невежеству сего высшего сословия и по преподаванию в тамошних училищах (кроме Бакинского, такая ситуация была характерна и для некоторых других уездных училищ Северного Азербайджана - Ф.Т.) их языка и Корана, посему и обучаются в оных почти одни дети Русских чиновников”¹⁷. Как видим, преподавание языка и религии, несмотря на предусмотренность их в положении 1829 г., не производилось, вероятно, ввиду вакантности должности, что, в свою очередь, могло объясняться политикой властей или же противодействием мусульманского духовенства. В данном случае причиной малого количества учеников в Бакинском уездном училище в тот период являлось именно это. Если же говорить о “невежестве” высшего сословия, то тут уместно будет привести замечание современника: “Бакинцы образованием своим превосходят всех прочих За-Кавказских обитателей, хотя оно состоит только в знании читать и писать, по-Фарсийски, и весьма редко по-Арабски. Чтение их составляют книги, содержащая Персидскую историю, смешанную с баснословием, разныя сказки, объяснения Корана. Очень немногие знакомы с творениями Саади, Гафиса... Распространение языка Русскаго между жителями города весьма приметно и делает приятное впечатление на каж-даго Россиянина”¹⁸. Как видим рассуждение о “невежестве” не применимо не только к представителям привилегированных сословий, но и к остальным слоям населения Баку, большинство которого, как усматривается из приведенного выше, было образованно соответственно своему времени. Кроме того, была сильна и тяга к традиционному виду обучения, о чем будет говориться после. Интересно, что в это время, а именно 20 февраля 1832 г. появляется проект учреждения мусульманского училища, составленный виднейшим представителем азербайджанского Просвещения Аббас-Кули-агой Бакихановым, предлагавшего открыть его в Баку, “которое представляет много удобств по торговым отношениям сводим, споспешествующим просвещению”¹⁹. Ни чуть не желая ущемить масштабность, имея в виду значение проекта для всего Кавказа, замыслов Бакиханова, видевшего “первый шаг” к просвещению в учреждении училища, а также отмечаемое им положение Баку, на наш взгляд, в появлении проекта сыграло свою роль и

малоэффективность открытого к тому времени в Баку уездного училища (несомненно, что Бакиханов был в курсе состояния дел и в других училищах), что, возможно, навело просветителя на мысль об учреждении, своего рода, типового учебного заведения в Баку, могущего впоследствии стать примером для всего Закавказья, и способствовать приобщению населения к новому виду образования на фоне недостатков уже созданных уездных училищ. Проект Бакиханова предусматривал 4-х классное (в основном, должно было быть 3 класса) общеобразовательное обучение наряду с преподаванием основ религии²⁰. Проект тогда остался на бумаге, но впоследствии многие его пункты были использованы позднее при составлении представителями царской администрации типового проекта закавказских мусульманских училищ²¹. В уже упомянутом выше отношении Розена Уварову, первый поднимал вопрос перед правительством о реорганизации существующей системы образования в крае, и сделать училища 3-х классными. Розен отмечал: “А как большая часть учащихся в сих училищах, принадлежит к дворянскому и коммерческому сословию, что видно из...таблицы (прилагалась таблица - Ф.Т.), то круг учения, в сих заведениях определенный, оказывается недостаточным”²². Советский исследователь Окунь приводил указание царя Николая I, связанное с этим: “Для сего (речь шла о соответствии уровня образования социальному положению учащегося - Ф.Т.) необходимо, чтобы повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности сообразуемы с будущим вероятным предназначением обучающихся”²³. Проект Розена предусматривал, кроме прочего, введение изучения в Баку в качестве “местного” языка также и армянского²⁴.

Двенадцатого мая 1835 г. царем было утверждено новое “Положение о закавказских училищах”, которое вступало в силу с 1 января 1836 г.²⁵. Подчинение училища и прием в него по положению были такими же, как и в предыдущем²⁶. Обучение становилось трехклассным, при котором первый “или низший” класс являлся подготовительным. Количество учителей увеличивалось до 5-ти человек, один из которых должен был еще исполнять обязанности штатного смотрителя училища. По положению во всех закавказских училищах для преподавания назначались следующие предметы: закон Божий, “Российская Грамматика”, география, история, арифметика и начала геометрии, чистописание, черчение, рисование и “местные” языки (в Баку назначались “татарский” и армянский). По этому положению учебные предметы в “высшем” классе училищ должны были преподаваться на русском языке, “в низших же двух дозволяется объяснять оные на языках местных”²⁷. Сохранялась преемственность с предыдущим положением по поводу приема учеников в уездные училища Закавказья.

Восемнадцатого декабря 1848 г. было Высочайше утверждено “Положение о Кавказском учебном округе”. Вводилось оно в виде опыта сроком на 3 года. Округ делился на 5 училищных дирекций: уездное училище

в Баку состояло в ведомстве Шемахино-Дербентской (училища Шемахинской и Дербентской губерний) дирекции²⁸. Один из дореволюционных авторов отмечал, что с открытием округа начался “правильный” ход учебного дела в крае²⁹. Попечитель округа был вместе с тем членом Совета Главного Управления Закавказским краем. Пользуясь всеми правами, предоставленными попечителям других округов России, он входил с представлениями не к министру народного просвещения, а к кавказскому наместнику³⁰. Уездные училища КУО состояли из 3-х классов: одного “приходского или приготовительного” и двух “собственно уездных”. Плата за обучение не взималась. Крестьяне “казенные, церковные и помещичьи” в училище не принимались³¹. Предметами преподавания в уездных училищах являлись: закон Божий, т.е. краткий катехизис и краткая “Священная История”, “Русский язык и российская грамматика”, “местный” язык, арифметика “до тройного правила” включительно, “начальная основа” географии, краткие понятия о “канцелярском обряде” и чистописание³². В Бакинском уездном училище, по штату которого полагались штатный смотритель и 3 учителя, были также назначены к преподаванию “татарский” язык и Коран (один учитель) и армянский язык и основы армяно-григорианского исповедания (один учитель) - итого 5 преподавателей³³. Обучение “местному” языку, в нашем случае “татарскому”, т.е. азербайджанскому, было обязательно для всех учеников уездного училища, а армянскому - одним лишь армянам. В первом классе преподавание должно было быть “преимущественно” по методу Ланкастера³⁴ (т.н. Белл-Ланкастерская система взаимного обучения в начальной школе, при которой старшие и более знающие ученики под руководством учителя вели занятия с другими учащимися; названа так в честь разработчиков - английских педагогов А.Белла и Дж.Ланкастера - Ф.Т.). Однако, как свидетельствуют архивные документы начала 50-х гг. XIX в., ланкастерский метод в тот отрезок времени по Бакинскому уездному училищу не вводился в полном объеме из-за малочисленности учеников 1-го класса (до увеличения числа учеников в 1-ом классе совет учителей Бакинского училища в марте 1850 г. просил дозволения дирекции училищ продолжать учение по “обыкновенному” методу и ввести вместо 8-ми отделений первого класса, предусматривавшихся ланкастерским методом, 3 отделения, которые по делению должны были соответствовать вышеуказанным 8-ми³⁵, а в отчете штатного смотрителя училища за 1852 г. примечалось, что метод еще не введен в полном объеме, но преподавание в 1-ом классе “близко к ней приспособлено”, имея в виду, вероятно, предлагавшиеся учителями училища к введению 3 отделения³⁶). В положении 1848 г. были предусмотрены и привилегии для различных слоев населения. Так, ученики уездных училищ из высшего сословия, окончившие с “успехом”, пользовались “правом производства, по выслуге узаконенная срока, в первый классный чин без экзамена, и преимущественно пред другими” поступать в должности канцелярских служителей в уездные

учреждения, а лица “торгового сословия”, тоже с “успехом” закончившие, избавлялись от телесных наказаний³⁷. Подобный “протекционизм”, конечно же, должен был служить привлечению учащихся в русские уездные училища. Вместе с тем, данными мерами можно было сдерживать отток учащихся, а также отстаивать их права при трудоустройстве. Из рапорта штатного смотрителя Бакинского уездного училища Городенского управляющему Шемахино-Дербентской дирекции училищ Коваленскому от 27 августа 1851 г. видно, что имелись случаи принятия на работу “для переписки бумаг” в “присутственные” места не окончивших полный курс училища, ставя в “немалое затруднение” учеников, окончивших полный курс, при поисках работы. Смотритель отмечал также, что принятие таких учеников на службу “в последствии бесполезно как для определяющихся, так и для определяющих их мест, и как вредно для Училища”. Еще в 1842 г. смотритель просил уездного начальника, который вместе с тем был и почетным смотрителем училища (этот пост предусматривался во всех “Положениях”) о “предпочтительном принятии на службу тех туземных жителей, кои окончили полный курс наук в Училище, и имеют от Училищного Начальства свидетельство в своих познаниях и доброй нравственности”³⁸, но несмотря на соответствующее распоряжение в то время уездного главы³⁹, “некоторые присутственные места и лица”, не будучи подчинены уездному начальнику, считали себя вправе не исполнять распоряжения начальника уезда, в связи с чем смотритель ходатайствовал об этом (в том числе “противу...в особенности людей, наезжающих из России всякого звания и сомнительного поведения”) перед управляющим дирекцией⁴⁰.

Как явствует из ведомости Бакинского уездного училища за 1852 г., училище к тому времени располагалось в каменном одноэтажном здании, расположенном на форштадте “в первой линии” частных строений, и построенном в 1846 году⁴¹ (строительство училищного дома было начато в 1838 г.⁴²).

У Бакинского уездного училища была своя библиотека. Из источника за 1846 г. усматривается, что из хранившихся в 15-ти закавказских уездных училищах книг (в общем, вместе с Баку - 3815 томов), больше всего находилось в Бакинском училище - 746 томов⁴³. Ведомость Бакинского уездного училища за 1852 г. позволяет судить нам о качественном и количественном составе училищной библиотеки за тот период. Всего было 426 книг “разного названия”, томов же - 875, из них: на русском - 823, на французском, немецком и английском языках - 28, на “азиатских” (т.е. восточных - Ф.Т.) языках - 24 тома, а также “сверх того неполных и разрозненных сочинений на разных языках 107 томов”⁴⁴. Накопление книг, по той же ведомости, происходило в тот год путем их покупки и посредством пожертвований⁴⁵. Книги присылались из Шемахино-Дербентской дирекции училищ и книжного магазина Тифлисской гимназии⁴⁶. В училище

практиковалась продажа книг ученикам, а также раздача их “безденежно бедным” из них⁴⁷.

Двадцать девятого октября 1853 г. царем было утверждено новое положение о Кавказском учебном округе (указ был опубликован 26 ноября). Оно также вводилось в виде опыта на 4 года и предусматривало “сблизить устройство учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено по подобным заведениям внутренних губерний и таким образом постепенно ввести на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного образования, которая существует в прочих частях государства”. КУО разделялся на четыре дирекции училищ, в том числе Тифлисскую, которая заведовала учебными заведениями Тифлисской, Шемахинской и Дербентской губерний, и поэтому, естественно, Бакинское уездное училище подпадало под юрисдикцию этой дирекции⁴⁸. Многие статьи положения 1853 г. повторяли, в основном, таковые по положению 1848 года (по штатному и почетному смотрителям, о ланкастерском методе, преподавании азербайджанского и других языков и основ религий, плате за обучение)⁴⁹. Уездные училища, как и прежде состояли из подготовительного и 2-х уездных классов, “по мере же усиления денежных средств” могли быть учреждены третьи уездные классы. Курс училища, “впредь до учреждения в оных третьяго уезднаго класса”, полагался двухгодичный для каждого из двух высших классов; по открытии же третьего уездного класса, продолжительность курса для каждого класса назначался один год⁵⁰, т.е. срок обучения в уездном училище определялся в пять лет, с учетом подготовительного класса. Из предметов преподавания по сравнению с положением 1848 г. отсутствовал предмет о “канцелярском обряде”, но были вновь введены начальные понятия геометрии и “краткий очерк всеобщей, Русской и местной” истории⁵¹. В положении было закреплено право поступления в училище лиц свободного состояния. Вплоть до конца рассматриваемого периода фактически действовало положение 1853 г. (срок его действия истек в конце 1857 г., проект же нового положения был представлен в 1858 г. наместнику А.И.Барятинскому, который в результате различных обстоятельств вернул его попечителю учебного округа для доработки лишь в 1859 г.⁵²).

Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что Бакинское уездное училище обращало на себя внимание главного начальства учебного округа “в отношении преподавания и успехов учеников и отличающаяся особенною тщательностью в хозяйственном отношении” за различные годы, как, например, за 1852 г., 1855 г., 1858 г.⁵³.

После разрушительного землетрясения 1859 г. в г. Шемахе 21 июня того же года находившееся там губернское высшее 4-х классное училище и благородный пансион при нем по предписанию дирекции было перемещено в Баку⁵⁴. Как становится известно из документа, датированного 10 ноября 1859 г., наместник “изъявил” согласие на временный перевод Шемахинского высшего

училища в Баку, а существовавшего здесь уездного училища - в г. Шемаху⁵⁵. Как видим, перевод училища составлял часть плана наместника по возведению города Баку в степень губернского центра. Но сравнительный анализ архивных документов показывает, что в этом деле, как и в общем перемещении центра губернии из Шемахи в Баку, существовали определенные трудности, связанные с противодействием шемахинских жителей, о чем уже говорилось, в данном случае, вероятно, из-за изменений в ходе образования их детей, обучавшихся в этом высшем училище. Так, в учебном отчете за 1860 г. говорится, что училище и благородный пансион при нем были временно переведены из Шемахи 21 декабря 1859 г. и окончательно утверждены в Баку по распоряжению наместника 27 июня 1860 года⁵⁶. На наш взгляд, речь идет здесь, конечно же, об официальной стороне дела, так как Шемахинское училище уже было переведено в Баку, что было видно из вышеуказанного документа с указанием конкретных мест его размещения в городе. В этом случае наглядно проявляется вышеизъясненная ситуация, так как указ о назначении Баку губернским городом был дан 6 декабря, а опубликован 22 декабря 1859 г., т.е. даже в это время кавказское начальство старалось решить вопрос с местопребыванием училища (по положению 1853 года только в губернских городах уездные училища могли преобразовываться в высшие 4-х классные училища⁵⁷) по возможной мере безболезненно. В связи с этим решением произошел естественно и перевод уездного училища из Баку в Шемаху, точнее сказать, его названия и статуса, потому что ученики бывшего Бакинского уездного училища вошли в состав высшего училища (число учащихся по отчету за 1860 г. составляло на начало 1860 г. 95 чел., в это число вошли и 28 пансионеров, обучавшихся за счет казны, без таковых же, обучавшихся за свой счет)⁵⁸.

Другим и основным, по охвату учащихся, видом обучения являлись мектебы при мечетях и содержавшиеся частными лицами. По свидетельству современников, в них обучались «чтению и письму»⁵⁹. Броневский замечал также, что в этих школах «преподают уроки Арабского и Персидского языка по правилам грамматики»⁶⁰, и, конечно же, в них изучался Коран. Таирзаде в своей статье, специально посвященной истории мектебов в Азербайджане в 30-50-е гг. XIX в., отмечала, что эти школы не имели точно установленного срока обучения и в них могли учиться дети и юноши различного возраста и развития, при этом с каждого ученика взималась плата за обучение⁶¹. Имеются данные за различные годы о количестве таких учебных заведений и обучавшихся в них. Так, в начале 30-х гг. прошлого столетия в Баку было 20 мектебов (по числу указываемых молл) и 320 учащихся, а также 2 женских мектеба (также по числу учительниц) в крепости, в которых обучалось «более 25 девочек»⁶². По сведениям Березина за 1841 г., функционировало 14 бакинских мектебов, из них: 8 - в крепости (80 учащихся мужского пола) и 6 - на форштадте (35 чел. м.п.)⁶³. Усматриваемое уменьшение не стыкуется с

данными, приводимыми Таирзаде, в своей статье за последующий 1842 г. - 17 мектебов и 282 учащихся⁶⁴. Хотя количество учащихся в зависимости от года варьировалось, но приводимую нами разницу нужно объяснять, вероятно, системой подсчета Березина, к тому же возможен вариант фиксации положения преимущественного обучения учащихся в тот период не в мечетских мектебах, а у частных лиц. Разнятся и данные, относящиеся к началу 50-х гг. XIX в.: в рапорте бакинского уездного начальника шемахинскому вице-губернатору от 6 сентября 1850 г. указывалось, что в Баку “приходскими” моллами содержится 12 школ с 142-мя учениками⁶⁵, а в описании Баку, относящемся к тому же времени, говорится о наличии здесь в то время 16-ти школ и 284-х учащихся⁶⁶, т.е. на долю получающихся из разницы 4-х школ приходится 142 человека, ровно половина указанных 284-х, что свидетельствует о том, что искажения нужно искать в численности учащихся, а не школ. К концу исследуемого периода, в 1859 году, в Баку было 10 школ и 206 учащихся в них⁶⁷. Несмотря даже на расхождения в приводимых данных, они в конечном итоге являются свидетельством приверженности большей части населения (относительно русского уездного училища, в котором было мало учеников-азербайджанцев⁶⁸) к получению начального образования в традиционных типах школ. Что касается подведомственности мечетских мектебов, то, кроме разумеющейся подчиненности их мусульманскому духовному управлению, с учреждением в 1848 г. Кавказского учебного округа они состояли “в ведении” местных дирекций училищ, как и приходские училища, содержавшиеся за счет обществ и частных лиц, а также частные школы и пансионы и школы при католических молельных домах (кстати, в состав округа не входили школы при православных и армяно-григорианских монастырях и церквях)⁶⁹, т.е. фактически находились под надзором, в отличие от таковых же христианского исповедания (кроме вышеупомянутых католических). Однако влияние училищного начальства на мечетские школы ограничивалось “истребованием, чрез местных начальников, ежегодных сведений о количестве сих школ, именах духовных лиц, в них преподающих и числе учащихся”⁷⁰. Таким образом, не рискуя вмешиваться в ход учебного процесса в этих школах, учебное начальство хотело быть в курсе происходивших изменений в этой структуре, используя при этом административную власть на местах. Еще до учреждения округа в одном из циркуляров Закавказской дирекции училищ, датируемым началом 40-х гг. XIX в., говорилось, что “духовным особам всех вероисповеданий можно позволить обучать детей прихожан своих Закону Божию, коих по сему не подчиняются училищному начальству, точно так, как и пасторы Евангелической церкви в России, обучая детей прихожан своих Закону Божию, находятся только в зависимости от своего духовнаго начальства”⁷¹. Вышеуказанные статьи положения 1848 г. были вновь закреплены в положении 1853 г.⁷²

Обучением в изучаемое время в Баку занимались также и частные лица. Численность их за то или иное время можно проследить по камеральным описаниям города рассматриваемого периода. По переписи 1832 г. в городе “обучением детей грамоте” занимался один человек, который, как указывалось в примечании, не платил податей ввиду “не состоятельности”. В 1849 г. учением детей уже занималось 16 человек, из них: 13 - в крепости, а 3 - на форштадте. Интересно, что из этих 16-ти учителей лишь 11 человек относились к категории духовных и сеидов, которые не вошли в состав “исполнителей духовных треб”, т.е. представители духовенства, причисленные к податному сословию. Остальные же являлись светскими лицами. Перепись 1860 г. зафиксировала наличие в Баку в то время 9-ти частных преподавателей (7 - в крепости и 2 - на форштадте), из которых только один относился к неутвержденным духовным лицам, а еще один был указан в составе других податных слоев горожан как тоже “мулла”. Все указанные в переписи 1860 г. учителя занимались “обучением детей”, а по одному из них было отмечено, что он “учит арабскому языку”. Если до учреждения учебного округа в 1848 г., судя по уже упоминавшемуся циркуляру Закавказской дирекции училищ, желавший обучать “на правах домашнего учителя” должен был “выдержать экзамен” в Совете Тифлисской гимназии, а для вступления “в права лиц, занимающихся начальным обучением” - “быть испытан” в Совете гимназии или же в “одном из Уездных Училищ, если местопребывание желающего экзаменоваться удалено от Гимназии более, нежели на 100 верст”⁷³, то с вступлением в силу положения 1848 г. для открытия частных школ “для обучения грамоте местных языков” уже не требовалось никаких “испытаний”, а была обязанность “только представить училищному начальству удостоверение о нравственном их (учителей - Ф.Т.) поведении, за подписью местного полицейского начальника, или трех заслуживающих доверия особ”⁷⁴. Подобного рода заведения должны были состоять под надзором штатных смотрителей уездных училищ. Последние обязаны были “особенно” наблюдать за тем, чтобы в этих школах не преподавалось никаких других предметов, кроме “грамоты местных языков”, и иметь ежегодно сведения об учащихся в них⁷⁵. Эти статьи были внесены и в положение 1853 года⁷⁶. Становится ясно, что правительство, идя на смягчение условий получения права на частное преподавание, стремилось использовать частные школы против распространения сферы влияния (охвата учащихся) школ при мечетях. Вместе с тем, оно не допускало курса обучения, схожего по степени с уездным, так как, допустив подобное, можно было поставить под вопрос существование системы русских уездных училищ, что, впрочем, не умаляет положительного характера действий правительства в отношении частных школ после 1848 г., являющееся также свидетельством тенденции осознанного поощрения получения начального образования большим количеством населения.

На отвлечение мусульманского населения региона, и в том числе Баку, от школ при мечетях было направлено также создание сети т.н. мусульманских училищ “для образования детей из мусульман, которые не желают обучать детей своих в одном заведении с христианскими племенами”⁷⁷, т.е. фактически вводилось сегрегированное обучение (положение об устройстве в Закавказье мусульманских училищ было утверждено царем 27 июля 1850 г.)⁷⁸. Между тем оно замысливалось наместником Воронцовым, как видно из его отчета царю, и как “практическое начало” “для устройства” мусульманского духовенства на Кавказе⁷⁹. В Баку мусульманское училище было открыто 17 мая 1849 г.⁸⁰ (по другим сведениям - 18 мая)⁸¹. Шемахинский военный губернатор ген.-майор барон Врангель докладывал 24 марта наместнику Воронцову о том, что во время своей поездки в Баку лично передал (до этого губернатор обращался к бакинцам через местного уездного начальника) духовенству, бекам, и “гражданам” пожелание наместника об открытии в городе мусульманского училища, в связи с чем “все сии сословия единодушно, с особенной готовностью вызвались содействовать учреждению” и “в доказательства же своего соревнования, они в четверть часа времени пожертвовали одновременно по добровольной подписке, на устройство и содержание училища 700 руб. серебром”. Губернатор отмечал, что “кроме того, прапорщик Казым-бек Салимханов, нанял на свой счет под помещение заведения дом на 2 года, приняв на себя все потребные на устройство его издержки, а гражданин Гаджи Гаджи Баба назначил от себя также на 2 года, содержание учителю татарского, персидского и арабского языков”. В конце своего письма барон Врангель предлагал для “ближайшего же надзора за училищем и как бакинские мусульмане разделяются на 2 враждебные между собою партии, то во избежание нового повода к их раздорам, ... назначить почетным смотрителем уездного начальника”⁸².

Подобная трактовка происходила из общей направленности политики кавказского начальства в отношении образования, выразившееся в открытии мусульманских училищ отдельно для суннитов и шиитов. Независимо от этого привлекает внимание подвижничество привилегированных слоев населения Баку. В другом документе говорилось о решении преподавателя русского языка мусульманской училища Джафар Кули-бека Селимханова “независимо от своего отца, участвовать в пожертвованиях на то училище”, и отказаться от получения назначенного ему жалованья (деньги на содержание учителя русского языка отпускались “из сумм” наместника⁸³), обязавшись преподавать “русский язык до 1850 года безвозмездно”, и прося причислить полагающуюся ему сумму к “училищной сумме”⁸⁴.

Как отмечалось в одном из документов, в Бакинское мусульманское училище поступали дети лиц “всех состояний”, а науки преподавались “на Татарском, Персидском, Арабском и Русском языках”⁸⁵.

В общем, в мусульманских училищах отсутствовала плата за учебу, а предметами преподавания являлись языки (азербайджанский, арабский, русский и фарси), история, география, арифметика, общее понятие о русских узаконениях, форме и порядке судопроизводства и чистописание. По уставу они могли иметь три класса: первый - азербайджанский, второй - фарсидский, третий - арабский. Русский язык преподавался параллельно, начиная с первого класса⁸⁶. Срок обучения составлял в общей сложности 6 лет: по 2 года на каждый класс. Окончившие его получали аттестат и право поступления после сдачи экзаменов в гимназию. Данные по количественному составу Бакинского мусульманского училища свидетельствуют об устойчивой тенденции в системе обучения горожан-азербайджанцев в этом типе учебного заведения: численность учащихся стабильно держалась, в основном, на уровне 50-55 человек⁸⁷. По данным 1860 г. в училище при одном преподавателе(раньше их число составляло 3 чел. - Ф.Т.) обучалось уже 109 учеников⁸⁸. В том же 1860 г., как видно из отчета бакинского губернатора за этот год, “с переводом из г.Шемахи высшего...училища в г.Баку” Бакинское мусульманское училище было закрыто, “как излишнее”⁸⁹. Вышеуказанное послужило только поводом к закрытию училища, причину же нужно рассматривать в общем контексте, так как к этому времени данные училища закрывались повсеместно по Северному Азербайджану.

Меры, предпринимавшиеся кавказской администрацией в исследуемый период в области охраны здоровья, также были продиктованы насущными проблемами царского правительства и были органично связаны с проводившейся в то время политикой в отношении национальной окраины, каковой являлось Закавказье. Из различного рода документов становится ясно, что мероприятия в области здравоохранения ограничивались лишь действиями по недопущению тех или иных эпидемических болезней во внутрь России и заботой о состоянии в этом отношении воинских и гражданских чинов на местах. Поэтому на первый план выступала карантинная политика властей. Предельно ясно выразились на этот счет авторы “Обозрения российских владений за Кавказом”, характеризующем политику правительства, которые, перечисляя особенности Закавказья, заслуживающих “особенного внимания”, говорили о его важности для России и в “карантинном отношении”, что край “служит преградой внесению заразных болезней”, ставя это на один уровень с военной значимостью региона⁹⁰. Однако, несмотря на данное обстоятельство, говорить о какой-либо продуманной политике в этой области вплоть до 40-х гг. XIX в. не приходится. Как отмечали ревизовавшие край в начале 30-х гг. сенаторы Кутайсов и Мечников, до 1820 г. в Закавказье не было “совершенно” даже карантинных зданий и лишь с этого года, “хотя и начали возводиться таковыя здания, но не хозяйственно..., по надобностям экстренным и на время, так что вслед за тем все они разрушились... почему Закавказский край совершенно

открыт для взноса заразительных болезней". Сенаторы предлагали в связи с этим учредить пограничные и внутренние карантинные для защиты "от взноса заразы" со стороны Турции и Персии и представляли это на "воззрение" царя⁹¹. В том числе они предлагали устроить в Баку постоянный карантин⁹². В отношении главноуправлявшего в Грузии барона Розена министру внутренних дел Д.Н.Блудову от 18 июня 1834 г. мы встречаем уже упоминание о вышеуказанном делении и, что Бакинский карантин является по статусу пограничным, хотя и не имевшем, как и другие карантинные, как видно из документа, "всех строений, предписанных карантинным уставом", которых "и прежде не было, и ныне не имеется"⁹³. Заметим, что в 1828 г. был учрежден Комитет для предохранения Закавказья от чумной заразы и для общих распоряжений по карантинной части. Как замечалось в вышецитированном отношении, администрация прибегала "по надобности" к услугам местного населения, которое выставляло от себя для охраны карантинной цепи, кроме занятых здесь казаков, т.н. чапаров⁹⁴. Как становится ясно из другого документа, жители Баку помогали своим согражданам и администрации для организации карантинных непосредственно во время и самих эпидемий. Так, в своем прошении от 1820 г. главноуправлявшему в Грузии бакинский ахунд Наджаф Али отмечал, что он "во время существовавшей в Баке чумы в бытность комендантом Екимова⁹⁵ и протчих... издержал большую сумму денег на чумных находившихся в карантине у деревни Шихи стараясь всемерно дабы и другие не могли чумою заразиться"⁹⁶.

В отчете от 1841 г. о преобразовании Закавказья ген.Головина, управлявшего в Грузии, и сен.Гана также говорилось о существовании карантинной части "за Кавказом" "по одному лишь названию"⁹⁷. Происходило это от того, что по царскому указу от 4 декабря 1835 г, связанное с устройством карантинных по Кавказской Линии, относительно Закавказья говорилось: "Устройство карантинной цепи на самых границах наших с Персией и Турцией оставляется будущему усмотрению", а мнением Госсовета, которое нашло отражение в указе, полагалось, чтобы "вообще карантинное наблюдение за Кавказом ограничивалось, по возможности, мерами, которые собственно могут быть признаны необходимыми в пользу сего края, не затрудняя внешних сношений с Россией". В этой связи примечательна цитата из отношения барона Розена министру внутренних дел Блудову от 6 февраля 1836 г.: "...вопрос: которая из двух карантинных линий: Кавказская или Закавказская признается более благонадежною для охранения России от заразы, решен уже окончательно в пользу первой"⁹⁸.

Четвертого мая 1847 г. царем было утверждено "Положение об устройстве, действиях и управлении частей: карантинной и таможенной на Кавказе и за Кавказом", по которому карантинные учреждения в Закавказье соединялись с таможенными. В составе Закавказского карантинно-таможенного округа (Комитет по предохранению от чумы упразднен)

образовывалась Бакинская дистанция с пределами юрисдикции “от устьев Терека до Асландузского брода”. В Баку было образовано карантинно-таможенное правление, относившееся к 1-му разряду карантинно-таможенных учреждений (всего было 3 разряда - остальные относились к заставам и постам). Карантинно-таможенное правление состояло из управляющего, который имел по карантинной части права инспектора карантина, а по таможенной - управляющего таможенной. Члены правления также делились по выполняемым обязанностям: один - по таможенной части, другой - по карантинной. Кроме того в Баку состоял карантин⁹⁹. Согласно штату бакинского карантина в нем состояло 32 человека. Главный медицинский чиновник являлся вместе с тем директором карантина (он входил также в состав карантинно-таможенного правления). По штату также полагались: комиссары, старший (он же капитан карантинного порта) и младший; лекарь (он же комиссар пассажирского квартала); аптекарский гезель; повивальная бабка; фельдшер, а также другие карантинные служители¹⁰⁰. Таким образом, бакинский карантин фактически становился центральным, принимая во внимание статус карантинно-таможенного правления. Заметим, что еще ранее, в предположениях начала 40-х гг. XIX в., Баку предлагался как место для центрального карантина¹⁰¹. По “Учреждению для управления Закавказским краем” 1840 г. на уездных начальников возлагалось наблюдение за местными карантинами, а также принятие мер в случае “повальных болезней и скотских падежей”¹⁰². После преобразования 1847 г., как отмечал наместник Кавказа в своем отношении шемахинскому военному губернатору от 21 октября 1848 г., уездные начальники уже не сохраняли прежнего влияния на действия карантинных, а “должны” были “оказывать только или в случае надобности, всякое содействие; если же до уездных начальников дойдут какая либо жалобы, или встретиться надобность в принятии каких либо особых карантинных мер, то сноситься с карантинно-таможенными учреждениями, на которых лежит вся ответственность по этой части”¹⁰³. Говоря о бакинском карантине в описываемый период, нельзя не упомянуть о переписке между Бакинским карантинно-таможенным правлением и управлением округа. Правление предлагало на основании устава о карантинах, в котором отмечалось о наличии собственной аптеки каждым центральным карантинным, учредить таковую при бакинском карантине, которая здесь была “тем более” необходима, так как в Баку “почти неимеется подобнаго рода заведений” и “чиновники и нижние чины карантиннаго таможеннаго ведомства терпят крайнюю нужду подвергаясь частым болезням”, а в “небольших аптеках при военных лазаретах батальонном и морском (он располагался на форштадте в доме, купленном морским ведомством от казны в 1843 г.¹⁰⁴ - Ф.Т.)” лекарства имелись в “самом ограниченном количестве” и не всегда отпускались на сторону¹⁰⁵. Правление, сообразив население Баку и количество прибывающих, при том что в городе

не имелось вольной аптеки и городской больницы, находило возможным открыть при карантине аптеку и больницу, причем лекарства должны были отпускаться “по таксе” всем “городским обывателям”, а в больницу принимать “в случае возможности” и “посторонних больных, с платою за содержание и лекарство”¹⁰⁶. В ответ на это начальство округа, признавая, что “заведение при карантине аптеки действительно полезно и необходимо, но только с временем, и не иначе как по определению гезеля и по прибытии в Баку Главного медицинского чиновника, без просмотра которого не может быть пущен в ход представленный Правлением каталог лекарств”, в устройстве больницы не видело никакой необходимости, “тем более для города, к которому карантинная больница не должна иметь никакого соотношения”¹⁰⁷. Несмотря на прибытие главного медицинского чиновника, которым был просмотрен каталог лекарств, и составление нового представления правления в округ об аптеке, содержащем пункт о продаже лекарств горожанам¹⁰⁸, управляющий округом в своем отношении правлению от 23 июня 1855 г. предлагал последнему “зачислить конченным дело об учреждении аптеки..., не ожидая разрешения на представление..., так как в означенном учреждении не представляется ныне ни какой надобности”¹⁰⁹. Как видим, даже предусмотренное по уставу положение не выполнялось, не говоря уже об отношении к нуждам города в этой области.

Не лучше обстояли дела в рассматриваемое время непосредственно в сфере организации системы охраны здоровья жителей Баку. В 1814 году главнокомандовавший тогда в Грузии ген. Ртищев писал в Петербург о присылке “непременно”, в том числе и в Бакинскую провинцию (речь шла в общем о недостатке медицинских чинов в крае), “по крайней мере по одному лекарю”, так как он заимствовался “по уездам” “единственно лекарями от полков, где они также необходимы”, предполагая при этом назначить жалованье лекарям “из тамошних доходов”¹¹⁰. Лишь со введением гражданского управления в Закавказье по положению 1840 г. Баку и его уезд получили штаты гражданских медицинских работников. По этим штатам полагались: уездный врач; лекарские ученики: старший и младший; повивальная бабка¹¹¹. Такое положение сохранялось до перевода губернского центра в Баку, т.е. на всем протяжении исследуемого времени. Естественно, что даже в этом случае должна была ощущаться нехватка врачей в городе, так как, например, при увольнении в отпуск бакинского уездного врача его заменял медик военного ведомства¹¹², что, несомненно, так или иначе должно было отражаться на состоянии охраны здоровья горожан, учитывая основные обязанности военного медика. В начале 30-х гг. прошлого века кавказское начальство в лице Паскевича поднимало перед правительством вопрос создания в крае казенных аптек (в это время существовала подобная аптека только в Тифлисе), в связи с чем Грузинской Врачебной Управой был составлен соответствующий проект, по которому в Баку должна была быть

учреждена аптека 1-го отделения (они отличались от аптек 2-го отделения годовой пропорцией медикаментов: по 1-му отделению - на 100 человек, по 2-му отделению - на 50 чел). Паскевич отмечал, что “главнейшая цель сих заведений есть доставление жителям медицинских пособий, которые будут служить им прямым доказательством о...внимании и попечении к ним правительства”. Цель в создании казенных аптек состояла “в снабжении военных офицеров, гражданских чиновников и жителей лекарствами по рецептам медиков, первых безденежно, а последних за деньги”¹¹³. Медицинский департамент и Медицинский совет Министерства внутренних дел, приводя в основание убыточность рецептурной продажи из аптек и желание “об уничтожении” этой продажи, “по возможности,...и не только в отдаленных местах, но и внутри России состоящих, где, конечно, предостит более способов иметь аптечные заведения в надлежащем устройстве”, считали “ближайшим средством к отклонению всех затруднений в продовольствии жителей... края лекарствами” продажу лекарств по рецептам из аптек военного ведомства, о чем и уведомлялся Паскевич для соответствующего распоряжения¹¹⁴. Казенной аптеки в Баку не было на всем протяжении описываемого времени, о чем свидетельствуют отчеты шемахинского губернатора за различные годы¹¹⁵. Лишь в отчете бакинского губернатора за 1860 г. имеется сведение о наличии в Баку к этому времени “вольной аптеки”, вероятно, переведенная из Шемахи после землетрясения, так как отмечавшаяся ранее по этому городу аптека отсутствовала в данных за 1860 г.¹¹⁶.

В исследуемый период кавказская администрация большое внимание уделяла вопросам оспопрививания в крае, однако так как данная проблема достаточно подробно освещена в специальной статье Таирзаде¹¹⁷, мы не останавливаемся на этом.

В интересующий нас период Баку часто попадал в зону распространения различных эпидемий. Таковыми были эпидемии холеры в 1823¹¹⁸, 1828, 1830¹¹⁹, 1847¹²⁰ и 1857¹²¹ годах, оспы - в 1842¹²², 1849¹²³ и 1853¹²⁴ годах. За некоторые годы, как 1842, 1847, 1849 и 1853 годы, сведения о болезнях отмечались по Бакинскому уезду, поэтому трудно утверждать, могли ли они, даже если не затрагивали самого города, влиять на ситуацию в нем в какой-либо мере, так как например, по свидетельству современника, за тот же 1853 год здоровье жителей Баку, исходя из отчетов “по врачебному управлению” “не нарушалось ни чем особенным”¹²⁵. Жители города, а также бакинских деревень принимали посильное участие во время эпидемий по не распространению их. Так было в конце 1813 - начале 1814 годов, когда в Баку появилась “заразительная болезнь”, занесенная горцами Дагестана. В предписании командовавшего на Кавказе ген.Ртищева грузинскому гражданскому губернатору Малинскому отмечалось, что в Баку “остались в карантине одни только выздоравливающие, а вновь более не появляется

больных; во всех же селениях Бакинской провинции совершенно от заразы благополучно, каковому успеху послужило то, что сами жители по усмотрению, что болезнь открывшаяся между ними заразительна, приняли всевозможные осторожности и тем не допустили ей распространиться¹²⁶. В другом документе по поводу эпидемий холеры в 1830 году говорилось то же самое: “Жители (Баку и деревень - Ф.Т.), ознакомься с оной (холерой - Ф.Т.)..., при деятельности медиков, оказали весьма большую помощь пораженным холерою, принимая усердно все средства, сделавшиеся уже им несколько известными”¹²⁷. Приведенные выдержки из документов свидетельствуют, кроме прочего, и о санитарной культуре жителей Баку и окрестных селений того времени.

Из болезней, характерных для Баку, современники отмечали воспаления глаз из-за пыли во время северных ветров, а также, в основном, связанные с атмосферными изменениями¹²⁸. Нужно заметить, что те же современники считали бакинский климат “вообще здоровым” или “довольно здоровым местом на всем западном берегу Каспия”¹²⁹. Русский писатель, А.Ф.Писемский, описывая свое пребывание в Баку в 1856 году, замечал, что Баку за ее климат “персияне” называли “душа наша”, и далее прибавлял: “Для наших астрабадских крейсеров (имеется в виду русская станция в Астрабаде¹³⁰, действовавшая здесь с начала 40-х гг. XIX в. - Ф.Т.) она (т.е. Баку - Ф.Т.) служит лечебницей: часто болезненные и изнуренные лихорадкой приезжают они из Астрабада в Баку - и в неделю поправляются”¹³¹. Впрочем, в некоторых описаниях говорится и об удушливости воздуха в летние месяцы в крепостной части Баку из-за стесненности здесь строений¹³².

Обозрев систему государственного здравоохранения в тот период, нельзя не сказать о частных лекарях из местных горожан, на плечи которых в силу определенных причин, в том числе и вышеизъясненных, ложилась немалая часть заботы о здоровье сограждан. Если исходить из камеральных описаний города за изучаемый период, то их количество было мало: по 1832 г. - 2 лекаря-азербайджанца, по 1849 г. - I оспопрививатель-армянин (вероятно, “вольный оспопрививатель”) и по 1860 г. - I “азиатский доктор” - азербайджанец, а также I лекарский ученик из армян, который не в счет, потому что, судя по профессии, он входил в состав уездного медицинского ведомства. Сюда надо включить, вероятно, цирюльников, а также лиц, которые кроме своей основной профессии, показанной в той же переписи, умели врачевать (в данном случае не затрагивается степень их знаний в области медицины). Надо заметить, что для врачевания нужно было соответствующее разрешение, о чем свидетельствует запись от 1837 г. “О дозволении бакинцу Мирзе Абдул Касуму заниматься лечением жителей” из описи решенных дел канцелярии Дагестанского военно-окружного начальника¹³³. Броневский в своей работе давал такую оценку квалификации лекарей Баку, Шемахи и Дербента: “Знание собственных их врачей

заключается в некоторых практических обхождениях с известными болезнями, каковые стараются наиболее прекращать наружными лекарствами; но искусно вырезают пули и заживляют всякия раны”. При этом он замечал, что жители этих городов “науку врачебную и особу врачей отлично уважают”¹³⁴. Представляет интерес цитата и из отчета бакинского губернатора за 1860 г., которая может использоваться как свидетельство намечаемой тенденции, проявившейся к концу рассматриваемого периода: “Туземцы в прежнее время очень редко обращались к помощи ученых медиков, а пользовались пособием своих лекарей..., но теперь, особенно городские жители приобрели доверие к нашим медикам и преимущественно обращаются к ним”¹³⁵.

Изложенный выше материал наглядно демонстрирует политику царских властей в области развития системы просвещения и здравоохранения Баку в исследуемое время и формирование новой, российской системы в этих сферах, с его направленностью и тенденциями, сосуществованием с традиционными структурами, что неизбежно вовлекало Баку (в составе всего региона) в организм большой империи, вместе с тем поднимая рассматриваемые области городской жизни на другой, качественно новый уровень, имевший свои положительные особенности.

1. АКАК, т.VII, N 47, с.39.
2. ОРВЗК, ч.I, с.8.
3. Таирзаде Н.А. Численность и состав учащихся русских учебных заведений Азербайджана в 40-50-е годы XIX в. - Известия АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук, N 1., 1964, с.43.
4. Там же.
5. ПСЗ-II, СПб., 1830, т.4, N 3060, с.571.
6. Там же, с.571-574
7. Окунь СБ. Очерки истории СССР (вторая четверть XIX века) Л., 1957, с.102.
8. ПСЗ-II, т.4, N 3060, с.573.
9. Там же, штаты, к N 3060, с.20.
10. Там же, N 3060, с.573.
11. Там же, штаты, к N3060, с.20.
12. Там же, N 3060, с.574.
13. Рождественский СВ. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902, с.209. Такого же мнения придерживался кавказский начальник барон Розен. –См.: АКАК, т.VII, N 67, с.97.
14. АКАК, т.VII, N 89, с.62.
15. ГИА АР, ф.845, оп.I, ед.хр.66, л.20об; Кавказский календарь на 1846 г. СПб., изд.2, 1846, отд.третье, с.147.
16. ГИА АР, ф.24, оп.I, ед.хр.328, лл.238об-240об.
17. АКАК, т.VIII, N 67, с.97.
18. ОРВЗК, ч.IV, с.47-48.
19. Бакиханов А.К. Сочинения. Записки. Письма. Баку, 1983, с.252.
20. Там же, с.251-254.
21. Пашаев А.Х. Очерки истории начального образования на Кавказе в XIX - начале XX веков (опыт сравнительно - исторического изучения проблемы). Баку, 1991, с.64.
22. АКАК, т.VIII, N 67, с.97.
23. Окунь СБ. Очерки истории СССР..., с. 102.
24. АКАК, т.VIII, N 67, с.98.
25. ПСЗ-II, СПб.,1836, т. 10, отд.первое, N 8123, с.406.
26. Там же, с.406, 409.
27. Там же, с.410.
28. Там же, т.23, отд.второе, N 22838, с.96-97.
29. Надеждин П.П. Кавказский край: природа и люди. Тула, изд.3-е, 1901, с.275.
30. Рождественский СВ. Исторический обзор..., с.240.
- 31 ПСЗ-II, т.23, отд.второе, N 22838, с. 106.
32. Там же, с 107.

33. Там же, приложения, к N 22838, с.235.
34. Там же, N 22838. с. 107.
35. ГИА АР, ф.845, оп.І, ед.хр.21, лл.19об, 21об.
36. Там же, ед.хр.66, л.17об.
37. ПСЗ-ІІ, т.23, отд.второс, N 22838, с. 107.
38. ГИА АР, ф.845, оп.І, ед.хр.24, лл.11-11об.
39. Там же, лл13-14.
40. Там же, л. 12.
41. Там же, ед.хр.66, л.20об; ф.318, оп.І, ед.хр.1, лл.14, 209. Наместник М.С.Воронцов в своем отчете царю за 1846-1848 гг. писал, что дом принят в учебное ведомство. - См.: АКАК, т.Х. Отчет кн. М.С.Воронцова за 1846-1848 гг., с.855.
42. ГИА АР, ф.318, оп.І, ед.хр.5, л.25. О ходе строительства см. также: Там же, ед.хр.2,3.
43. Кавказский календарь на 1846 г., с. 146.
44. ГИА АР, ф.845, оп.І, ед.хр.66, лл.20об-21.
45. Там же, л. 18.
46. Там же, ед.хр.15, лл.5об, 12об, 28об, 32об.
47. Там же, лл.12об, 20об, 48об; ед.хр.66, л.18об.
48. ПСЗ-ІІ, СПб., 1854, т.28, отд. первое, N 27646, с.498-499.
49. Там же, с.508-509.
50. Там же.
51. Там же, с.508.
52. См.: Пашаев А.Х. Очерки истории..., с.92-94.
53. ГИА АР, ф.313, оп.3, ед.хр.209, л.52; оп.2, ед.хр.139, лл.9-10об, 12об; АКАК, т.ХІ, N 779, с.742.
54. ГИА АР, ф.313, оп.2, ед.хр.152, л.9.
55. Там же, ед.хр.142. л.13об.
56. Там же, оп.І, ед.хр.5, л.2.
57. ПСЗ-ІІ, т.28, отд.первое, N 27646, с.506.
58. ГИА АР, ф.313, оп.І, ед.хр.5, лл.3об, 5об.
59. Там же, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.37об; ОРВЗК, ч.ІV, с.48.
60. Броневский С. Новейшие...ч.2, с.459.
61. Таирзаде Н.А. О мектебах в Азербайджане в 30-50-е гг. ХІХ в. Известия АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук. N 11. 1961, с.53.
62. ОРВЗК, ч.ІV, с.48.
63. Березин И. Путешествие..., приложения, с.9.
64. Таирзаде Н.А. О мектебах..., с.47.
65. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.37об.
66. Спасский-Автономов К. Баку. с.307.
67. Таирзаде Н.А. О мектебах..., с.50.
68. См.: Она же. Численность..., с.51-52.

69. ПСЗ-П, т.23, отд.второс, N 22838, е.97.
70. Там же, с 109.
71. ГИА АР, ф.313, оп.3, ед.хр.37, лл.1об-2.
72. ПСЗ-П, т.28. отд. первое, N 27646, с.499, 512-513.
73. ГИА АР, ф.313, оп.3, ед.хр.37, л.1об.
74. ПСЗ-П, т.23, отд.второе, N 22838, с.110.
75. Там же.
76. Там же, т.28, отд.первое, N 27646, с.513.
77. АКАК, т.Х, Отчет кн. М.С. Воронцова за 1849-1851 гг., с.897. См. также: НАИИ, инв. N 1664, л.483; ПСЗ-П, СПб., 1851, т.25, отд. первое, N 24359. с.660.
78. ПСЗ-П, т.25, отд.первое, N 24359.
79. АКАК, т.Х, Отчет кн. М.С. Воронцова за 1849-1851 гг., с.900.
80. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.37об.
81. Снасский-Автономов К. Баку, с.307.
82. НАИИ, инв. N 1664
83. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.38.
84. НАИИ, инв. N 1664, л.485.
85. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.38.
86. См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVII-I половины XIX в. М., 1973, с.523.
87. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.38; Снасский-Автономов К. Баку, с.307; Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851, с.456; Ахмедов Г. Из истории педагогики Азербайджана. Часть II. Баку, 1993, с.38.
88. НАИИ, инв. N 1993, лл.114-115.
89. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, л.26.
90. ОРЗВК, чI, с.89.
91. АКАК, т.VIII, N 1, с.11.
92. Там же, N 79, с. 126.
93. АКАК, т.VIII, N 87, с.137.
94. Там же, с.138.
95. Подполковник Екимов являлся комендантом Баку в 1812-1816 гг. - См.: НАИИ, инв. N 1664, л.252.
96. ГИА АР, ф.24, оп.I, ед.хр.79. л.1.
97. АКАК, т.IX, N 33, с.35.
98. Там же, т. VIII, N 96, с. 167-168.
99. ПСЗ-П, СПб., 1848, т.22, отд.первое, N 21169, с.400-402.
100. Там же, т.22, отд.второс, приложения, к N 21169, с.69.
101. АКАК, т.IX, N 565, с.684, N 568, с.686.
102. ПСЗ-П, СПб., 1841, т.15, отд. первое. N 13368, с.247.
103. ГИА АР, ф.45. оп.2, ед.хр.10, лл.68-68об.
104. Там же, ф.202. оп.I. ед.хр. 233, л.1.

105. Там же, ед.хр. 190, л.30.
106. Там же, ед.хр. 233, лл.1об-2.
107. Там же, лл.9-9об.
108. Там же. лл.16-16об.
109. Там же, л. 18.
110. АКАК, т.V, N 374, с.318.
111. ГИА АР, ф.324, оп I, ед.хр.2, лл.28-29об; ед.хр. 23, л.6.
112. Там же, ф.30. оп.I, ед.хр.10, л.34об.
113. АКАК, т.VII, N 162, с.224.
114. Там же, N 180, с.231-232.
115. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.39, лл.87об, 142об-143; ед.хр.42а, лл.14об-15.
116. Там же, ф.45, оп.2, ед.хр.39, лл.87об, 142об; ед.хр.42а, лл.14об-15; ед.хр.77а, л.24об.
117. См.: Таирзаде Н.А. Введение оспопрививания и распространение его в 40-е годы XIX в. в Азербайджане. - Известия АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук, N 7, 1962, с.15-30.
118. ГИА АР, ф.247, оп.1, ед.хр.8, л.59об.
119. АКАК, т.VII, N 163, с.225, N 168, с.228, N 170, с.229, N 173, с.230, N 175, с.230.
120. ГИА АР, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.29об.
121. АКАК, т.XII, N 105, с. 175.
122. ГИА АР, ф.31, оп.I, ед.хр.21. т.I, лл. 185,191.
123. Там же, ф.44, оп.2, ед.хр.26, л.29об.
124. Там же, ф.324, оп.1, ед.хр.3, л.22.
125. Филиппов, Описание города Баку..., с.161.
126. АКАК, т.V, N409, с.349. См. также: N 408, с.348-349.
127. Там же, т.VII, N 175, с.230-231.
128. Спасский-Автономов К. Баку, с.309; Филиппов. Описание города Баку..., с.161-162; ГИА АР, ф.324, оп.1, ед.хр. 17, лл.11-11об.
129. Спасский-Автономов К. Баку, с.309; Филиппов. Описание города Баку..., с. 158. См. также: АКАК, т.XII, N 327, с.392; ГИА АР, ф.324, оп.1, ед.хр. 17, л.11.
130. Ныне город Горган в Иране.
131. "Баку полвека назад" - Каспий, N 84, 14 апреля 1913 г.
132. ОРВЗК, ч.IV, с.9; НАИИ, инв. N 632, л.6.
133. ГИА АР, ф.30, оп.I, ед.хр.I, л.25об.
134. Броневский С. Новейшие..., ч.2, с.460.
135. ГИА АР, ф.45, оп.2, ед.хр.77а, л.24об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период первой половины XIX века в истории города Баку - это время завоевания Северного Азербайджана Российской империей и включение города Баку в результате этого в состав России. На развитие города Баку в составе Российской империи в рассматриваемый период накладывало отпечаток характер проведения в Северном Азербайджане метрополией колониальных мероприятий во всех областях. Вместе с тем, в самой России конец XVIII-первая половина XIX вв. характеризуется как переходная эпоха от феодализма к капитализму. Конкретным проявлением разложения феодально-крепостнической системы хозяйства в России являлось постепенное включение Баку и всего Северного Азербайджана в общероссийскую общественно-политическую и социально-экономическую системы.

Вместе с общими для всего региона преобразованиями того времени в развитии города Баку в исследуемое время доминантным являлось его выгоднейшее географическое положение на западном берегу Каспия, определявшее специфичность уровня и характера протекавших здесь процессов.

Политическая значимость этого местоположения (геополитика) обусловила завоевание Баку в составе Бакинского ханства в ходе первой русско-иранской войны в 1806 году с последующей ликвидацией ханства и введением непосредственно русского военного правления, несмотря на существовавшую возможность сохранения ханства по подобию других североазербайджанских ханств, включенных в состав Российской империи. Этим же объяснялось главенствующее положение Баку по отношению к городам Куба и Дербент до образования Дагестанского военного округа. Впрочем, и в последующем Баку в интересующее нас время играл ключевую роль в регионе, выражавшееся в военном значении города и соответствующем статусе Бакинской крепости, а также как транспортного узла, результатом чего стало возведение Баку в степень губернского города в конце изучаемого периода.

Узловое транспортное значение Баку в исследуемое время оказало сильное влияние и на социально-экономическую ситуацию в городе. Так, по материалам исследования, имел развитие сектор наемного труда (как квалифицированного, так и неквалифицированного), что объясняется его тесной взаимосвязью с торговлей, по своему состоянию и развитию в исследуемое время (по числу занятых в ней лиц) стоящей на втором месте (после сектора наемного труда, исходя из занятых в них людей) в структуре экономики Баку, а также следствием географических особенностей города-порта, так как именно оживленное каспийское судоходство являлось причиной столь большого в количественном отношении аккумулярования

наемной силы в городе, что должно было в определенной степени и сдерживать отток населения - "отходников" - из Баку, хотя и имеются сведения о наличии таковых (в Иран и другие города России) в изучаемое время.

Состояние торгового сектора в Баку в исследуемый период также являлось следствием географических условий города. В то же время выгоды торговой деятельности ослабляли в определенной степени развитие ремесла. Однако вместе с тем торговля являлась одним из главных источников первоначального накопления и способствовала генезису и развитию капиталистического производства, ярким примером чего служат последующие годы в истории Баку. С ней же стыкуется и деятельность представителей транспортной отрасли, в том числе и судохозяев. Проявление в области судоходства отдельных моментов (например, разделение: судохозяин+лоцман, т.е. капитан, а также использование на бакинских судах вольнонаемных матросов-музуров/ позволяет говорить о возникновении зачатков капиталистических отношений в тот период в этой отрасли.

Ремесленное производство, вернее, его состояние, также зависело от географического разделения труда в Северном Азербайджане и географической специфики, что наглядно видно из исследования в том, какие виды ремесел получили развитие или, наоборот, клонились к упадку, а также вообще отсутствовали. Ремесло в Баку в изучаемое время имело характер производства на заказ и удовлетворяло преимущественно местные потребности, хотя были отрасли изделия которых ценились за пределами Северного Азербайджана, свидетельствующее о более или менее высокой стадии развития этих отраслей. Как свидетельствуют материалы исследования, в Баку в рассматриваемый период отсутствовало цеховое разделение ремесленников города, лишь в определенный отрезок времени, а может быть и на всем протяжении описываемого времени, существовали объединения каменщиков и судовщиков (связанное, вероятно, со спецификой их работы), являвшиеся, на наш взгляд, скорее своего рода артелями, чем цехами с внутренней регламентацией.

В интересующее нас время разведение технических культур (шафран, марена и т.п.) оставалось дополнительным источником существования горожан, не превратясь в разряд основного промысла, как хлебопашество. Удельный вес занимавшихся земледелием к концу изучаемого периода свидетельствует, несмотря на рост абсолютного количества, о наметившейся тенденции к концу рассматриваемого времени отхода жителей Баку от земледельческих занятий. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, несмотря на преимущества приморского города, каковым является Баку, рыболовство не играло существенной роли в экономической жизни города, оставаясь, вероятно, подсобным занятием городских жителей.

Развитие средств связи и транспорта в Баку в описываемое время происходило от факторов экономического, географического, административного и политического характера и было вызвано, в основном, этими потребностями, оказав благотворное влияние на развитие города в целом, и, способствуя последующему росту его значения и места уже в масштабах Российской империи.

Изложенный в исследовании материал относительно состояния просвещения и здравоохранения в Баку в описываемое время показывает формирование новой российской системы в этих сферах, с его направленностью и тенденциями, сосуществованием с традиционными структурами, расположенность населения Баку к которым в тот период еще не ослабевала.

При изучении социальной структуры города в рассматриваемое время выяснилось, что в тот период Баку являлся в национальном отношении ярко выраженным азербайджанским городом. В то же время уже в этот период наблюдаются тенденции к увеличению притока иноэтнического элемента, свидетельствующее о возрастающем значении Баку. В исследуемый период основным показателем роста населения Баку являлось его естественное движение. К концу рассматриваемого времени происходит увеличение количества податного населения, объясняемое более точным составлением последнего для нашего периода камерального описания (1860 г.) и естественным приростом, а также результатом притока податного населения из других мест и изменений в сословном составе города. К концу описываемого периода происходит уменьшение относительного количества представителей высших сословий, произошедшее в результате попыток упорядочивания системы отыскивания бекских званий и утверждения духовных лиц, восходящее также к системе взаимоотношений царского правительства с данными сословиями при отсутствии кодификации их статусов на всем протяжении изучаемого периода в Северном Азербайджане. Анализ профессионального состава крестьян - казенных поселян Бакинского уезда по камеральному описанию г.Баку 1860 г. показал, что они составляли всего 10,3% от лиц наемного трудящихся Баку к 1860 г., свидетельствующее о том, что пополнение сектора наемного труда в исследуемое время происходило за счет самих горожан.

Этносоциальная структура Баку в рассматриваемый период адекватным образом отражала ситуацию в национальном составе города.

В исследуемое время разница между заселенностью крепости и форштадта, составлявших город Баку, держалась стабильно в пользу крепости. Изменения в территориальной застраиваемости города в тот период наглядно прослеживаются по таблице I исследования, отражающей динамику роста городских сооружений, который, в основном, поддерживался за счет застройки форштадта. Следуя материалам исследования, приходим к выводу,

что уже в рассматриваемый период, в связи с дальнейшим развитием города и участием так или иначе в этом, поселение Чемберкенд и селение Шихово, которое в 40-х гг. XIX в. включалось в камеральные описания города, т.е. в городскую черту, органически входили в городской организм и дополняли его, независимо от юридических положений того времени.

Вне зависимости от колонизаторских целей российского самодержавия и сущности проводимых им мероприятий во всем регионе и в том числе в Баку, политических и экономических тормозов, вроде административно-полицейской опеки и откупной системы, нельзя не отметить, определенные положительные последствия некоторых из этих мер. Все это делало неизбежным вовлечение Баку в организм большой империи, а с признанием значения Баку посредством возведения его в конце 1859 года в степень центра губернии, охватывавшей немалую часть территории Северного Азербайджана, начинался качественно новый этап в его многовековой истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I.....	6
ЗАВОЕВАНИЕ БАКИНСКОГО ХАНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ..	6
ГЛАВА II	24
ТЕРРИТОРИЯ, НАСЕЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА	24
УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ.....	24
ТЕРРИТОРИЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА	24
АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ, БЮДЖЕТ И БЛАГОУСТРОЙСТВО.....	66
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА	94
ГЛАВА IV	148
ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170

Fuad Əzizəğa oğlu Tağıyev

XIX əsrin birinci yarısında Bakı şəhərinin tarixi (1806-1859)

Фуад Азизага оглы Тагиев История города Баку в первой половине XIX века (1806-1859)

Сдано в набор: 27.07.1999
Подписано к печати: 30. 08.1999
Формат бумаги: 84 x 108 1/32
Печ. л. 12.25
Офсетная печать
Тираж 500
Заказ № 49

Академия Наук Азербайджана
Редакционно-издательский. полиграфический центр “ЭЛМ” г. Баку, ул.
Истиглалят 10

Отпечатано в типографии №1, ул. Али Байрамова 3 Министерство печати и информации Азербайджанской Республики

© Ф.А.Тагиев, 1999